

Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение
высшего образования
«Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

На правах рукописи

Подобреевская Евгения Сергеевна

**ВНЕДРЕНИЕ ПРИНЦИПОВ
УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ
В СОВРЕМЕННЫЕ ПРАКТИКИ
ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ**

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель

Селезнев Павел Сергеевич,
доктор политических наук, доцент

Москва – 2026

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Устойчивое развитие как социально-политическая концепция: теоретико-методологический анализ.....	19
1.1 Устойчивое развитие и его принципы: генезис и проблема интерпретации.....	19
1.2 Социально-политические контексты и риски устойчивого развития в начале XXI века.....	47
Глава 2 Принципы устойчивого развития в политических практиках зарубежных макрорегионов и стран.....	67
2.1 Место и специфика реализации принципов устойчивого развития в политике Европейского Союза.....	68
2.2 Специфика внедрения и реализации принципов устойчивого развития в США.....	87
2.3 Особенности и проблемы внедрения принципов устойчивого развития в Китайской Народной Республике.....	104
Глава 3 Принципы устойчивого развития в политическом пространстве современной России.....	119
3.1 Нормативно-институциональные основания внедрения принципов устойчивого развития в систему государственного управления Российской Федерации.....	119
3.2 Государственно-частное партнерство и корпоративная социальная ответственность как основные направления реализации принципов устойчивого развития в России.....	145
3.3 Перспективы использования принципов устойчивого развития в российских практиках политического управления.....	163
Заключение	175
Список литературы	181

Приложение А Экспертный опрос «Политика устойчивого развития в Российской Федерации: приоритеты и механизмы».....	203
Приложение Б Результаты структурно-логического анализа экспертных интервью.....	205

Введение

Актуальность темы исследования. Одной из актуальных тенденций, характеризующих трансформационную динамику современного мира в начале XXI века, является сложный, нелинейный и не завершённый на данный момент переход к различным социально-политическим моделям устойчивого развития. Термин «устойчивое развитие», зародившийся во второй половине XX века, первоначально отражал высокий уровень противоречий в системе координат «человек – социум – природная среда» и был связан преимущественно с экологическими, демографическими и экономическими проблемами индустриальной цивилизации. Прежде всего, речь шла об ограниченности форсированных и при этом экстенсивных сценариев социально-экономического роста, крайне неравномерном характере распределения экономических благ, техногенных угрозах окружающей среде и здоровью людей. Но уже в конце 1980-х – начале 1990-х годов на первый план вышло более развернутое – комплексное – понимание характера и принципов устойчивого развития. Данный концепт стал рассматриваться в симбиотическом ракурсе, сквозь призму всего спектра вызовов, адресованных современной планетарной цивилизации.

Закономерно, что в фокусе внимания исследователей оказалось политическое измерение понятия «устойчивое развитие». Более того, интегративный характер политических отношений и политического управления предопределил тот факт, что именно политический компонент устойчивого развития стал рассматриваться в качестве центрального, определяющего по отношению ко всем иным его составляющим: экологической, культурной, технологической, информационной, социально-экономической. Принятие конференцией ООН по окружающей среде и развитию (3-14 июня 1992 года) Рио-де-Жанейрской декларации по окружающей среде и развитию (далее – Декларации Рио-92 или Декларации Рио-де-Жанейр по окружающей среде и развитию) наглядно

свидетельствовало о двух моментах. Во-первых, концепция устойчивого развития приобрела глобальное звучание – стала рассматриваться сквозь призму «большой политики», перспектив развития международного сотрудничества во всех значимых сферах жизнедеятельности современных обществ. Во-вторых, именно государство стало претендовать на роль центрального «агента» – системообразующего института, проводника и модератора политики устойчивого развития.

При этом конец XX – начало XXI вв. стали сложным историческим периодом, для которого были характерны постоянные попытки переосмыслить и саму мировоззренческую суть устойчивого развития, и принципы перехода к общепланетарной устойчивости, и роль политической составляющей в процессе выработки стратегий и организации устойчивого развития. В этот период, с одной стороны, понятие «устойчивое развитие» прочно вошло в международный политический лексикон, а стратегии устойчивого развития (и связанные с ними концепции «зеленой экономики») стали неотъемлемой частью политики современных государств. А с другой стороны – глобальная политико-экономическая динамика начала третьего тысячелетия демонстрировала обратные, по существу, кризисные тенденции, обусловленные ростом турбулентности мирового политического процесса. Человечество в целом столкнулось с кризисом системы международных отношений, кристаллизацией новых геополитических (международный терроризм и хаотизация отдельных макрорегионов планеты), информационных (риски цифровой трансформации) и социогуманитарных (пандемия COVID 19) вызовов. Указанные вызовы носят преимущественно глобальный и предельно разрушительный характер, дезорганизуют политические отношения и процессы и на глобальном, и на национально-государственном уровне.

Все это подчеркивает актуальность политологического изучения концептуальных оснований, механизмов и политических практик устойчивого развития, реализуемых современными государствами.

Указанное противоречие между декларируемыми государственными стратегиями устойчивого развития и турбулентной – неустойчивой политической динамикой начала XXI столетия и составляет *исследовательскую проблему*, которой посвящена работа.

Степень разработанности темы исследования. Можно отметить, что устойчивое развитие как сложный и полицентричный процесс стало объектом пристального интереса со стороны различных групп исследователей и областей социогуманитарного знания. Существенный вклад в его комплексное осмысление внесла и политическая наука. В то же время, многогранность смыслов, заключенных в понятии «устойчивое развитие», предопределила большой объем разнообразного теоретического материала по данной тематике.

Таким образом, характеризуя степень научной разработанности рассматриваемой проблемы в трудах зарубежных и российских ученых, представляется необходимым выделить шесть основных групп исследований.

Первая группа – это социально- и политико-философские труды, в рамках которых устойчивое развитие осмысливался как некая целостность, в социоисторическом ключе, сквозь призму фундаментальных трансформаций человеческого общества, изменения парадигмальных оснований его взаимодействия с природной средой. К числу исследований, принадлежащих к данному направлению, можно отнести работы У. Бека, Дж. Гелбрейта, Н.Н. Моисеева, К. Поланьи, Т.А. Урсул, А.Д. Урсула, Дж. Форрестера и других авторов.

Вторая группа исследований – это работы, в которых устойчивое развитие, его необходимость и основополагающие принципы, анализируются сквозь призму глобальных проблем современной человеческой цивилизации. Ученые, работающие в русле данного подхода, заостряют внимание на экологических проблемах, обусловленных дисбалансом в системе отношений «социум – технологии – природная

среда», а также разнообразных экстерналиях и внутренних ограничениях существующих моделей экономического роста (В.И. Данилов-Данильян, Э.М. Зомонова, Д. Медоуз, Д. Меллор, Я. Тинберген, И.Ю. Ховавко, Б. Хопвуд, А.Н. Чумаков и др.).

Третья группа работ представлена публикациями, авторы которых пытаются детально осмыслить феномен устойчивого развития в контексте эколого-экономических реалий XXI века, обращаются к проблеме «зеленого перехода», трансформации приоритетов и механизмов реализации государственной экономической политики в условиях развития инновационных секторов экономики и формирования цифровых технологических укладов. К данной группе относятся труды С.Н. Бобылева, Т. Джексона, Э. Миллингтона, М.В. Онищенко, Дж. Рифкина, Дж. Сакса, К.В. Симонова, М.В. Терешинной К. Уильямса, И.В. Юшкова и других исследователей.

Четвертая группа – работы, посвященные анализу устойчивого развития в его политико-управленческой проекции, сквозь многомерную оптику социально-политических реалий и вызовов современности. В данном контексте особый интерес представляют работы С.Н. Бобылева, Л.М. Григорьева, С.С. Жильцова, В.К. Левашова, О.Г. Леоновой, О.В. Петровской, О.Ф. Шаброва и др.

Пятая группа работ – исследования национальных кейсов реализации политики устойчивого развития. В рамках данной группы можно выделить три исследовательских блока. Первый блок – научные труды, в которых анализируется политика устойчивого развития, реализуемая в Европейском Союзе (далее - ЕС) (И.С. Воробьев, А. М. Воротников, Н.А. Кавешников, Ю.Ю. Ковалев и др.). Второй блок – публикации, посвященные специфике опыта США в сфере обеспечения устойчивого развития (М.Ю. Белецкая, Дж. Бьюлл, Т. Де Лука, Е.Н. Ефименко, А.Г. Сахаров и др.). Третий блок составляют работы, в которых анализируется опыт государственной политики устойчивого развития, реализуемой в Китайской народной

республике (М.А. Балашова, Д.Р. Валитова, Х. Лан, Е.И. Сафронова, А.Л. Стрёмовская, Ч. Чжан и др.).

Шестая группа объединяет широкий спектр работ, в которых анализируется политика устойчивого развития в Российской Федерации, принципы, механизмы и перспективы ее осуществления с учетом специфики политико-административной конфигурации и экономической системы в современной России. К числу наиболее значимых работ, сфокусированных на актуальных российских практиках реализации политики устойчивого развития, необходимо отнести труды Т.Т. Авдеевой, В.Н. Лексина, А.Г. Сахарова, М.В. Терешинной, Т.Н. Усковой, Н.Н. Якимчук и др.

Отдельное направление исследований в рамках данной группы – многочисленные труды, в которых рассматривается государственно-частное партнерство как один из стержневых механизмов реализации комплексной стратегии устойчивого развития в современной России (В.Г. Варнавский, Я.И. Ваславский, О.Ю. Гончарова, О.Е. Кузина, А.Я. Рыженков, А.Н. Шохин и др.).

Таким образом, исследовательский интерес в рамках данной работы сфокусирован на роли концептуальных оснований, механизмов и принципов устойчивого развития в политическом управлении в условиях внутренних и внешних вызовов, с которыми сталкиваются современные государства.

Объект исследования – устойчивое развитие как стратегический вектор политического управления.

Предмет исследования – механизмы устойчивого развития в современных практиках политического управления, сотрудничества власти и социально ответственного бизнеса.

Цель исследования состоит в выявлении особенностей концептуализации и реализации практик устойчивого развития в политике современных государств под влиянием глобальных социально-политических изменений начала XXI века.

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие **задачи:**

- 1) охарактеризовать особенности воздействия глобальных политических контекстов на понимание устойчивого развития;
- 2) выявить специфику внедрения и реализации принципов устойчивого развития в США;
- 3) определить место устойчивого развития, его принципов, в политике Европейского Союза;
- 4) раскрыть особенности и проблемы внедрения принципов устойчивого развития в Китайской Народной Республике;
- 5) детализировать нормативно-институциональные основания внедрения принципов устойчивого развития в систему государственного управления Российской Федерации;
- 6) охарактеризовать роль государственно-частного партнерства корпоративной социальной ответственности в формулировании и реализации стратегии устойчивого развития в Российской Федерации;
- 7) очертить возможные перспективы дальнейшего использования принципов устойчивого развития в российских практиках политического управления.

Область исследования диссертации соответствует пункту 18. «Модели политической модернизации», пункту 20. «Механизмы и технологии управления политическими изменениями» и пункту 33. «Стратегическое управление, политическое прогнозирование и проектирование политических институтов и процессов» Паспорта научной специальности 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки).

Эмпирическая база исследования состоит из трех блоков.

Во-первых, это документы, определяющие специфику реализации политики в сфере устойчивого развития на международном уровне и в зарубежных странах (доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее», Декларация Рио-де-Жанейро

по окружающей среде и развитию от 14 июня 1992 года, Общая программа действий Европейского союза по окружающей среде до 2030 года, Шестая программа действий Европейского Сообщества в области окружающей среды и ряд других документов). В рамках этого блока можно выделить ежегодные доклады о мировом развитии Всемирного банка (2020-2024 годы) и аналитические доклады Стокгольмского института исследований проблем мира.

Во-вторых, нормативные акты и документы стратегического планирования, на основе которых осуществляется государственное управление устойчивым развитием в Российской Федерации. К наиболее важным из них относятся: Федеральный закон от 20 июня 2014 г. «О стратегическом планировании в Российской Федерации», Указ Президента Российской Федерации от 1 апреля 1996 г. № 440 «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию», Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

В-третьих, результаты экспертного опроса «Политика устойчивого развития в Российской Федерации: приоритеты и механизмы», в рамках которого было опрошено 78 экспертов. Гайд опроса представлен в приложении. Опрос был нацелен как на анализ организационных и контекстуально-политических особенностей государственной политики Российской Федерации в области устойчивого развития на современном этапе ее реализации, так и на выявление недостатков в реализации данной политики и возможных путей их устранения. В число экспертов –

участников опроса включены представители научной сферы (22 человека), областью научных интересов которых являются политико-экономические проблемы устойчивости, экологической политики и развития современных государств, а также представители бизнес-сообщества, профессиональная деятельность которых связана с проблематикой устойчивого развития, природоохранной деятельности, обеспечения техногенной безопасности (42 человека). Отдельная группа экспертов (14 человек) – государственные служащие, деятельность которых непосредственно сопряжена с реализацией политики развития в Российской Федерации.

Научная новизна исследования:

1) впервые выявлены и систематизированы стратегические, организационно-управленческие, ресурсные и культурно-психологические факторы, обуславливающие функциональные ограничения в реализации стратегий устойчивого развития современных государств;

2) выделены особенности влияния глобальных политических контекстов на понимание устойчивого развития, его содержательных характеристик. Зафиксировано, что рост глобальной нестабильности способствует дистанцированию от универсалистского экологического подхода и выработке интегративных национально ориентированных моделей устойчивого развития;

3) впервые выявлены системные ограничения, препятствующие реализации механизма государственно-частного партнерства в области реализации политики устойчивого развития в современной России. К наиболее существенным из них относятся дефицит высококвалифицированных управленческих кадров, сокращение инвестиционных ресурсов, невысокий уровень доверия между властью и бизнесом;

4) обозначены перспективные направления реализации государственной политики устойчивого развития в Российской Федерации, такие как обеспечение эффективного функционирования «цифрового государства»,

внедрение высоких технологий в базовые отрасли промышленности, переход к диверсифицированной структуре российского энергетического сектора.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы:

- для дальнейшего политологического переосмысления и более детальной проработки концепта «устойчивое развитие» в контексте актуальных глобальных вызовов начала XXI века;

- в целях операционализации современных политических пространств как открытых и неустойчивых макросистем – турбулентных «пространств рисков», в которых осуществляется развитие современных государств;

- в целях моделирования возможных конфигураций государственно-частного партнерства в области «зеленой экономики» в условиях цифровизации систем государственного управления.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее результаты могут быть использованы:

- для адаптации существующих документов стратегического планирования Российской Федерации в сфере устойчивого развития к новым социально-политическим реалиям, обусловленным актуальными политико-экономическими вызовами начала 2020-х годов – прежде всего, не до конца преодоленными последствиями пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 и фронтальным санкционным давлением на Россию, оказываемым западными странами;

- в целях разработки и оптимизации региональных стратегий устойчивого развития, разрабатываемых в субъектах Российской Федерации с учетом задачи более гибкой интеграции региональных систем управления в единую структуру публичной власти Российской Федерации;

- в целях выстраивания системы непрерывного многоуровневого мониторинга социально-экономических и политических рисков, препятствующих полномасштабной реализации государственной стратегии в сфере устойчивого развития;

- в ракурсе совершенствования механизмов и выработки новых форматов государственно-частного партнерства в области устойчивого развития на различных уровнях публичного управления: государственном, региональном, муниципальном.

Методология и методы исследования. В основе исследования лежит системный социоцентрический подход, базирующийся на понимании устойчивого развития как комплексного процесса, охватывающего все сферы жизнедеятельности современного общества и направленного на поэтапное повышения качества жизни человека и социума в целом при условии сохранения баланса в системе взаимодействий «человек – общество – природа». Использование такого подхода предполагает переход от эколого-фокусированных концепций устойчивого развития к его многомерному социально-политическому пониманию. Немаловажно, что указанный подход позволяет рассматривать устойчивое развитие не только в разрезе государственной политики и деятельности государственных институтов, но и акцентировать внимание на взаимодействие государства и общества в процессе выстраивания моделей реализации стратегий устойчивого развития, включая возможности государственно-частного партнерства в данной сфере.

Основными методами исследования выступают:

- анализ нормативных документов, на основе которого вырабатываются базовые принципы и стратегии устойчивого развития современных государств;

- анализ концептуальных оснований и практик реализации принципов устойчивого развития;

- экспертный опрос, направленный на выявление особенностей, ограничений и перспектив реализации стратегии устойчивого развития в России, и структурно-логический анализ текстов экспертных интервью.

Положения, выносимые на защиту:

1) устойчивое развитие в его политологическом измерении может быть охарактеризовано как многофакторный, нелинейный процесс обеспечения развития на основе баланса всех подсистем современного общества, определяющую роль в направленности и динамике которого играет государство, его политические и административные институты. Однако необходимо отметить, что в современной мире государство не является монопольным политическим актором – генератором политики развития, полностью автономным от других субъектов политического поля. Поэтому полномасштабная реализация стратегий устойчивого развития на национальном уровне возможна только посредством конструирования диалоговых и взаимовыгодных моделей долгосрочного государственно-общественного взаимодействия. При этом функциональные возможности современных государств в области реализации политики устойчивого развития существенно ограничены как глобальными политическими контекстами и вызовами современного мира, так и рядом внутренних социально-политических рисков. Среди этих рисков особо выделяются стратегические, организационно-управленческие, ресурсные, культурно-психологические и политико-конъюнктурные факторы (С. 19-66);

2) модели устойчивого развития в ЕС и США отличаются слабой адаптивностью к новым вызовам, нарастающей внутренней разбалансированностью, заметным противоречием между декларируемыми приоритетами и реализуемыми политическими практиками. При этом обе указанные модели характеризуются нарастающим акцентом на понимание устойчивого развития в ракурсе ограниченной климато-центричной повестки, недооценкой внутренних социально-политических проблем и меняющихся геополитических реалий. Принципиально иная модель политики устойчивого развития реализуется в КНР. Она может быть охарактеризована как экономико-центричная, ориентированная на форсированное внедрение новых технологий и предполагающая акцент

на сохранение превалирующей роли государства в условиях преемственности политического курса и обеспечения внутренней стабильности (С. 67-118);

3) в современной России созданы базовые нормативно-институциональные основания реализации стратегии устойчивого развития на различных уровнях функционирования системы государственного управления. При этом речь идет о поэтапном формировании национальной системы устойчивого развития, ориентированной, в отличие от узкопрофильных западных моделей, на комплексный подход, в центре внимания которого находятся социальное благополучие, предсказуемость политического процесса и благосостояние российских граждан. Стратегическими приоритетами государственной политики Российской Федерации в сфере устойчивого развития являются: поэтапное стимулирование роста качества жизни граждан, экологическая политика, активизация и поиск новых форматов взаимодействия государства и социально ответственного российского бизнеса. К перспективным направлениям государственной политики Российской Федерации в области устойчивого развития относятся: совершенствование институциональных и технологических систем, обеспечивающих эффективное функционирование «цифрового государства», внедрение высоких технологий в базовые отрасли российской промышленности, поэтапный переход к диверсифицированной структуре отечественного энергетического сектора на основе использования современных стандартов и технологий (С. 119-144);

4) в современной России государственно-частное партнерство в сфере устойчивого развития, хотя и опирается на соответствующий нормативный фундамент, тем не менее, сопряжено с рядом серьезных ограничений институционально-экономического и политико-административного характера. Существенными препятствием для государственно-частного партнерства в области реализации проектов устойчивого развития являются:

нехватка высококвалифицированных управленческих кадров, сокращение инвестиционных ресурсов хозяйствующих субъектов, невысокий уровень доверия между властью и российским бизнесом (С. 145-163);

5) последовательное внедрение принципов устойчивого развития не приводит к изменению ключевых характеристик и специфики политического управления в России и зарубежных странах. Опыт пандемии COVID-19 показал, что политические институты США и Европейского Союза, оказываясь перед лицом социального кризиса, демонстрируют признаки частичной дисфункциональности и внутренней разбалансированности. Однако опыт ЕС, США, КНР и России позволяет констатировать, что сегодня происходит существенная трансформация приоритетов государственной политики, все более важной составной частью которой становится политика устойчивого развития (С. 163-174).

Вклад автора диссертации в проведенное исследование заключается в выявлении особенностей концептуализации и реализации практик устойчивого развития в политике современных государств под влиянием глобальных социально-политических изменений начала XXI века и решении поставленных в диссертации задач.

Степень достоверности, апробация и внедрение результатов исследования.

Достоверность результатов исследования подтверждается корректностью проведенных исследовательских процедур, массивом эмпирических данных, используемых автором диссертации, развернутым, детализированным и критически переосмысленным теоретико-методологическим фундаментом проводимого научного поиска. Диссертация в полной мере отвечает таким основополагающим критериям научного исследования, как полнота и комплексный характер, последовательность исследовательских процедур и верифицируемый характер полученных результатов.

Основные теоретические и методологические положения, результаты и выводы исследования обсуждались и получили положительную оценку на следующих мероприятиях: на Международной научно-практической конференции «Эффект масштаба в экономике и политике: внутренний и международный аспекты» (Москва, Финансовый университет, 27 ноября 2024 г.); на X Ежегодной международной научно-практической конференции «Красавинские чтения» (Москва, Финансовый университет, 6 декабря 2024 г.); на II Международной научно-практической конференции «Традиционный и современный Восток: тенденции развития» (Москва, Финансовый университет, 3-4 апреля 2025 г.).

Результаты исследования используются в практической деятельности автономной некоммерческой организации «Центр прикладных исследований и программ». В частности, можно выделить следующие направления внедрения и практической значимости: анализ государственно-частного партнерства (далее - ГЧП) - разработанный в диссертации подход позволяет выявлять системные ограничения развития ГЧП, что способствует более точной оценке эффективности региональной политики во взаимодействии властных структур, бизнеса и НКО, применение методологии диссертации помогает учитывать такие факторы, как нехватка квалифицированных кадров, уровень доверия между государством и бизнесом, а также инвестиционные ресурсы, что позволяет корректировать стратегии взаимодействия; экспертно-аналитическая оценка экологической политики - материалы диссертации используются для анализа экологического компонента политической повестки в федеральных округах России, включая оценку нормативно-институциональных основ и перспективных направлений, таких как внедрение «зеленых» технологий и цифровизация управления, что способствует разработке рекомендаций по совершенствованию региональных стратегий устойчивого развития, ориентированных на социальное благополучие и экологическую безопасность; сравнительный анализ международного опыта - выводы

диссертации о специфике реализации принципов устойчивого развития в США, ЕС и КНР позволяют экспертам Центра проводить глубокий анализ зарубежных практик.

Материалы диссертации используются Кафедрой политологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета в преподавании учебных дисциплин «Политология», «Экологический и климатический фактор в современной политике», «Политико-экономические основы и механизмы обеспечения устойчивости современных государств».

Апробация и внедрение результатов исследования подтверждены соответствующими документами.

Публикации. Основные положения и результаты исследования отражены в 5 публикациях общим объемом 2,46 п.л. (авторский объем - 1,91 п.л.), в том числе 4 работы общим объемом 2,06 п.л. (авторский объем - 1,81 п.л.) опубликованы в рецензируемых научных изданиях, определенных ВАК при Минобрнауки России.

Структура и объем диссертации определены задачами и логикой исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, включающего 174 наименования, и двух приложений. Текст диссертации изложен на 210 страницах и содержит 11 таблиц и 16 рисунков.

Глава 1

Устойчивое развитие как социально-политическая концепция: теоретико-методологический анализ

1.1 Устойчивое развитие и его принципы: генезис и проблема интерпретации

Проблематика устойчивого развития как комплексного социального состояния и оптимальной траектории эволюции современных обществ получила весьма широкое освещение в трудах зарубежных и отечественных ученых. При этом симптоматично, что большинство из них, руководствуясь соответствующими принципами, были ориентированы на поиск экологических и социально-экономических оснований обеспечения устойчивости больших антропогенных систем либо фокусировали свой научный интерес в области глобалистики (на выработке механизмов хотя бы частичного решения глобальных проблем современности).

Следует отметить, что концепция устойчивого развития, оформление которой приходится на начало 1990-х годов, являла собой результат кристаллизации целого ряда политических, экономических и социогуманитарных трендов общественной динамики 1960-1980-х годов. Ее поэтапное вызревание было тесно сопряжено с трансформациями интеллектуальной мысли того времени, прежде всего с попыткой осмыслить глобальную действительность вне узких идеологических и блоковых рамок. Такой взгляд на социально-политическую реальность базировался на стремлении к поиску неких универсальных и в то же время оптимальных форм организации хозяйственной жизни социумов вне зависимости от их внутренних особенностей [1; 2].

Как известно, сам термин «устойчивое развитие» стал активно использоваться в 1987 году, после публикации соответствующего доклада

Международной комиссии ООН по окружающей среде и развитию, которая была создана в 1983 году. Однако общепризнанно, что фундаментальные предпосылки его актуализации сначала в научном, а потом и в публично-политическом пространстве обозначились существенно раньше, в 1960-1970 годы.

Тем не менее, также показателен и тот факт, что исследователи, говоря о таких предпосылках, не формулируют их четкого перечня, нередко ограничиваются только упоминанием (безусловно, важной и во многом определяющей) роли интеллектуальных дискуссий, в его становлении. Вместе с тем, анализируя указанный процесс, можно выделить три, по нашему мнению, наиболее важные группы предпосылок поэтапной кристаллизации концепта «устойчивое развитие»: политическую, эколого-технологическую несколько позже - экономическую. Как указывает В.И. Данилов-Данильян, «...к концу 1960-х годов среди угроз будущему человечества, исходящих от него самого, четко выделились две: ядерная война и экологическая катастрофа. Осознание первой из них основывалось на реальных экспериментах, начатых в 1945 г., вторая была воспринята в результате научного осмысления последствий наблюдаемых тенденций развития» [1, с. 9].

Суть политической предпосылки состояла в том, что уже в 1960-х годов стала очевидна как глобальная опасность, так и, в некоторой мере, историческая бесперспективность стратегического курса на постоянную (а не, например, ситуативную) эскалацию противостояния СССР и стран Запада, апофеозом которой стал Карибский кризис 1962 года. Последующие за этим позитивные изменения (Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой (Москва, 5 августа 1963 г.), Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 г., начавшаяся «разрядка» международной напряженности) рассматривались рядом экспертов как возможность перехода к новому международно-политическому формату.

Наиболее ранним манифестом такого мировоззрения стала теория конвергенции 1950-1960 годов (П. Сорокин, Дж. Гэлбрейт, Дж. Форрестер, Я. Тинберген и др.), предполагавшая, если не акцент на «глобальности» проблем человечества, то выработку неких взаимоприемлемых форматов «сосуществования» и частичной диффузии двух противоположных по своим идеологическим установкам политических систем [3; 4; 5; 6]. «Таким образом, назрела необходимость в образовании смешанного общества, синтезирующего в себе лучшие качества капитализма и социализма, которое в перспективе образуется в результате конвергенции двух враждующих систем» [7, с. 18].

Эколого-технологические предпосылки зарождения концепции устойчивого развития были тесно переплетены с политической ситуацией 1960-1970 годов. Они выражались в том, что к этому времени стал очевидным весь масштаб и, тем более, потенциал негативного антропогенного воздействия на природу Земли. Именно в это период широкую популярность обретают «новые общественные движения» и субкультурные течения, одним из идейных императивов становится минимизация ущерба окружающей среде. В это же время происходит интенсивная политизация экологизма, который понимался его представителями часто весьма поверхностно и ограниченно. Пожалуй, наиболее известный пример такой политизации экологической повестки дня – деятельность движения «Гринпис», созданного в 1971 году. Параллельно все больший акцент делался на то, что «общество изобилия» представляет собой крайне несовершенную, но потенциально адаптивную модель, которая позволяет нивелировать многие конфликтные императивы мирового развития, использовать передовые технологические подходы для решения проблем, имеющих кросс-национальный характер.

Знаковым событием для кристаллизации принципов устойчивого развития явился доклад «Пределы роста», подготовленный группой ученых во главе с Д. Медоуз в 1972 г. По существу, альтернативной глобальному

росту во всех его проекциях авторы доклада видели состояние «глобального равновесия», для перехода к которому необходимо:

- переломить тенденцию расширенного воспроизводства населения в развивающихся странах, добиться сохранения среднего размера нуклеарной семьи в пределах четырех человек;

- стабилизировать средний выпуск продукции на душу населения на уровне 1975 года;

- разработать новые методы вторичной переработки отходов и ввести их в действие;

- перейти к более активному изучению потенциала и освоению альтернативных источников энергии (в частности, естественной солнечной радиации) [8].

Важно отметить, что позиция авторов доклада подверглась и весьма широкой (и на наш взгляд, оправданной) критике. Первый – методологический – вектор такой критики был связан с не всегда прозрачной и достаточной эмпирической базой, на основании которой делались соответствующие выводы, тягой к экстраполяции полученных результатов и кросс-национальным обобщениям без учета демографической, экономической и социокультурной специфики отдельных стран и даже регионов планеты. Второй – «футурологический» – вектор критики был связан с тем, что экспертов Римского клуба упрекали в излишнем социальном скептицизме – априорном «неверии в человека», игнорировании когнитивного потенциала науки, ее способности минимизировать негативное влияние социума на природу в будущем, в том числе, через внедрение новых технологий и постепенную эволюцию социальной этики, включении в нее стандартов экологически ориентированного поведения.

Наконец, третий – «антиглобалистский» - вектор критики доклада «Пределы роста» имел ретроспективную направленность и проявил себя в 1990-х годах. В его основе лежало мнение, что идеи «устойчивости», рационального природопользования и социальной ответственности – есть

не что иное, как претензия на глобальную политическую идеологию. А сам доклад явился прологом глобализации в ее западно-центричном варианте, когда под видом «общечеловеческих ценностей» утверждалось планетарное доминирование Запада во всех сферах общественного развития.

Следующий этап становления концепции устойчивого развития связан с деятельностью международной комиссии ООН по окружающей среде и развитию, созданной в 1983 году («комиссия Брутланд»). Доклад «Наше общее будущее», сделанный этой комиссией в 1987 году, и явился первоосновой понимания устойчивого развития как экологически ориентированной и сверхдолгосрочной деятельности, которая носит транснациональный характер и ориентирована на благополучие будущих поколений. В нем особо указывалось, что удовлетворение потребностей настоящего времени не должно подрывать способности будущих поколений удовлетворять свои собственные жизненные потребности [11].

Следует отметить, что уже в 1990-е годы наметилась тенденция ослабления позиций радикального экологизма в науке и общественном сознании. Идея конвергенции эоцентризма (радикального экологизма) и антропоцентризма, предложенная Б. Нортоном. Согласно ей, природу следует оберегать не в силу ее некой терминальной ценности, доминирующей над всеми остальными (включая человека и его благополучие), а по причине целенаправленной заботы о будущих поколениях. Б. Нортон также обратил внимание и на так называемый «принцип предосторожности», суть которого состоит в следующем: природу надо оберегать в силу ограниченных знаний современной науки об особенностях функционирования и эволюции экосистем. Из этого следует признание фактической невозможности точно прогнозировать негативные эффекты нарастающего антропогенного воздействия на среду обитания человека, которые малозаметны сегодня, но могут резко проявиться в отделенном будущем.

Таким образом, обобщая основные предпосылки вызревания концепции устойчивого развития в диапазоне 1960-х - начала 1990-х годов, можно зафиксировать наиболее важные аспекты каждой из них, что представлено в таблице 1.

Точкой отсчета «устойчивого развития» как международной социально-гуманитарной концепции, получившей широкое международное признание, считаются Декларация по окружающей среде и развитию и Повестка дня на XXI век, принятые на конференции ООН в Рио-де-Жанейро (3-14 июня 1992 года). В Декларации были изложены 26 принципов такого типа развития. Прежде всего, был определен, подчеркнуто гуманистический вектор этого процесса, принцип 1 гласил: «забота о человеке является центральным звеном в деятельности по обеспечению устойчивого развития. Люди имеют право жить в добром здравии и плодотворно трудиться в гармонии с природой» [14]. Также акцент был сделан и на принцип социальной ответственности, в том числе, в её историческом преломлении (принцип 3) [14].

В преамбуле «Повестки дня» провозглашалось, что «человечество переживает решающий момент своей истории. Мы сталкиваемся с проблемой увековечения диспропорций как между странами» [14]. Подчеркивалось, что указанная проблема, являющаяся планетарной, может быть решена только «совместными усилиями — на основе глобального партнерства в интересах обеспечения устойчивого развития» [14].

Важно отметить, что принятие Декларации Рио-92 и Повестки дня на XXI век на международном уровне стало возможным в силу сочетания целого ряда базовых условий. Среди них следует отметить как кардинальное изменение геополитической обстановки в мире – распад СССР и завершение «Холодной войны», так и тренды трансформации общественного мнения в ведущих странах Запада, которые были обусловлены «экологизацией» массового сознания, активным внедрением экологической проблематики в политическую повестку.

Таблица 1 – Предпосылки становления концепции устойчивого развития

Предпосылки	1960-е - 1970-е годы	1980 г. - начало 1990-х годов
Политические	<p>а) максимизация геополитической напряженности в мире и последующий переход к «разрядке»</p> <p>б) востребованность экологической проблематики в западном политическом дискурсе</p> <p>в) становление экологизма как политической идеологии</p>	<p>а) активизация международного сотрудничества в сфере охраны природы</p> <p>б) окончание «холодной войны», распад биполярной геополитической конфигурации и начало формирования нового миропорядка</p> <p>в) внедрение гуманитарной составляющей в мировую политическую повестку («общечеловеческие ценности»)</p>
Эколого-технологические	<p>а) рост экологических проблем, вызванный антропогенным воздействием на природу</p> <p>б) научно-технологический прогресс в сфере управления и моделирования последствий принимаемых решений</p>	<p>а) серия резонансных техногенных катастроф, изменивших восприятие экологической повестки и технологического прогресса в общественном мнении</p> <p>б) «шок будущего»: проблема адаптации человека к технологическим новациям информационного общества</p>
Экономические	<p>а) неустойчивость и негативные тенденции развития «общества изобилия» на Западе</p> <p>б) контуры демографического и ресурсного кризиса в странах «третьего мира»</p> <p>б) нарастание «великого разрыва» в уровне жизни «золотого миллиарда» и мировой «периферии»</p>	<p>а) технологическая модернизация и поэтапный переход к постиндустриальному обществу</p> <p>б) дальнейшее усиление экономической (торговой, финансовой) взаимозависимости между государствами в условиях глобального доминирования рыночной экономики</p> <p>в) последствия «микрпроцессорной революции»: - развитие новых технологий, предполагающее отказ от экстенсивных методов производства</p> <p>г) рост влияния транснациональных корпораций и институтов на глобальную экономику</p>

Источник: составлено автором.

Последнее было связано с переосмыслением опыта 1970-1980-х годов, которые ознаменовались целым рядом крупнейших в истории человечества и/или крайне резонансных техногенных катастроф.

Говоря о центральном месте Декларации Рио-92 в международном признании и популяризации концепции устойчивого развития, нельзя игнорировать три момента, в существенной мере сдерживавших имплементацию изложенных в ней принципов и на национальном, и на межгосударственном уровне. Во-первых, сам факт принятия декларации не привел к созданию комплекса регулятивных международных механизмов, обеспечивающих поддержку устойчивого развития. Во-вторых, содержание декларируемых принципов еще раз подчеркивало ведущую роль экологического компонента в системе ценностей устойчивого развития. При этом социально-экономическая ее составляющая, связанная с благополучием и уровнем жизни населения, хотя и была сформулирована весьма емко, все же не являлась базовой (хотя бы по причине отсутствия действенного механизма ее реализации). В-третьих, за скобки Декларации были (как представляется, осознанно) многие вопросы, связанные с институционально-политическими параметрами устойчивого развития и качества жизни. Последнее было вызвано тем, что, как справедливо отмечает В.А. Прошин: «текст Декларации Рио-92 является, как и многие международные документы, компромиссным актом» [15, с. 182].

Однако общепризнанным является и тот факт, что данная декларация (особенно в контексте международно-политической обстановки начала 1990-х годов) имела крайне серьезное политическое значение, по существу, ознаменовав начало глобализации и поэтапного наступления эпохи «глобального мира», который, не будучи интегрированным в ценностно-политическом плане, тем не менее характеризовался резко усилившимися технологическими и экономическими взаимозависимостями. Следствие такого усиления – неизбежный рост разнообразных

транснациональных рисков, которые не могут быть купированы в пределах отдельно взятой страны или даже макрорегиона (группы стран).

В конце 1990-х – начале 2000-х годов более активно начинает развиваться и экономическая составляющая устойчивого развития, связанная, прежде всего с борьбой бедностью, обеспечением пусть и весьма медленного, но долгосрочного роста национальных экономик, внедрением новых технологий в промышленное производство. Теоретической квинтэссенцией такого взгляда явилась «экономика устойчивого состояния», ориентированная не только на рост ключевых макроэкономических показателей, но и на качество жизни населения. Именно в тот период в научной среде сформировались два течения, которые по-разному интерпретировали параметры устойчивого развития как такового. Первое, которое можно (с известной долей допущения) назвать «макроэкономическим» было в большей мере сфокусировано на макроэкономических показателях и статистических индикаторах социального благополучия. В этом смысле «устойчивое» развитие по своему значению сливалось со «стабильным» и «поступательным». Второе течение в большей мере было акцентировано на субъективной составляющей: индивидуализированном ощущении человеком степени удовлетворенности окружающей действительностью во всех ее проекциях, включая политическую. Своеобразным, хотя и не финальным компромиссом между этими направлениями стал Всемирный индекс счастья, который стал измеряться под эгидой ООН начиная с 2012 года. Рейтинг стран согласно Всемирному индексу счастья 2022 года представлен в таблице 2.

Однако поэтапное движение научной мысли от примата экологического компонента к качеству жизни и, следовательно, более широким интерпретациям явления «устойчивого развития» неизбежно способствовала его метафоризации. Данное словосочетание частично утрачивало свое исконное научное значение, все более обретая черты идейно-политической декларативности (например, в рамках политической идеологии так

называемого «экологизма») и смыслового релятивизма. Таким образом, развитие объявлялось не механизмом, а целью социально-политической деятельности. При этом параметры такой цели-процесса протяжении всех предшествующих десятилетий носили крайне абстрактный и генерализованный характер. Как справедливо указывает Д.М. Алиева, «на сегодняшний день понятие «устойчивое развитие» трактуется неоднозначно. Так, некоторые ученые экологизируют понятие устойчивого развития» [17, с. 38]. Согласно другому подходу, ключевым фактором устойчивого развития является «органически взаимообусловленный, диалектически взаимосвязанный тандем «экология-экономика» [17, с. 38].

Таблица 2 - Всемирный индекс счастья – 2022 год

Рейтинг	Страна	Индекс
1	Финляндия	7,821
2	Дания	7,636
3	Исландия	7,557
4	Швейцария	7,512
5	Нидерланды	7,415
6	Люксембург	7,404
7	Швеция	7,3804
8	Норвегия	7,365
9	Израиль	7,364
10	Новая Зеландия	7,200
–	–	–
16	США	6,977
–	–	–
72	КНР	5,585
–	–	–
79	Северный Кипр	5,467
80	Россия	5,459
81	Гонконг	5,425
146	Афганистан	2,404

Источник: составлено автором по материалам [16].

Дальнейший анализ устойчивого развития представляется необходимым связать с пониманием «устойчивости» и «развития» - центральных понятий, конституирующих содержание «устойчивого развития» и рамки его терминологического использования. В связи с этим важно отметить:

дискуссии и существенные разночтения вызывает само свойство устойчивости как центральная атрибуция рассматриваемого типа развития. Как правило, под устойчивостью понимается долгосрочный, непрерывный характер, последовательность, внутренняя координация (если речь идет о различных подсистемах общества) и нередко-стабильность. Так, например, М.П. Чубик пишет: «мы исходим из интерпретаций устойчивого развития как развития стабильного. При этом под стабильностью понимается способность системы функционировать в условиях равновесия и сохранять неизменной свою структуру. Основанием выступает следование императивам устойчивости – это система ценностных предпочтений, позволяющих обеспечить неизменность развития социума» [19, с. 153].

Всю многогранность и нечеткость терминологических рамок «устойчивого развития» подробно описывает белорусский ученый С. Гнатюк: термин «устойчивое развитие» трудно адекватно перевести на русский язык. Чаще всего оно трактуется как «самодостаточное развитие, которое не противоречит существованию» [20, с. 97].

Несколько иной, более прагматический «ресурсный» подход к пониманию устойчивого развития предлагают В.С. Вагин и И.К. Хузмиев. В центре их внимания находится такое понятие, как «стабильность»: устойчивое развитие – «это удовлетворение потребностей нынешних и будущих поколений людей на Земле нормированным количеством жизнеобеспечивающих ресурсов для всех категорий потребителей вне зависимости от социального положения и душевого дохода, как основы поддержания экологической, социально-экономической и политической стабильности в мировом сообществе» [21, с. 14]. Указанный подход представляется более фокусированным и в силу этого операционально приемлемым. Однако и в этом случае возникают определенные разночтения, связанные и с критериями стабильности (ответы на вопросы «что есть стабильность?» и «какое отклонение от стабильности считать аномальным / опасным?). Также не вполне понятен механизм «нормирования», особенно

в контексте отказа от учета социального статуса (поскольку этот статус определяется уровнем доступа к значимым ресурсам – материальным и символическим).

Отдельным важным моментом проводимого анализа является анализ подходов к пониманию развития в его социально-гуманитарном измерении [156; 157; 158]. В наиболее общем социогуманитарном смысле развитие мыслится как «процессуальное явление»: «динамический процесс необратимого характера», подчиненный фундаментальным закономерностям, «функционально, структурно и проблемно преобразуемый» и носящий переменный характер [157, с. 146]. Говоря о специфике развития применительно к социальной реальности, ученые акцентируют внимание на таких его базовых свойствах, как историческая прерывность, зависимость от факторов внешней среды, потенциальная управляемость, неравномерность темпоральной динамики (что выражается в чередовании этапов форсированного и замедленного, инерционного развития) [157; 158]. Отдельного внимания при анализе развития, его исторических перспектив, заслуживает личностный фактор и возможность целенаправленного политического управления развитием. Однако важно отметить, что потенциальная управляемость развития не отменяет необходимости присутствия совокупности взаимосвязанных социально-средовых детерминант (ценностно-психологических, институционально-политических, ресурсных, макросоциальных). Указанные объективные физические и социально-исторические обстоятельства (в том числе, ограничения) определяют, во-первых, объективный характер инициации самого динамического процесса развития и, во-вторых, возможность поэтапного формирования общественного запроса на реализацию политики развития.

Показательно, что в 1990-е годы – начале 2000-х годов в общественной мысли ведущее место продолжали занимать эколого-экономические подходы к осмыслению устойчивого развития. В центре их внимания были снижение антропогенной нагрузки на природу, рационализация экономической

активности и осознанный отказ от роста потребления в развитых странах, выработка механизма контроля над рождаемостью. Апофеозом такой деятельности мыслилось ноосферное состояние как гармонизация отношений в системе взаимосвязей «человек – природа». Это естественным образом должно было сопровождаться позитивными изменениями социально-политической динамики в мире, способствовать если не росту «демократии», то активному распространению консенсусных политических практик на всех уровнях. В то же время существенно меньше внимания уделялось организационно-управленческой составляющей, роли политических институтов в обеспечении такого развития, хотя идея, что турбулентность политической среды способна нивелировать экономические и экологические достижения человечества, имплицитно присутствовала в интеллектуальных дискуссиях.

Наиболее заметные плюсы и минусы эколого-экономического взгляда на устойчивое развитие представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Сильные и слабые стороны эколого-экономического подхода к устойчивому развитию

Сильные стороны	Слабые стороны
Проблема охраны природы и рационализации природопользования выносится на первый план	Фактическое отсутствие комплексности: нивелирует значимость экономической, культурной, информационной составляющих устойчивого развития
Остро формулирует проблему «пределов роста» - ограниченности ресурсной модели развития	Не всегда корректно интерпретирует экономическую и социальную динамику современного мира, слабость прогностической составляющей
Этическая ориентация и социальная ответственность (забота о будущих поколениях)	Стратегическая неопределенность и размытость практических целей: акцент на гипотетическое будущее
Способствует внедрению новых – более эффективных - технологий в производство	Слабо учитывает экономические реалии стран, не перешедших к информационно-сервисному укладу
В центре внимания: проблема социального неравенства и уровня жизни	Гипертрофированный акцент в сторону «третьего мира», часто при игнорировании интересов наиболее экономически развитых стран

Источник: составлено автором.

Важно заметить, что аналогичный расплывчатый подход к определению устойчивого развития доминирует и на корпоративном уровне. Например: «миссия Группы Газпром в области устойчивого развития – вносить позитивный вклад в социально-экономическое развитие Российской Федерации и других регионов присутствия, следуя принципам экологической и социальной ответственности, чтобы, соответствуя потребностям настоящего времени, сохранять и приумножать возможности будущих поколений» [22], что отражено на рисунке 1.

При этом важно то, что указанная структурная схема не является ни статической, ни одномерной (и предполагающей равное значение всех трех ее элементов): устойчивое развитие следует рассматривать во взаимодействии трех его подсистем (социальной, экологической и экономической) в процессе которого определяется приоритетность одной из подсистем в конкретный момент с последующим изменением рангов приоритетности» [23, с. 177].

Однако нетрудно заметить, что указанная схема, при всей своей релевантности современному состоянию «дискурса устойчивого развития», все же не является полностью информативной и, тем более, универсальной.

Первый и наиболее сложный вопрос связан с соблюдением/нарушением в ней принципа релевантности. В связи с этим звучит мнение, что «концепция устойчивого развития уже не может и в принципе не должна ограничиться УР-триадой взаимосвязи экологии, экономики и социальной сферы... речь идет о новой системной трансформации в трактовке глобальной устойчивости. Это, по сути, новый этап видения «устойчивой революции» [2, с. 10].

Источник: [22].

Рисунок 1 – Контуры устойчивого развития в его современной интерпретации

Второй вопрос, из нее вытекающий, связан с диагностикой пограничных состояний развития: приемлемого, допустимого и в особенности – справедливого. По существу, современная наука не предлагает четких параметров, позволяющих однозначно зафиксировать их достижение, а потом и интеграцию в такую специфическую форму, как устойчивость. Также очевидно, что приемлемый или справедливый характер развития того или иного общества – как правило, плод интерпретаций и субъективных массовых оценок. Последние, как известно, далеко не всегда опираются на теории рационального выбора и рационального поведения, сильно зависят от исторических и культурно-психологических особенностей социального самовосприятия и самоидентификации. В частности, показатель отечественный пример из 2010-х годов, когда многие россияне относили себя к среднему классу, не имея на это каких-либо оснований и не обладая необходимым уровнем материального благосостояния даже по внутрироссийским меркам.

Более того, постановка вопроса об устойчивом развитии именно как о глобальном процессе также заставляет ученых все более часто обращаться к психологическому его аспекту. Так, по мнению А.Д. Урсула и Т.А. Урсул,

«для достижения глобальной устойчивости необходимо формирование опережающего сознания подавляющего большинства (или хотя бы критической части) населения планеты с помощью образования и просвещения в интересах УР» [2, с. 10].

Третий вопрос, на который следует обратить внимание – это опосредованная репрезентация политического фактора в рассматриваемой схеме. С одной стороны его имплицитное присутствие не вызывает сомнений хотя бы потому, что именно государство определяет политику в области охраны окружающей среды, активно воздействует на экономическую сферу и задает «стандарты» качества жизни населения. С другой стороны, очевидно периферийное место, отводимое политическим институтам в этом социо-эколого-экономическом симбиозе, выглядит также не вполне корректным.

Четвертый вопрос, который фактически игнорируется (если не считать его опосредованное присутствие через концепты информационного и постиндустриального общества) в рамках базовой триады устойчивого развития, обусловлен резко изменившимися коммуникативными реалиями «глобальной повседневности». В этом смысле важно говорить как формировании принципиально новой – «интерактивной» информационной картины мира (меняющей контуры бытия личности в социальном поле посредством слияния социальных фактов и их информационных отражений-симулякров), и о культурно-психологических вызовах современного мира.

Таким образом, следует признать, что уже на рубеже 1990-2000-х годов в научной среде происходила поэтапная переоценка понятия «устойчивое развитие», связанная и с его конкретизацией, и отказом от одномерного «экологического детерминизма» (при том, что проблема окружающей среды продолжала рассматриваться как одна из ведущих). Такое «обращение к человеку» и социальным проблемам современности в их широкой трактовке (понимаемым не как уровень социального обеспечения, а в макроисторических контекстах) открыло новые возможности

для проработки данного понятия. На сегодняшний день одним из наиболее развернутых (и релевантных задачам данного исследования, в том числе с учетом политических реалий современной России), представляется определение, сформулированное В.И. Даниловым-Данильяном. Согласно ему «устойчивое развитие – такое общественное развитие, при котором не разрушается его природная основа, создаваемые условия жизни не влекут деградации человека и социально-деструктивные процессы не развиваются до масштабов, угрожающих безопасности общества» [9, с. 132].

Можно полагать, что в предложенном В.И. Даниловым-Данильяном определении необходимо акцентировать внимание на четырех значимых аспектах:

- во-первых, особо выделяется комплексный характер устойчивого развития: заметим, речь идет именно об общественном развитии в целом, а не отдельных сферах социальной жизнедеятельности;

- во-вторых, речь идет о гармонизации отношений в треугольнике «человек-общество-природа», что позволяет говорить о важности грани «человек-социум» (а не только «человек – природа») в выстраивании эффективной модели устойчивого развития;

- в-третьих, в фокусе внимания такого подхода оказывается принцип «не разрушения» природной среды обитания. Это, с одной стороны, еще раз подчеркивает важность природоохранного компонента, а с другой – позволяет дистанцироваться от однобоких трактовок технического прогресса (и связанного с ними демографического и экономического роста) как тотальной угрозы человечеству;

- в-четвертых, крайне существенным является внимание к социально-деструктивным процессам, общественной безопасности, что фиксирует определяющую роль политического управления как одного из стержневых элементов современного устойчивого развития [9].

Таким образом, следует отметить, что в 2000-2010-х годах и в зарубежной, и в российской науке наметился отход от одномерных

экоцентричных трактовок устойчивого развития: исследователи все более стремились анализировать данный процесс в оптике социально-политической и управленческой деятельности. Среди работ, в которых содержатся инновационные социально-управленческие подходы к устойчивому развитию, необходимо упомянуть труды М.В. Терешинной [24; 25]. Она характеризует данный процесс сквозь призму концепции «институциональных матриц» - эталонных самовоспроизводящихся систем - паттернов отношений в сфере производства и распределения экономических благ, бытовой повседневности, генерирования и распространения культурных образцов. Следовательно, «переход к устойчивому развитию ... всегда сопряжен со значительными сопротивлениями институциональной матрицы, продолжающей «штамповать» экономические отношения по сложившемуся типу» [25, с. 215].

Дискуссии о сути концептуальных оснований устойчивости и развития, возможности их органичного сочетания, привели исследователей к идее пересмотра роли человека в выстраивании его отношений с природной средой. Так, Б. Хопвуд, М. Меллор и Дж. О'Брайн делают вывод, что сегодня, в условиях понимания научным сообществом всех неизбежных издержек и ограничений современной экономики, имеет смысл сосредоточить усилия на поиске новых приемлемых моделей обеспечения человеческого благосостояния, а не на «устойчивом росте», дальнейшем – пусть и через внедрение новых технологий – повышению уровня социального комфорта и природоохранных программах [124].

Анализируя разнообразие подходов к устойчивому развитию, оформившихся к началу XXI века, К. Уильямс и Э. Миллингтон разграничивают феномены сильной и слабой устойчивости. По их мнению, доминирующая сегодня в понимании устойчивого развития концепция слабой устойчивости есть производная сохраняющегося антропоцентрического подхода к выстраиванию системы отношений «человек – экономика – природа». Слабость данной концепции, согласно

мнению авторов, проистекает из сохраняющейся тенденции абсолютизации научно-технического прогресса как стержневого и универсального инструмента решения проблем развития, и все еще продолжающемся преобладании «ресурсного» взгляда на окружающую среду [123]. Однако объектом критики исследователей является не сам факт ориентации человечества на технологические инновации, а его последовательное стремление выработать некоторые универсальные, антропоцентричные по своей сути «правила» взаимодействия с природой – искать универсальные научно-технические средства преодоления закономерностей и ограничений природной среды [123].

Несколько иной взгляд на феномен устойчивого развития и возможности достижения состояния глобальной устойчивости предлагает Дж. Сакс. В своей книге «Век устойчивого развития» он предлагает рассматривать устойчивое развитие сквозь призму сочетания четырех основополагающих элементов – экономическое развитие, социальная инклюзия, экологическая устойчивость и качество управления. Справедливо полагать, что в указанной концепции особый интерес представляют два компонента – социальная инклюзия и управленческий фактор [122]. Первый компонент – социальная инклюзия – должен проявляться в максимальной ориентации на интересы всех слоев общества при одновременном их включении в систему соответствующих мировоззренческих установок и решение задач устойчивого развития. Второй – институционально-управленческий – компонент предполагает необходимость пересмотра существующих практик государственного и корпоративного управления. Актуальными задачами являются радикальное повышение качественных характеристик принимаемых управленческих решений, и, что крайне важно, устойчивость и социальную направленность общественных институтов, их нацеленность на равномерное повышение качества жизни людей при последовательной минимизации негативных воздействий на природную среду [122].

Еще одной сложной методологической проблемой явилась необходимость преломления расплывчатых принципов устойчивого развития к особенностям национальных социально-экономических и политических систем, возможность операционализации параметров. Следует признать, что сегодня, по прошествии тридцати лет с момента принятия Декларации Рио-92 указанная проблема в полной мере не решена. Тем не менее, в различных странах подобные успешные попытки неоднократно предпринимались. В частности, заслуживает внимание критериальная схема диагностики развития Японии, на основе количественных показателей, предложенная С. Мураи, который выделил три типа развития: «устойчивое», «критическое» и «разрушительное» [21, с. 18].

Необходимо заметить, что, начиная с середины 1990-х годов, и сама концепция устойчивого развития, и тем более, отдельные практики ее реализации подвергались серьезной критике. Причем, имело место критическое отношение к ней как со стороны условных идеологов международного экологического движения (упрекавших национальные правительства в недостаточном внимании и проблемам окружающей среды), так и менее ангажированных экспертов, говоривших о ее минусах. Критикуя и само понятие, и его теоретический фундамент, эксперты «Планетарного проекта» выделяют несколько слабых мест данной концепции:

- узость термина, «заклученная в нем провокация сведения глобальных проблем к экологическому горизонту»;

- дискуссионность в понимании и ранжировании задач, отсутствие единой системы представлений о том, что есть развитие – не как гипотетическая модель транснационального «всеобщего благоденствия», а применительно к реалиям и вызовам современности;

- методологическая аморфность и недостаточный уровень эмпирического обоснования;

- селективность, которая особенно четко проявляется в XXI веке и побуждает интерпретировать устойчивое развитие как «развитие не для всех»;

- слабость инструментария реализации – и на международном, и на национальном уровнях [26].

По нашему мнению, рост критики в адрес «устойчивого развития» во всех его проявлениях (и как термина, и на концептуальном уровне, и с точки зрения несоответствия теоретических моделей сегодняшним глобальным реалиям) частично связан и с проблемой избыточных ожиданий 1980-1990 годов, подходом при котором данная концепция наделялась гиперфункциональностью. Устойчивое развитие мыслилось частью научного сообщества в крайне широком ключе, как, если не панацея ото всех наиболее значимых проблем современной цивилизации, то универсальный и наиболее эффективный инструмент их решения. Поэтому сегодня представляется справедливым замечание В.А. Сахарова, что «устойчивое развитие – это условие существования человечества, а не путь к всеобщему благоденствию и счастью, которые будут расти от поколения к поколению» [27, с. 130].

Суммируя такие точки зрения, можно выделить следующие наиболее часто упоминаемые слабые стороны и «белые пятна» данной концепции, которые представлены в таблице 4.

Таблица 4 – Недостатки концепции устойчивого развития, препятствующие ее реализации

Недостаток	Практические следствия
Декларативный и факультативный (необязательный) характер	Возможность ряда государств полностью либо частично отказаться от внедрения принципов устойчивого развития
Слабость механизмов объективного международного контроля и координации	Возможность формально декларировать ориентацию на принципы устойчивого развития, не реализуя их на практике, либо интерпретировать в русле национальных политических и социально-экономических интересов
Смысловой дисбаланс в сторону экологической проблематики	Игнорирование иных – условно «нематериальных» - сфер жизнедеятельности человека: политической, информационной, этической.
Унифицирующий подход (игнорирование национальной специфики)	Невозможность учитывать отдельные принципы при выстраивании государственной политики в различных странах
Чрезмерная политизация гуманитарной составляющей	–

Источник: составлено автором.

Одним из важных теоретических моментов исследования является анализ соотношения понятий «устойчивое развитие» и «зеленая повестка».

Важно отметить, что в современной науке нет единого подхода к вопросу, что представляет собой «зеленая повестка» - и в содержательном плане, и как атрибут современного политического процесса. Тем не менее, проведенный анализ позволяет контурно выделить три (пока еще находящихся в стадии концептуализации) подхода к соотношению понятий «устойчивое развитие» и «зеленая повестка».

Первый подход условно может быть охарактеризован как стадийный. Он предполагает, что «устойчивое развитие» и «зеленая повестка» рассматривается в близких смысловых ракурсах. Именно, «зеленая повестка» интерпретируется как современный этап (текущая стадия) концептуализации и реализации устойчивого развития. Данный этап связан не только с природоохранной деятельностью и внедрением инновационных (ресурсосберегающих, направленных на минимизацию ущерба окружающей среды) технологий в различные сектора экономики, но и с изменением этики бизнеса и государственного администрирования – развитием социальной ответственности как одного из базовых принципов современного управления [125].

Второй подход может быть определен как компонентный. Он рассматривает «зеленую повестку» как экологический компонент более широкой «повестки устойчивого развития». Таким образом, в данном понимании «зеленая повестка» аккумулирует в себя достаточно существенный круг вопросов, связанных с охраной окружающей среды, ресурсосберегающими и «климатически нейтральными» технологиями производства, развитием «возобновляемой» энергетики, сбалансированной градостроительной политикой, направленной на поиск баланса между социальным комфортом и безопасной (в природном и техногенном плане) внешней средой [166; 167; 174]. Справедливо полагать, что указанный объем проблемных аспектов, находящихся в поле «зеленой повестки»,

подчеркивает ее комплексный, не только сугубо социально-экологический, но и политико-управленческий характер [24]. Вместе с тем, она в этом случае, все же не выходит за рамки устойчивого развития и не является равнозначной (синонимичной) ему, поскольку не включает в себя целый ряд вопросов социально-политического характера (политическую стабильность, противодействие экстремизму, государственную миграционную политику, антикоррупционную политику в государственном управлении и т.д.).

Третий подход – политико-управленческий – исходит из понимания, что «зеленая повестка» есть публичная идейно-политическая и управленческая интерпретация экологического компонента устойчивого развития, тех его принципов, которые сопряжены с минимизацией негативного антропогенного воздействия на окружающую среду. Как отмечает И.В. Юшков, «зеленая повестка» в последние годы стала одним из основных детерминантов как экономического, так и социально-политического развития мирового сообщества, хотя в большей степени это видно в странах коллективного Запада, в Европе, в частности» [121, с. 232]. Подобный взгляд предполагает, что «зеленая повестка», произрастая из экологической проблематики устойчивого развития, тем не менее, выходит за его пределы и актуализирует себя в публично-политическом пространстве (например, в предвыборных программах кандидатов, в декларируемых принципах государственной политики и т.д.).

Критически оценивая три указанных выше подхода, можно отметить, что существенное преимущество первого (стадиального) подхода, связано с признанием эволюционного характера понимания устойчивого развития, попыткой анализировать данный процесс не замкнуто, а во взаимосвязи с ключевыми политическими и социально-экономическими тенденциями современного мира. Однако очевидный недостаток данного подхода обусловлен сужением понимания устойчивого развития (до «зеленой повестки»), избыточной, а подчас и конъюнктурной его политизацией. Второй, компонентный, подход представляется более операциональным,

но недостаточно четким в теоретическом плане, поскольку он не позволяет дать исчерпывающий перечень компонентов, составляющих «зеленую повестку» и однозначно выделить точки ее пересечения с понятием «устойчивое развитие». Третий, политико-управленческий подход, представляется наиболее продуктивным и релевантным задачам проводимого исследования, поскольку он достаточно четко разграничивает «зеленую повестку» как современную (востребованную, прежде всего, в странах Запада) идейно-политическую репрезентацию устойчивого развития и «устойчивое развитие» как комплексный, нелинейный и многовекторный процесс [174, с. 335]. Тем не менее, он также не лишен некоторых недостатков, поскольку в его рамках не всегда возможно точно оценить влияние факторов текущей политической конъюнктуры на принятие стратегических государственных решений в сфере устойчивого развития. Преимущества и недостатки каждого из выделенных подходов приведены в таблице 5.

Суммируя три рассмотренных выше подхода – стадийный, компонентный и политико-управленческий, можно констатировать, что именно третий, политико-управленческий подход, наиболее релевантно отражает специфику «зеленой повестки» в ее взаимосвязи с устойчивым развитием, а также позволяет развернуто отразить не только эколого-экономическую, но и политическую ее составляющую.

Справедливо полагать, что «зеленая повестка» (не ограничиваясь дискурсивным полем устойчивого развития и частично смещаясь в конкурентное политическое пространство) становится инструментом политической борьбы, оказывается подверженной текущей политической конъюнктуре и неизбежно преломляется в призме ментальных установок и прагматических приоритетов политических элит. В связи с этим необходимо признать, что до недавнего времени в мире доминировал западно-центричный взгляд на содержание «зеленой повестки» [164; 167].

Таблица 5 - Преимущества и недостатки подходов к соотношению понятий «устойчивое развитие» и «зеленая повестка»

Подход	Преимущества	Недостатки
Стадиальный	Признание эволюционного характера и контекстуальной обусловленности устойчивого развития	Акцент на смысловое «сжатие» устойчивого развития и зависимость его понимания от политической конъюнктуры
Компонентный	Анализ устойчивого развития и «зеленой повестки» как сложных структур	Сложность определения исчерпывающего перечня значимых структурных элементов устойчивого развития и «зеленой повестки»
Политико-управленческий	Четкое смысловое и функциональное разграничение устойчивого развития и «зеленой повестки»	Недооценка ситуативных политических факторов при принятии стратегических решений в сфере устойчивого развития

Источник: составлено автором.

Как указывает А. Пыжев, данная «повестка формировалась по «западным стандартам» – из тех вопросов, которые принято обсуждать в странах с развитой постиндустриальной экономикой [133]. Однако сейчас в результате геополитического конфликта произошла вынужденная «суверенизация» практически всех сфер международной кооперации... Под влиянием новых обстоятельств постепенно формируется куда более зрелый взгляд на необходимую роль эколого-климатических инициатив в обеспечении устойчивого развития страны» [133].

В ракурсе политико-управленческого подхода особую значимость приобретает анализ политического управления как особого типа социально-управленческой деятельности и феномена политического пространства. О.Ф. Шабров, рассматривая политическое управление с системных и функциональных позиций, определяет его как «функционирование в обществе таких политических механизмов, в которых субъекты и объекты связаны отношениями управления – власти и обратной связи» [159, с. 40]. Анализируя системные основания политического управления в его взаимосвязи с социальными изменениями, он отмечает: «система

политического управления как совокупность субъект-объектных отношений в рамках государства, деятельность которого определяется значимыми социальными группами с несовпадающими интересами, будучи одной из подсистем общественной системы, функционирует во взаимодействии с другой подсистемой, с гражданским обществом. Первое обеспечивает стабильность, второе – развитие общества. Граница между ними определяется в процессе их взаимодействия, однако от государства зависит определить ее таким образом, чтобы процесс развития не сменился процессом деградации» [160, с. 87].

Отмечая процессуальный характер политического управления, А.М. Кузич определяет его как «непрерывный процесс взаимоучета и согласования интересов всех значимых субъектов политико-управленческого процесса на всех стадиях выработки и реализации властно-управленческих решений» [161, с. 77].

Опираясь на представленные выше определения, можно выделить несколько особенностей понимания устойчивого развития в политико-управленческом ракурсе.

Во-первых, устойчивое развитие необходимо интерпретировать в системном ключе, с точки зрения диффузного характера (проникающего во все значимые сферы общественной жизни) функционирования политической власти. Это предопределяет, что устойчивое развитие, по крайней мере, в его политико-управленческом измерении, не может ограничиваться какой-либо отдельной (например, экологической) подсистемой общества, а охватывает все общественно значимые процессы, так или иначе, связанные с функцией обеспечения макросоциальной (в том числе, экономической и политической) устойчивости [160; 161].

Во-вторых, «устойчивость» мыслится не как антитеза «развитию», а как его прогнозируемость и управляемость. В связи с этим критически возрастает роль государства как ключевого субъекта политического управления, деятельность которого направлена как на согласование

интересов значимых сегментов общества, так и на максимальную консолидацию разноплановых ресурсов, необходимых для обеспечения политического управления развитием [160; 161].

В-третьих, системный взгляд на характер политического управления предполагает учет многообразия средовых факторов, в том числе политико-экономических контекстов его осуществления. Поэтому возможности современных государств в сфере управления развитием во многом ограничены многообразием контекстуальных условий – внешних вызовов и рисков, с которыми сталкиваются национальные системы политического управления [160, с. 88-90].

Важным аспектом осмысления устойчивого развития в его современном понимании является обращение к проблеме выработки и использования ESG-стандартов. Популяризация данного термина была связана с докладом ООН «Who cares wins. Connecting Financial Markets to a Changing World» («Выигрывает тот, кому не все равно. Присоединение финансовых рынков к меняющемуся миру») [144]. Там, в частности, указывалось: «до настоящего времени в отрасли не было выработано общего понимания способов улучшения интеграции экологических, социальных и управленческих (ESG) аспектов в управлении» активами и операциями на финансовых рынках [144, с. 1]. Авторы доклада полагали, что «что рынки еще не в полной мере осознают важность новых тенденций, таких как растущее давление на компании с целью улучшения корпоративного управления, прозрачности и подотчетности, а также растущую значимость репутационных рисков, связанных с вопросами ESG» [144, с. 3]. В дальнейшем ESG- принципы (экологичность – социальная ответственность – корпоративное управление) наполнились более широким содержанием. Они стали интерпретироваться не только в контексте ответственности бизнеса за результаты своей деятельности перед обществом (включая будущие поколения), но и как фундаментальные, базовые принципы устойчивого развития, важные и для самого общества, и для государственных институтов. Однако важно

подчеркнуть, что такая эволюция содержания ESG- принципов, их расширенное прочтение, неизбежно способствовали их политизации [162; 163; 164].

Закономерным следствием тенденции политизации стало стремление отдельных стран и международных организаций монополизировать и унифицировать ESG-повестку, предав ей явное политико-идеологическое звучание. В 2010-е годы это, в частности, выразилось в формулировании и активном продвижении неолиберальной по своей идейно-политической направленности и западно-центричной «глобальной климатической повестки», попытках навязать отдельным странам собственные принципы и стандарты энергетической политики, предусматривающие форсированный переход к возобновляемой энергетике и, соответственно, отказ от традиционных источников энергии в ущерб национальным интересам этих стран. Представляется, что сегодня, в середине 2020-х годов, в условиях трансформирующегося миропорядка ESG-принципы имеет смысл рассматривать исключительно как контекстуальный и «рамочный» элемент вариативных стратегий развития, предлагаемых ООН и другими международными организациями. Опыт последних двух десятилетий показывает, что они не могут выступать ни смысловой квинтэссенцией устойчивого развития (даже в его усеченном эколого-центричном понимании), ни, тем более, быть представлены в императивном и унифицированном формате – как набор жестких международных стандартов и количественных показателей, обязательных для всех стран.

В заключение параграфа 1.1 можно сделать вывод, что становление концепции устойчивого развития в 1960-х – начале 1990-х годов было обусловлено широким набором экологических, экономико-технологических, политических факторов. В то же время, в современных социогуманитарных науках не сформировалось единого понимания такого явления, как устойчивое развитие. На сегодняшний день по –прежнему доминирующим является эколого-экономический подход, согласно которому устойчивое

развитие определяется как некая – близкая к идеальной – модель организации планетарного пространства, в основании которой лежит долгосрочная, экологически ориентированная деятельность. При этом такая деятельность носит транснациональный характер, нацелена на минимизацию негативного антропогенного воздействия на биосферу, опирается на принцип рационального социального поведения и ориентирована на благополучие будущих поколений.

1.2 Социально-политические контексты и риски устойчивого развития в начале XXI века

При этом целый ряд современных исследователей отмечают, что глубокое осмысление феномена устойчивого развития и, тем более, реализация принципов данной концепции невозможны без учета политических факторов, включая широкий комплекс проблем политической, социально-экономической и технологической безопасности современного государства [28, с. 101]. Таким образом, подчеркивается первичность комплексной политической безопасности как необходимого условия организации процессов развития, сопряженность эффективности этих процессов и с международно-политической ситуацией, и с функциональными особенностями национальных политических систем – эффективностью политических институтов и действенностью генерируемых ими норм [163; 166; 168; 169].

В наибольшей мере в современных социогуманитарных исследованиях востребована точка зрения, связывающая устойчивое развитие с глобализацией, которая понимается как многофакторный, полицентричный и противоречивый по своим социально-политическим эффектам процесс. На наш взгляд, весьма емко и масштабно взаимосвязь «глобализация – устойчивое развитие» определяет известный российский ученый А.Н. Чумаков: «столкнувшись во второй половине XX в. с глобальными

проблемами, человечество рано или поздно должно было прийти к пониманию того, что они являются, с одной стороны, порождением несбалансированного экстенсивного социального и экономического развития, а с другой – результатом глобализации различных сфер общественной жизни» [29, с. 9]. Указанная точка зрения интересна тем, что она не только фиксирует смысловую полифонию, сложившуюся вокруг «глобализации» и «устойчивого развития» (что вполне естественно для научных дискуссий), но и формирует понимание того, что сегодня многочисленные трактовки термина «устойчивое развитие» напрямую сопряжены с «исходной точкой» - той парадигмой, сквозь которую исследователи анализируют процесс глобализации.

На сегодняшний день, пожалуй, наиболее востребованной в зарубежной литературе продолжает оставаться (наследуя мейнстриму 1990-х годов – начала 2000-х годов) позитивно-органический – «объективистский» – взгляд на глобализацию, и как следствие, концепцию устойчивого развития. Согласно ему, глобализационные изменения рассматриваются как естественный этап эволюции человечества, связанный с тем, что предыдущая политико-экономическая архитектура современного мира – экстенсивная и конфликтная по своей сути – утратила и устойчивость, и частично - ресурсную базу (отсюда идея «пределов роста») [163; 164]. При этом заметим, что речь идет и о разбалансированности геополитической конфигурации современных международных отношений, которая интерпретируется многими исследователями как симптом скорого (или уже свершившегося де факто, но не признанного на концептуально-политическом уровне) завершения «Вестфальской эры», и о всеобъемлющей трансформации мировой экономики. Концепт «устойчивое развитие» в этих теоретических построениях наделяется двойственным смыслом: он и всепроникающий принцип построения новой организации глобального социума во всех его измерениях (от геополитического до социально-бытовых практик и мотивов поведения), и некий, пока еще недостаточно

верифицируемый, «прообраз будущего», в котором сочетаются процесс «развитие» и терминальная цель - глобальная устойчивость. Выраженный процессуальный вектор такого подхода приводит к тому, что его приверженцы (отстаивающие не только объективистский, но, что более важно, позитивный взгляд на глобализацию) делают особый упор именно на технологиях движения к устойчивому обществу [30].

Вторая точка зрения также исходит из объективистского, исторически- и политически-детерминированного понимания глобализации как планетарного феномена. Однако ее отличают три принципиально важных момента.

Во-первых, глобализационные изменения не рассматриваются как преимущественно позитивные, направленные, в конечном счете, на совершенствование социума во всех его ипостасях (включая взаимоотношения «человек – природа») [31].

Во-вторых, признается также весомая роль субъективного фактора в процессе глобальной трансформации мира – многочисленные прямые и косвенные «акторы глобализации» определяют синергию и смыслы планетарных изменений. В данном контексте важно подчеркнуть особую роль косвенных акторов глобализации – тех мировых «игроков», которые не являются ее проводниками, а нередко и противодействуют ей, но тем не менее определяют логику ее развития [170]. К ним относятся международный терроризм, транснациональные криминальные сообщества, в том числе, киберпреступность, национальные политико-экономические элиты наиболее влиятельных государств современного мира, «несостоявшиеся государства», выступающие драйверами нестабильности в отдельных регионах планеты, и т.д.

В-третьих (и это является наиболее существенным), согласно такому взгляду, глобализация не воспринимается как идеальная политико-управленческая модель, линейный «конец истории» во всех его проявлениях, а системная устойчивость интерпретируется как относительное,

желаемое, но временное и весьма короткое (по историческим меркам) состояние. В русле такого подхода глобализация (с присущей ей идеей устойчивого развития) рассматривается как безусловный мегатренд конца XX – начала XXI столетий, ознаменовавший комплексные изменения во всех сферах жизнедеятельности: от цифровой трансформации быта отдельного человека до хаотизации мировой политики после завершения «Холодной войны» и наступление геополитической фазы «глобального беспорядка» (где претензия Запада на монопольный статус глобального лидера не находит безусловного подтверждения). В этой системе координат глобализация как полицентричный и многоаспектный процесс не предстает в виде панацеи, способной решить все глобальные проблемы современности, и не сводится к ее нынешней, условно «вестернизированной» модели [166; 167].

Весьма четко такое понимание глобализационных процессов современности озвучивает У. Бек. В своей работе «Что такое глобализация» он разграничивает исторически обусловленную глобализацию (понимаемую как сверхдлительный процесс – фоновое состояние планетарного бытия) и глобализм как идеологически мотивированную элитарную доктрину, предполагающую экономико-политическое переустройство мира. По его мнению, глобализм – это «понимание того, что мировой рынок вытесняет или подменяет политическую деятельность. Для меня это идеология господства мирового рынка, идеология неолиберализма» [31, с. 23].

Наиболее важным следствием такого умеренно-критического подхода к глобализации в контексте осмысления устойчивого развития, его функциональных ограничений, являются следующие аспекты и замечания:

- за прошедшие три десятилетия с момента принятия Декларации Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию от 14 июня 1992 г. международное сообщество так и не создало действенных глобальных институтов, осуществляющих контроль над реализацией устойчивого развития. Более того, ведущие государства мира (Китай, США) часто последовательно игнорируют эти принципы – даже в природоохранной

сфере, руководствуясь национальными геополитическими и экономическими интересами;

- универсальность принципов устойчивого развития, их пластичность, не снимает проблемы неравномерности социально-экономического развития, усиливающегося разрыва в уровнях жизни населения различных стран мира и регионов планеты;

- глобальные трансформации миропорядка, происходящие в начале третьего тысячелетия, не способствуют политической устойчивости, а наоборот – приводят к появлению новых транснациональных рисков и вызовов, во многом нейтрализующих тот позитивный задел в сфере глобальной экологической политики, гуманитарного сотрудничества, управления международной миграцией), который был накоплен в 1990-е – начале 2000-х годов [168; 169];

- тенденция активного распространения образцов западной массовой культуры может интерпретироваться как минимум двойственно: не только с позиций конвергенции и глобальной транспарентности, но и в контексте вытеснения и возможного разрушения традиционных национальных, этнических культур. Последнее не только нарушает принцип разнообразия экосистем (что входит в противоречие с императивом устойчивости), но и создает дополнительные социокультурные «очаги» социальной и политической дестабилизации.

Третья точка зрения на устойчивое развитие и глобализацию может быть описана как инструментально-скептическая. Согласно ей, глобализация должна рассматриваться, прежде всего, как комплексный инструмент утверждения новой геополитической модели мира, призванной оформить глобальное доминирование Запада во всех сферах. В таком случае устойчивое развитие – на теоретическом уровне может рассматриваться в идеологическом ракурсе, как набор идеологем (к тому же, весьма оторванных от политических реалий). На концептуальном – как инструмент дальнейшего продвижения ценностей и влияния западного мира под видом

общечеловеческих, предполагающих наличие некоторых «международных стандартов» в политике, экономике (включая регулирование природопользование и промышленные сектора), культуре [32, с. 82-83]. При всей своей политизированности и внутренней неоднородности такой критический взгляд на устойчивое развитие в контексте глобализации имеет и ряд преимуществ, поскольку фиксирует слабые стороны концепции устойчивого развития, которые явно обозначились за последние годы. Позволим себе выделить несколько наиболее важных моментов:

- все более очевидный конъюнктурный (связанный с изменяющимися политическим настроением и запросами населения западных стран) характер современного «политического экологизма»;

- наличие в идеологии экологизма элементов квази-научности и социального манипулирования, что выражается в стремлении все более активно воздействовать именно на эмоциональное состояние аудитории, частичной фальсификации фактов и алармистских прогнозах, как правило, гиперболизированных и лишенных серьезной научной базы. По существу, происходит целенаправленная «катастрофизация» общественного сознания, в которой упрекали еще авторов концепции «пределов роста»;

- механизмы регулирования природопользования и охраны окружающей среды можно рассматривать сквозь призму недобросовестной экономической конкуренции (Киотский протокол) и стремления транснациональных «центров силы» поставить под свой контроль национальные ресурсы ряда суверенных государств, к коим относится и Россия;

- все более очевидным становится стремление ряда западных государств искусственно монополизировать международную экологическую повестку (и шире – повестку развития) в глобальном информационном пространстве и через нее активно влиять на внешнеполитические процессы [170].

Суммируя рассмотренные выше точки зрения, можно выделить их следующие наиболее продуктивные акценты и методологические ограничения, которые представлены в таблице 6.

Таблица 6 – Подходы к осмыслению устойчивого развития в ракурсе глобализации

Подход	Содержание	Ограничения
Позитивно-органический (объективистский)	Глобализация – объективный полицентричный процесс, способствующий общепланетарным трансформациям во всех сферах жизнедеятельности человека. Устойчивое развитие – идейная основа и инструмент оптимизации процессов глобального развития	Стремление игнорировать негативные социально-политические и экономические процессы современности, не соответствующие принципам устойчивого развития
Умеренно-критический	Глобализация – один из ведущих трендов современности, имеющий объективные исторические основания, но приводящий, в том числе, к серьезным негативным последствиям общемирового характера	Устойчивое развитие – концепция, направленная на сокращение негативных экстерналий глобализации и глобализма, которая претерпела серьезную политизацию. На международном уровне отсутствуют необходимые условия и инструменты реализации принципов устойчивого развития
Скептический	Глобализация – форма агрессивной «вестернизации» современного мира во всех его ипостасях: политической, экономической, культурной, ценностно-мировоззренческой и т.д.	Устойчивое развитие – один из идеологических элементов глобалистской стратегии Запада, нацеленной на контроль над мировыми ресурсами и сдерживание экономического развития других «центров силы»

Источник: составлено автором.

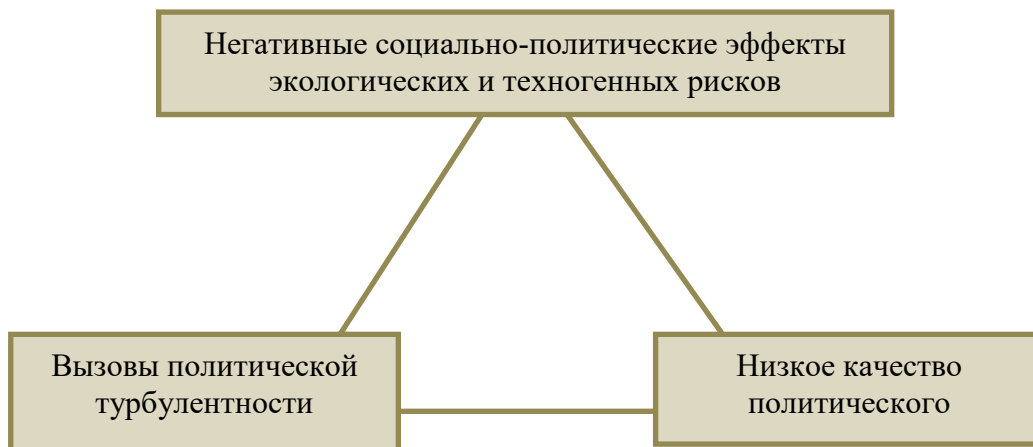
Важным аспектом, характеризующим возможности и очевидные ограничения реализации принципов устойчивого развития в практиках политического управления, является учет геоэкономических рисков современного «глобального мира». Прежде всего, речь идет о возрастающей и все менее упорядоченной геоэкономической конкуренции ведущих государств и возглавляемых ими политико-экономических блоков (США, «Объединенная Европа» и «коллективный Запад» с одной стороны, Китай, Россия и возглавляемые ими интеграционные проекты – с другой стороны). В этих условиях декларируемые концепции устойчивого развития часто

рассматриваются в инструментальном ракурсе, используются как средство экономического и технологического сдерживания оппонентов. Наиболее яркий пример реализации подобного подхода – попытка искусственной подмены комплексных стратегий устойчивого развития «климатической повесткой» [53; 59]. Предпринимая попытки такой подмены и стремясь к форсированному внедрению данной повестки в конце XX – первой четверти XXI века, ведущие государства «коллективного Запада», очевидно, преследовали цель воспрепятствовать чрезмерному, на их взгляд усилению экономической мощи Китая и его превращению в глобальный политико-экономический центр силы. Сегодня важным фактором дестабилизации, способствующим росту дисбалансов в мировой экономике, выступает агрессивная и при этом непоследовательная тарифная политика США, провоцирующая «торговые войны» и, как следствие, резко снижающая устойчивость геоэкономической архитектуры современного мира [153].

Не менее существенный геоэкономический риск проистекает из сохраняющегося и углубляющегося социально-экономического неравенства между странами, продолжающегося формирования «зон бедности» в различных макрорегионах планеты и, прежде всего, в странах «глобального Юга» (центральная Азия, Африка южнее Сахары).

Естественно, подобная негативная социально-экономическая тенденция, имеющая трансграничный характер, закономерно влечет за собой эскалацию конфликтности и высокий уровень внутренней нестабильности в указанных макрорегионах [32; 39]. Однако конфликтный потенциал, накопленный в них, не является локализованным. По существу, данных территориальные ареалы, будучи частично включенными в международные политико-экономические процессы (миграция, межкультурные коммуникации, формирование транснациональных криминальных и экстремистских сообществ), выступают фактическими или потенциальными экспортёрами дестабилизации в общепланетарном масштабе.

Однако можно констатировать, что осмысление устойчивого развития в современной политической науке не ограничивается контекстами глобализации. Не менее важным является и иной – государственно-политический – уровень реализации принципов и стратегий устойчивого развития. Его значимость обусловлена хотя бы тем обстоятельством, что в конце XX – начале XXI столетий в различных странах мира был накоплен достаточный опыт внедрения принципов устойчивого развития в практики государственного управления. Это, в свою очередь, позволило выделить широкий спектр проблем, помогающий оценить те социально-политические риски и препятствия, с которыми сталкиваются политико-административные элиты, пытаясь не только декларировать, но и реализовывать данную концепцию в рамках своей деятельности. Проведенный анализ научной литературы позволяет выделить три наиболее явных «точки конвертации» социальных вызовов, связанных с нарушением принципов устойчивого развития, в политическую плоскость, как представлено на рисунке 2.

Источник: составлено автором.

Рисунок 2 – «Точки конвертации» социальных вызовов устойчивого развития в политическое поле

Одним из центральных аспектов данного исследования является осмысление политической составляющей современного устойчивого развития, поиск его понимания именно как политического феномена

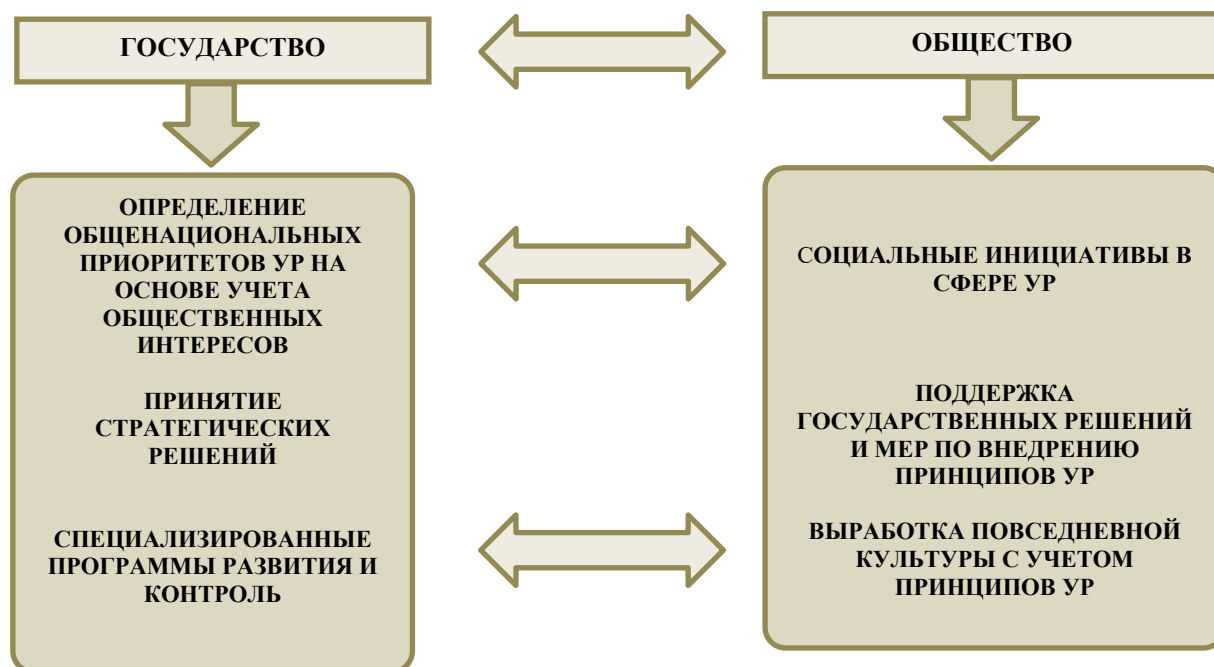
и одновременно – набора конкретных механизмов и практик политического управления. При этом следует особо подчеркнуть, что, говоря о таком понимании, следует избежать однобоких трактовок на основе «монополизации» понятия – ситуации, когда в качестве единственного субъекта устойчивого развития понимается современное государство с его административным аппаратом. Следует учитывать, что современные ученые – политологи, глобалисты, экономисты и социологи – все же склоняются к мнению, что государство (несмотря на плюрализацию политических практик в западных странах, традиционно рассматриваемых в качестве «пионеров» устойчивого развития) выступает стержневым звеном обеспечения внедрения принципов устойчивого развития в политическую сферу. Центральная роль государственных институтов в этом процессе практически не подвергается сомнению и в российских исследованиях. При этом указывается, что государство не только задает институциональные рамки соответствующих преобразований, формирует нормативную базу, но и выступает главным инструментом – «агентом» продвижения соответствующей «повестки развития» в социально-политическом поле.

Признавая системообразующую институциональную, нормативную и регуляторную роль государственных институтов в реализации концепции устойчивого развития, все же нельзя игнорировать и общественную (гражданскую) составляющую. Ее значимость находит выражение в принципе «взаимозависимости» трех элементов: государства (как центра принятия стратегических решений) и социума (как фактора поддержки принимаемых решений и одновременно – поля кристаллизации социальных инноваций и политических инициатив).

Архитектура такой государственно-общественной взаимозависимости описывается следующим образом: «решения принимаются соответствующими политическими и государственными структурами, которые обязаны представлять, защищать и реализовывать интересы

общества. Оно же (общество) также в меру своих возможностей должно участвовать в принятии решений» [33, с. 67].

Базовые параметры взаимодействия государства и общества в процессе реализации принципов устойчивого развития представлены на рисунке 3.

Источник: составлено автором по материалам [30-33].

Рисунок 3 – Взаимозависимость государства и общества в процессе реализации принципов устойчивого развития

Одним из важных вопросов осмысления устойчивого развития, его концептуальных оснований и инструментального потенциала, является обращение к проблематике масштабных и комплексных по своей природе (социально-экономических и политических) кризисов, с которыми периодически сталкивался мир в XX в. – первой четверти XXI века. В данном ракурсе наиболее показательным и важным для оценки глобальной устойчивости является опыт двух предшествующих десятилетий, когда «глобальный мир» последовательно столкнулся с целым рядом разнородных, но масштабных кризисов (мировой финансово-экономический кризис 2008-2013 годов, миграционный кризис в Европе в середине 2010-х годов, общемировой пандемийный кризис начала 2020-х годов) Взгляд на устойчивое развитие сквозь призму кризисных тенденций современности

позволяет говорить о несколько иной, - с одной стороны, менее идеологизированной, а с другой, более вариативной и емкой - интерпретации политического развития как совокупности различных моделей и путей развития, реализация которых исключает политическую дестабилизацию, минимизирует ущерб для нынешних будущих поколений. Таким образом, согласно современному пониманию общества, могут находить разнообразные оптимальные варианты распределения ограниченных ресурсов с опорой на ранее сложившуюся институциональную организацию, собственные традиции, ценности и приоритеты. В свою очередь «устойчивость» в такой системе координат видится более ограниченно, как способность системы приходить в состояние баланса в ситуации воздействия неблагоприятных факторов [142].

Опираясь на подобное понимание устойчивости, можно определить устойчивое развитие как «антиразрушающее» эволюционное движение, во многом опирающееся на сохранение политической стабильности, преемственности институтов и ключевых политических практик. Однако следует признать, что «устойчивость» (особенно в ее сопряжении с задачами развития) не синонимична стабильности и, тем более, социально-политической консервации. В данном контексте справедливо говорить не только об обеспечении стабильности и преемственности, но и об «антихрупкости» как стратегическом факторе и важнейшем условии дальнейшего эффективного развития. То есть, общества в целом и политические институты, сталкиваясь с нестабильностью и пребывая в условиях нарастающих рисков, не только не разрушаются и не утрачивают собственную функциональность, но и проявляют более высокий модернизационный потенциал [143]. Как отмечает Н. Талеб, антихрупкость как свойство системы не идентична эластичности или гибкости: «уникальность антихрупкости состоит в том, что она позволяет нам работать с неизвестностью» [143, с. 16]. В этом смысле современные государства и общества, сталкиваясь с масштабными и сложными кризисами, должны все

более стремиться не столько к реактивной адаптации, сколько к оперативному управлению новыми «пространствами возможностей», открывающимися перед ними в ситуациях нарастающей неопределенности, кризисного и посткризисного переформатирования социально-политической реальности.

Отдельный аспект проводимого исследования связан с диагностикой рисков, связанных с разнородными и во многом неизбежными издержками имплементации принципов устойчивого развития в практики социального и, в частности, политического управления. По нашему мнению, в указанном ракурсе существенный интерес представляет понимание социально-политического риска, сформулированное А.В. Брегой [34]. Эвристический потенциал указанной концепции заключается в том, что феномен риска рассматривается как комплексное и динамическое явление социальной среды, наделяется такими имманентными качествами, как вероятностный характер, сложность диагностики и мониторинга, диффузность. Последнее свойство представляется особенно значимым при оценке собственно политической составляющей рискованного события, которая заключается в невозможности искусственно сдерживать негативные эффекты рискогенного события в узких рамках, неизбежность его негативного воздействия на политическую ситуацию в обществе [34].

Современные исследователи, опираясь на императив «общества риска», сформулированный У. Бемом в 1986 году, приходят к мнению, что общество начала XXI века, по существу, пропитано рискогенностью во всех ее ипостасях: технологической, экологической, информационной, экономической, политической и т.д. [31]. При этом они акцентируют внимание на первичности именно фактора информационно-психологической среды в формировании контуров такого «опасного» социума, подверженного «цивилизационному обнищанию» [35, с. 30].

Широкий спектр социально-политических рисков, связанных с внедрением принципов устойчивого развития, сегодня носит в первую

очередь, внутренний управленческий характер и обусловлен динамикой социальной трансформации современных систем. В том числе, речь идет и о турбулентности в функционировании политических институтов, изменчивости формализованных и неформальных административных процедур и практик [166; 169]. При этом сама проблема имплементации этих принципов в социальную (и тем более – политическую) практику на сегодняшний день проработана весьма слабо.

В свете практического понимания рисков устойчивого развития в их внутренней системной взаимосвязи определенной интерес представляет опыт группы ЕВРАЗ, аналитики которой (помимо дифференциации корпоративных рисков на «основные» и «не основные»), фиксируют три рискогенных кластера, которые корреспондируют с тремя различными уровнями: внутриорганизационным, организационно-рыночным (компания как субъект рынка) и социально-гуманитарным [36]. К первому уровню необходимо отнести кадровые риски, вопросы оптимизации системы охраны труда внутри предприятий и т.д. Ко второму принадлежат риски, связанные с издержками реализации продукции, изменением административных регламентов, новеллы в области антимонопольного и антидемпингового законодательства, логистическим обеспечением и закупками (что представляется крайне актуальным сегодня, в условиях расширения антироссийских санкций). Социально-гуманитарные риски прямо корреспондируют с национальным и, в некоторой мере, глобальным измерением современных угроз: изменением климата, рационализацией природопользования и необходимостью использования безотходных технологий, поддержания социально-экономической и политической стабильности [36].

По нашему мнению, представляется возможным сгруппировать наиболее существенные социальные риски устойчивого развития в четыре базовых блока (которые, однако, не являются полностью изолированными и взаимодействуют друг с другом).

Первый тип рисков может быть условно обозначен как экспертно-интерпретационный, поскольку он прямо зависит от качества принимаемых политико-управленческих решений, селективного характера деятельности административных структур по внедрению принципов устойчивого развития. Речь идет о том, какие именно принципы внедряются, носит ли такая внедренческая деятельность комплексный социальный, сегментарный (например, для отдельных секторов экономики или сфер социальных отношений) или локализованный, точечный характер. Не менее важно и то, каким образом интерпретируется содержание конкретного принципа устойчивого развития, в какой мере алгоритм его внедрения в практику является проработанным и функционально адаптивным, в том числе, с учетом существующих национальных традиций и неформальных практик.

Второй риск внедрения принципов устойчивого развития в политические практики необходимо охарактеризовать как организационно-управленческий. Его появление связано с функциональной способностью/неспособностью управляющего актора обеспечить долгосрочную и последовательную реализацию стратегии устойчивого развития. По своему генезису указанный риск в наибольшей мере попадает под определение «внедренческий», поскольку даже корректность экспертных оценок и наличие адекватной стратегии не гарантируют эффективности ее реализации, особенно в условиях турбулентной внешней среды, кристаллизации новых и роста ранее выявленных угроз.

Третий риск, который также заслуживает особого внимания, может быть определен как политико-ресурсный. Он связан с наличием у разнообразных участников политического процесса соответствующих ресурсов – финансовых, информационных, административных – необходимых для перехода к принципам устойчивого развития. На сегодняшний день указанный риск, согласно мнению ООН, в полной мере характерен для большинства современных государств, которые не в состоянии

самостоятельно справится с такими вызовами современности, как проблема нехватки продовольствия, борьба со вспышками эпидемий, технологическая модернизация и предотвращение загрязнения окружающей среды.

Четвертый «внедренческий» риск политической реализации принципов устойчивого развития – культурно-психологический. Он связан с готовностью/неготовностью объекта политического управления (например, граждан страны в целом) осознать важность проводимых изменений, способствовать им на локальном уровне «социальной повседневности». О нем, в частности, прямо говорится в Указе Президента Российской Федерации от 1 апреля 1996 г. № 440 «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» [37].

Важно оговориться, что указанный риск часто недооценивается при принятии политических решений. Между тем, одной из причин неудачи или «медленной отмены снизу» социальных модернизаций, инспирируемых политико-административным слоем, является ее психологическое отторжение большей массой населения. В этом случае запускается механизм негативной «спирали молчания»: общество не осуждает предлагаемые инновации открыто, но сопротивляется их внедрению и распространению на уровне повседневных практик. Особенно четко такая тенденция прослеживается в условиях, когда переход к инновационным форматам сопряжен со зримыми экономическими издержками, а отказ от них – с отдаленными глобальными угрозами, слабо материализующимися «здесь и сейчас». Типичный пример – не состоявшийся в большинстве европейских стран переход на электромобили, способствующий решению глобальной проблемы изменения климата в сверхдолгосрочной перспективе, но требующий финансовых затрат, в том числе, со стороны граждан сегодня в таблице 7.

Таблица 7 – Риски внедрения принципов устойчивого развития в практики социального и политического управления

Риск	Внутренняя обусловленность	Проявления
Стратегический	а) Информационная асимметрия: «ограниченная рациональность» принимаемых решений; б) низкий уровень репрезентативности экспертных мнений в) акцент на субъективном опыте лиц, принимающих решения (ЛПР)	а) Ошибочная диагностика проблем, б) игнорирование внешних социально-политических факторов, влияющих на реализацию принимаемых решений
Организационно-управленческий	а) Качество стратегического планирования, оперативного управления и структурной координации	а) Низкое качество принятой стратегии устойчивого развития б) неадекватность поставленных задач объему ресурсного обеспечения; в) административно-управленческая дезорганизация г) превалирование формально-процедурного подхода над содержанием деятельности
Политико-ресурсный	а) Недостаток финансовых, административных, информационных ресурсов	а) Редуцированные формы внедрения принципов устойчивого развития, акцент на социальную мобилизацию (внедрение за счет поиска «внутренних резервов» общества) и регулятивные процедуры
Культурно-психологический	а) Инерционные установки массового сознания и поведения, дисфункция властно-общественной коммуникации, негативный социальный опыт	а) Открытые: протест и массовый отказ следовать предлагаемым моделям поведения б) скрытые: «спираль молчания» и игнорирование в повседневных социальных практиках

Источник: составлено автором.

Помимо указанных четырех рисков (которые носят системный характер, часто взаимосвязаны и поэтому проявляются в некоторой комбинированной форме), представляется уместным выделить пятый симбиотический риск. Он в наиболее общем виде – исходя

из мотивационных факторов, его продуцирующих - может быть обозначен как конъюнктурный (оппортунистический). Он связан со стремлением политических лидеров – особенно в конкурентных политических системах – учитывать неявные настроения и не всегда четко артикулируемые интересы собственных целевых аудиторий (электоратов), которые часто вступают в конфликт с идейно-политическим «мегатрендом» устойчивого развития.

Пожалуй, наиболее резонансным примером является решение Президента США Д. Трампа о выходе из Парижского соглашения по климату, принятое им в 2017 году. Мотивируя это решение (широко известное выступление «Я был избран представлять жителей Питтсбурга, а не Парижа...»), Д. Трамп прямо указал на интересы американцев, занятых в добывающем и промышленном секторах (во многом это жители «ржавого пояса» США, оказавшие ему наибольшую поддержку на выборах 2016 года), а также на фактор возросшей глобальной экономической конкуренции в современном мире [38].

В заключение параграфа 1.2 можно сделать вывод о том, что центральная роль современных государств в реализации концепции устойчивого развития не является всеобъемлющей и самодостаточной, во многом зависит от глобальных политических контекстов и турбулентной международно-политической ситуации, а также сталкивается с множеством внутренних социально-политических рисков: политико-управленческих (связанных с качеством принимаемых политических решений), организационно-управленческих, ресурсных и культурно-психологических.

Выводы по главе 1

В заключение первой главы диссертационного исследования необходимо сделать следующие выводы.

Во-первых, кристаллизация понятия «устойчивое развитие» в общественно-политическом дискурсе современности происходила

под влиянием разнородных экологических, экономических и политических факторов, способствующих комплексной переоценке характера антропогенного воздействия на окружающую среду. Прежде всего, речь шла о возможности снижения тех общепланетарных угроз, которые продуцировал социум во второй половине XX века.

Во-вторых, начиная с 1990-х годов, ведущее место в понимании природы и принципов устойчивого развития играет системный эколого-экономический подход, в основе которого лежит концепция «пределов роста» – симбиотической ресурсной ограниченности современных экстенсивных моделей развития, существовавших ранее. Важным дополнением такого взгляда является акцент на качество жизни людей, попытки рассматривать устойчивое развитие в инструментальном ракурсе – как средство частичного решения проблемы экономического и социального неравенства во всех ее проявлениях: материальном, технологическом, с точки зрения доступа к базовым социальным благам. В рамках такого комплексного понимания устойчивое развитие трактуется в ракурсе симбиотического взаимодействия трех базовых компонентов: экологического, экономического и социального.

В-третьих, в современной социально-гуманитарной науке не сложилось общепринятого определения «устойчивого развития». Более того, происходит своеобразная метафоризация данного термина: устойчивое развитие интерпретируется в зависимости от тех или иных парадигмальных позиций, на которые ориентированы современные ученые, или максимально аморфно, как некоторый идеальный общественный прототип – модель гармонизации отношений между человеком, социумом и природой.

В-четвертых, на сегодняшний день все более актуальным является осмысление устойчивого развития в его политико-управленческом преломлении, как комплексной деятельности, центральную роль в осуществлении которой играет современное государство, его политические и административные институты. В то же время следует полагать, что

государство не может рассматриваться как монопольный актор, обеспечивающий переход к устойчивому развитию. Очевидно, что полномасштабная реализация принципов данной концепции возможна только через активное государственно-общественное взаимодействие, обращение к диалоговым форматам решения насущных политических и социально-экономических задач, стоящих перед человечеством сегодня.

В-пятых, институциональные и функциональные возможности современных государств в области реализации концепции устойчивого развития (и на национальном, и на международном уровне) во многом ограничены как глобальными политическими контекстами и вызовами современного мира, так и рядом все более существенных внутренних социально-политических рисков. Среди этих рисков особого внимания заслуживают стратегические (экспертные и политико-управленческие), организационно-управленческие, ресурсные, культурно-психологические и политико-конъюнктурные факторы, нередко выступающие в качестве препятствия комплексной реализации «политики устойчивого развития».

Глава 2

Принципы устойчивого развития в политических практиках зарубежных макрорегионов и стран

В рамках анализа зарубежных практик политического управления устойчивым развитием автор акцентировал внимание на опыте Соединенных Штатов Америки, Европейского Союза и Китайской Народной Республики. Выбор этих эмпирических объектов обусловлен рядом обстоятельств. Во-первых, США, КНР и ЕС – три крупнейшие экономики современного мира, развитие которых во многом определяет облик общепланетарной геоэкономической конфигурации. Во-вторых, США, КНР и ЕС – входят в число ключевых государственных и надгосударственных (в случае ЕС) акторов современной мировой политики, при этом весьма активно выступая на международной арене в поддержку базовых принципов устойчивого развития. Более того, Европейский Союз и Соединенные Штаты Америки сегодня рассматриваются значительным числом исследователей и экспертов в качестве лидеров в области реализации стратегий устойчивого развития на политическом уровне. В-третьих, концептуальные основания устойчивого развития, безусловно, занимают существенное место в системе приоритетов внутренней политики США, ЕС и КНР. Однако, и само содержание этих приоритетов, и стратегические направления, и политические механизмы устойчивого развития в США, ЕС и КНР различны.

2.1 Место и специфика реализации принципов устойчивого развития в политике Европейского Союза

Важным направлением осуществляемого научного поиска является выявление и анализ специфики реализации принципов устойчивого развития в политике Европейского Союза (далее – ЕС). Данная тематика получила

широкое освещение как в зарубежной, так и российской научной литературе. Указанная тематика представлена в работах Т. Джексона [39], Дж. Рифкина [40], К.В. Симонова [121], Н. А. Кавешникова [41], Ю.Ю. Ковалева [42] и ряда других исследователей. Все они сходятся во мнении, что зарождение «зеленой повестки» в европейском политическом дискурсе, ее становление в качестве одного из смыслообразующих компонентов европейской интеграции, началось еще в 1970-е годы, задолго до образования ЕС (1997 год) как целостного политического пространства. Можно отметить, что политика ведущих европейских стран, прежде всего, Германии и Франции в период с 1970-х годов по 1980-е годы, в полной мере отражала тренды пересмотра экономической стратегии на основе идеологии рационального использования природных ресурсов, сбережения среды обитания, минимизации техногенных угроз человечеству [41; 42].

Первый этап имплементации принципов устойчивого развития политические практики Европейского экономического сообщества (далее - ЕЭС) – экологический в узком смысле этого слов («природоохранный») – начался в 1973 году и был связан с разработкой Программы действий ЕЭС по защите окружающей среды. Дальнейшее развитие интеграционных процессов в западноевропейском макрорегионе в конце 1970-х годов – начале 1990-х годов, способствовало закреплению в документах ЕЭС принципа доминирования наднационального характера экологических и проблем и экологической политики над национальными политико-экономическими интересами [43]. В этот же период происходит формирование «зеленых» как заметной политической силы в ведущих государствах западной Европы. В данном контексте наиболее показательны результаты на выборах в Европарламент созданной в 1983 году германской партии «зеленых» (с 1989 года «Зеленые/Союз 90»), электоральная поддержка которой в 1980-1990 годах варьировалась на уровне 10%; в 2000 году – начале 2010-х годов – 10-15%, а к концу 2010-х годов превысила 20%. Более того, начиная с 1998 года представители этой

политической партии активно участвуют в формировании федерального правительства, не ограничиваясь притязаниями на посты, связанные с экологической и экономической политикой, а активно участвуя в определении внешнеполитического курса страны (так, с 1998 года по 2002 год Министром иностранных дел Германии был лидер «зеленых» Й. Фишер, в 2021-2025 годах пост главы МИД занимала А. Бербок).

Второй этап реализации принципов устойчивого развития как одного из краеугольных оснований европейской политики начался 1993 году с принятием программы «За долгосрочное развитие» (17 мая 1993 года), которая носила стратегический характер и сочетала в себе три важнейших момента. Во-первых, она была первой программой устойчивого развития собственно Европейского Союза. Во-вторых, ее принципы не только отражали, но и развивали идеи Всемирной декларации устойчивого развития» 1992 года [42]. В-третьих, в ней был аккумулирован и критические переосмыслен опыт реализации подходов в сфере экологии и рационального пользования, которые реализовывались европейским сообществом ранее на основе четырех предшествующих программ действий ЕЭС. Важно подчеркнуть, что само название данной программы подчеркивало существовавшее на тот момент в европейских политических элитах понимание устойчивости именно как предсказуемой модернизации, акцентировало внимание на стратегический характер предлагаемых инициатив.

Всепроникающий и стратегический характер принципов устойчивого развития был еще раз подчеркнут в Шестой программе действий Европейского союза по защите окружающей среды, принятой в июле 2002 года (решение Европейского парламента и Совета от 22 июля 2002 года № 1600) [44]. Второе немаловажное нововведение было связано с процессом расширения Европейского союза: декларировалось, что при приеме стран в ЕС будут учитываться, в том числе, экологические критерии, а политические структуры «Объединенной Европы» будут оказывать

содействие странам-кандидатам в формировании экологически-ориентированных моделей государственной политики [44].

Необходимо отметить, что в 2010-е годы ряд европейских государств стал активно внедрять ESG-принципы в качестве стратегических приоритетов развития. При этом активно использовались соответствующие механизмы налоговой политики, стимулирующие ответственное социальное и экологически-ориентированное поведение бизнеса и граждан. Так, в Польше государство активно поддерживало рост «зеленого» строительства, в Германии – государство стремилось содействовать росту рынка электромобилей и автомобилей с гибридными двигателями [145; 146]. Существенное внимание уделяется и совершенствованию системы контроля за соблюдением ESG-стандартов коммерческими структурами: «в 2022 г. в Европейском союзе впервые разработана обязательная ESG-отчетность для банков. Регулятор - Европейская служба банковского надзора (European Banking Authority) – опубликовал ESG-показатели для 150 ведущих банков, в том числе для Deutsche Bank и UniCredit. После утверждения этих требований по раскрытию информации Европейской комиссией банки будут отчитываться перед регулятором по определенному перечню показателей» [145, с. 100].

Важной вехой, оказавшей существенное влияние на подходы и политику ЕС в сфере устойчивого развития, явилось Парижское соглашение по климату, принятое 12 декабря 2015 года по итогам XXI конференции Рамочной конвенции ООН по изменению климата [129]. В данном соглашении указывалось, что оно направлено на укрепление глобального реагирования на угрозу изменения климата в контексте устойчивого развития и усилий по искоренению нищеты» [129]. Ключевой задачей, сопряженной с достижением данной цели, было названо «удержание прироста глобальной средней температуры намного ниже 2°C сверх доиндустриальных уровней и приложения усилий в целях ограничения роста температуры до 1,5°C» [129]. При этом особый акцент делался на необходимость адаптации

к неблагоприятным изменениям климата, главным образом, путем корректировки государственной экономической политики. Соглашение предполагало, что подписавшие его государства разрабатывают, публично представляют и реализуют национальные пятилетние планы действий («определяемые на национальном уровне вклады») по сокращению выбросов и адаптации к изменению климата.

Парижское соглашение, придя на смену Киотскому протоколу 1997 года, с одной стороны, открывало большие возможности для стран, связанные с самостоятельным формулированием целевых показателей в рамках «национальных вкладов». С другой стороны, его ключевым содержательным основанием стал принцип инклюзивности: все государства, присоединившиеся к Парижскому соглашению, брали на себя обязательства представить соответствующие «национальные вклады» и, сообразуясь с обозначенными в них целевыми показателями, скорректировать приоритеты государственной политики на национальном уровне, более активно и последовательно способствовать технологическим изменениям в обществе [129].

По существу, именно Парижское соглашение стало прологом к началу третьего этапа реализации принципов устойчивого развития в политике ЕС. Знаковой вехой здесь явилось принятие Европейской комиссией «Европейского зеленого курса» - стратегии обеспечения перехода к «климатически нейтральной Европе» до 2050 года, разработанной на основе задач, сформулированных в Парижском соглашении 2015 года. В качестве одного из базовых механизмов реализации этого курса было запланировано не только изменения в сфере ценообразования, призванные поощрять сокращение «углеродного следа» в коммерческом секторе, но и введение с 2026 года трансграничного углеродного налога на импортируемую продукцию [126]. Естественно, что указанная инициатива вызвала и критические отклики, была воспринята рядом стран-партнеров ЕС как политический инструмент недобросовестной конкуренции, мера

ограничения торговли на глобальных рынках и элемент общеевропейского промышленного протекционизма [45; 126].

Продолжением третьего этапа «экологизации» европейской политики явилось принятие 6 апреля 2022 года новой, Восьмой (с учетом документов, принимаемых в рамках ЕЭС до 1993 года) программы действий, предполагающей, что на первое место – при сохраняющейся актуальности экологических и ресурсно-экономических задач – выходит цель, связанная с обеспечением качества жизни. Речь шла о необходимости и возможности «обеспечить благополучие для всех, не выходя за рамки планетарных границ» [46]. Симптоматично, что хотя Восьмая программа формулировалась в условиях начавшегося переосмысления опыта пандемии COVID-19, ее разработчики указывали, что «видение 2050 года и приоритетные цели по-прежнему актуальны» [46]. Акцент был сделан на преемственность и незыблемость экологических императивов как фундаментальных ценностей европейской политики: «Европейский зеленый курс лежит в основе Плана восстановления ЕС следующего поколения» [47].

Необходимо признать, что «климатическая повестка», формирующаяся с современным миром на основе Парижского соглашения, стала важным компонентом как внутренней политики ЕС, так и позиционирования отдельных стран «объединенной Европы» в глобальном политическом пространстве. Так, канцлер Германии А. Меркель, выступая на международной конференции по климату 22-23 апреля 2021 г., организованной по инициативе президента США Дж. Байдена, отметила вклад Германии в переход к «климатически нейтральному» миру и подтвердила ранее озвученные планы отказа страны от угольных электростанций к 2038 году [130]. Президент Франции Э. Макрон, выступая на Конференции по климату в Глазго (2021 год), призвал мировое сообщество ежегодно направлять 100 млрд долларов на борьбу с изменением климата [131].

Можно отметить, что подписание Парижского соглашения по климату стало важным импульсом, побудившим правительства европейских стран существенно скорректировать (в сторону большего фокусирования на климатической повестке) или разработать национальные программы, нацеленные на снижение «углеродного следа». Предполагается, что такой результат может быть достигнут не только за счет технологического обновления экономики и реализации крупных инфраструктурных проектов, но и путем введения соответствующих мер социального стимулирования, а также ограничений, непосредственно затрагивающих «социальную повседневность» собственных граждан. Примером такой программы может служить План по защите климата 2050, принятый в Германии в 2016 году. Указанный план, помимо долгосрочных целей, предусматривает, в частности, модернизацию ранее построенных зданий в целях отказа от систем отопления, работающего на ископаемом топливе. Также, согласно данному плану, предполагается серьезная модернизация транспортной системы страны, в том числе, переход к повсеместному использованию электромобилей, который затронет как общественный, так и частный транспорт [132].

Отдельный момент исследования связан с пониманием политико-экономических групп, наиболее заинтересованных и, соответственно, активно лоббирующих «зеленую», «климато-центричную» повестку устойчивого развития в «объединенной Европе». На сегодняшний день актуализация «климатической» составляющей в европейской политике связана с условно «неолиберальным» («глобалистским») конгломератом, объединяющим достаточно широкий спектр политических сил (от праволиберальных до умеренно-левых). При этом безусловными драйверами данной повестки, как в Европе, так и в общемировом масштабе выступают транснациональные политические и экономические институты – Европейская комиссия, Европейский центральный банк. При этом, безусловно, весьма влиятельной структурой, пытающейся трансформировать

«зеленую повестку» в свою пользу (закрепив за атомной энергетикой статус «чистой»), является «атомное лобби», представленное в экономическом плане, в первую очередь французскими атомными компаниями «Orano S.A» и «Électricité de France», а в политическом – французскими «правыми» и «умеренными» депутатами в Европейском парламенте.

Характеризуя политику ЕС по реализации стратегии устойчивого развития (и «климатической повестки» как ее знакового компонента), нельзя не отметить двойственность ситуации, складывающейся в «объединенной Европе» сегодня. С одной стороны, справедливо считать, что «самым активным участником Парижского соглашения остается Европейский Союз, задавая темп остальным государствам» и продолжающий позиционировать себя как лидер в защите природоохранной политики в мире. Как отмечает К.В. Симонов, европейские политики не только выступили в качестве наиболее активного проводника идеи формированного перехода к возобновляемой энергетике, но и «при помощи PR-техник сумели превратить этот энергетический авангардизм в «зеленый мейнстрим», умело затягивая в эту парадигму и экспортеров углеводородов и угля, включая и Россию. Чувствуя растущую зависимость от импорта углеводородов, ЕС решил активно развивать тот вид энергетике, который доступен для производства внутри Европы [120, с. 18].

С другой стороны, обращает на себя внимание то обстоятельство, что политика стран-лидеров ЕС (не смотря на формальный приоритет «общеввропейских» подходов и ценностей) по отдельным вопросам «зеленой повестки» была до последнего времени весьма различной, а часто и диаметрально противоположной. Пожалуй, наиболее яркий пример - развитие атомной энергетике в Германии и во Франции. Так, в Германии, где в 1990-2000 годы усилились позиции «зеленых», в 2000 году было принято политическое решение о полном отказе от эксплуатации АЭС. Указанное решение последовательно реализовывалось как социал-демократическими правительствами Г. Шредера (1998-2005 годы) и О. Шольца (с 2021 года), так

и правительством ХДС/ХСС под руководством А. Меркель (2005-2021 годах). Более того, авария на японской АЭС «Фукусима» в марте 2011 только ускорила данный процесс: решением А. Меркель в Германии в 2011 году были одновременно выведены из эксплуатации 6 АЭС. Эксперты, комментируя такой подход, отмечают: «атомная энергетика должна была обеспечить переход к безуглеродной энергетике к середине текущего века. Авария на АЭС «Фукусима» перечеркнула эти планы. Было решено к 2022 году закрыть все АЭС... Это политическое решение. Оно ориентировано на запрос электората, который связан с представлением о рисках атомной энергии» [48].

Однако решение о поэтапном выводе из эксплуатации 9 из 17 функционировавших на тот момент германских АЭС, реализовывавшееся с 2011 года, было подвергнуто ревизии на фоне обострения энергетического кризиса в Европе, связанного с ростом цен на энергоносители, который начался в середине 2021 года [127]. При этом весьма показательны, что сторонники продления сроков эксплуатации германских АЭС активно использовали не только аргументы экономического, научного и технологического характера (в частности, подтверждающие высокий уровень безопасности «мирного атома» по сравнению с другими источниками энергии), но и активно апеллировали к геополитическим соображениям, подчеркивая важность энергетической независимости Европы от России в условиях усиливающейся международно-политической нестабильности. В этой ситуации федеральный канцлер О. Шольц принял в октябре 2022 г. продлить эксплуатацию трех оставшихся энергоблоков до 15 апреля 2023 г. [49].

Принципиально иной подход в отношении атомной энергетике реализуется во Франции – одного из «атомных» лидеров современного мира, последовательно реализовавшей принцип «ядерного суверенитета» как в военно-политической сфере, так и в области «мирного атома». Доля АЭС в общей структуре французского энергетического рынка в 2000-2010 годах

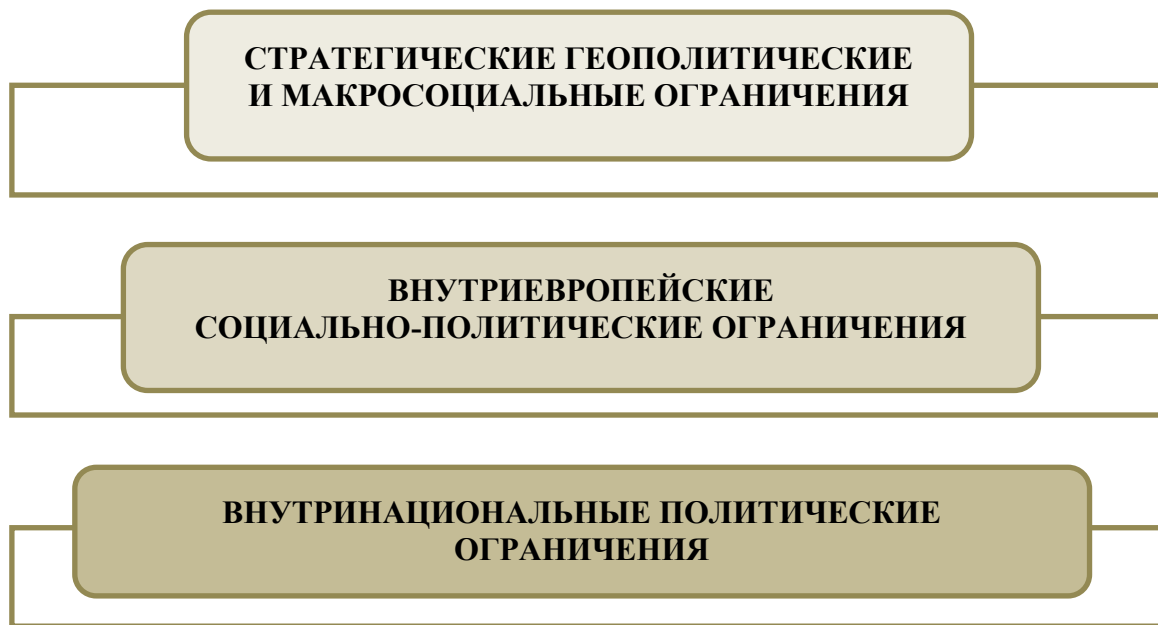
превышала 70% и была одной из самых высоких в мире (и наиболее высокой среди технологически развитых стран). При этом в середине 2010-х годов (в период президентства социалиста Ф. Олланда) руководство Пятой республики озвучивало планы по поэтапной «экологизации» энергетического комплекса страны и сокращению этой доли до 50%. Однако, после прихода к власти администрации Э. Макрона в 2017 году и, тем более, в условиях общеевропейского энергетического кризиса, ставшего очевидным летом-осенью 2022 года, данные инициативы не получили должного развития.

Указанный пример свидетельствует о том, что Европейский Союз, при всем своем высоком уровне интеграции, все же не является абсолютным монолитом с точки зрения понимания фундаментальных принципов, приоритетов и механизмов реализации «политики устойчивого развития». Политика устойчивого развития (прежде всего в формате «климатической повестки») с конца 1990-х – начала 2000-х годов занимает одно из ключевых мест при определении стратегических приоритетов и механизмов реализации общеевропейской политики. Вместе с тем, она не может рассматриваться как некоторая безусловная ценностная и технологическая детерминанта, способная трансформировать практики политического управления в Европейском Союзе.

Более того, справедливо полагать, что существует целый ряд отраслевых политик и сфер (миграционная политика, энергетическая политика, обеспечение безопасности на европейском субконтиненте, координация национальных систем здравоохранения на общеевропейском уровне), в которых принципы устойчивого развития далеки от своей, даже частичной, реализации. Поэтому отдельный аспект проводимого научного анализа связан с выделением широкого комплекса проблем, препятствующих реализации «политики устойчивого развития» в Европейском Союзе. Указанные проблемы, безусловно, имеют различную природу и генезис, но оказывают негативное влияние на функционирование европейских

властных институтов, перспективы обеспечения общеевропейской устойчивости, особенно, в социально-политической сфере.

Говоря о таком комплексе проблем, можно выделить три взаимосвязанных уровня их структуризации, которые представлены на рисунке 4.

Источник: составлено автором.

Рисунок 4 – Ограничения, препятствующие реализации политики устойчивого развития в Европейском Союзе

Первый уровень – это стратегические препятствия макросоциального и геополитического (международно-политического) характера, сдерживающие внедрение принципов и механизмов устойчивого развития в политические практики ЕС (и как интеграционного объединения, и как относительно целостного актора современного мирового политического процесса). Второй, внутриевропейский, уровень – это совокупность внутривнутриполитических процессов, межгосударственных противоречий, имеющих место внутри самой – далеко не монолитной – конфигурации «объединенной Европы».

Безусловно, наличие таких ограничений имеет двойственное значение: оно не только затрудняет переход политической системы ЕС к новым стандартам и качеству развития, ограничивает общеевропейскую

модернизационную повестку, но и в определенной степени – препятствует дальнейшей интеграции в целом, оказывая негативное воздействие на все иные сферы: правовую, экономическую, миграционную, социокультурное пространство Европейского союза и т.д.

В связи с этим необходимо выделить интересную – и с научной, и с политико-идеологической точки зрения – деталь: целый ряд ученых продолжают инерционно (подходов 1990-2000 годов) рассматривать именно ЕС в качестве флагмана, инициатора становления и главного бенефициара «дискурса устойчивого развития» в его глобальном измерении. Закономерно, что в этом случае многочисленные негативные процессы современности, замедляющие имплементацию концепции устойчивого развития на глобальном уровне, интерпретируются с позиции международной политико-экономической конкуренции, как стремление иных «глобальных игроков» (США, Китая) снизить влияние Европейского союза на мировую политическую динамику, прежде всего, в экономической и гуманитарной сферах.

По существу, речь идет о том, что европейская «зеленая повестка» в ее геополитическом измерении может рассматриваться двойственно: и как фундаментальный ценностный императив общеевропейского характера, и как инструмент «мягкой силы» ЕС.

Данный инструмент призван частично компенсировать утрату двумя ведущими странами континентальной Европы – Францией и Германией – иных геостратегических компонентов лидерства: военно-политического и частично – экономического (особенно с учетом роста геоэкономического влияния ведущих стран БРИКС в современном мире).

Такая двойственность геополитического статуса «зеленой повестки» в европейской политике отражена на рисунке 5.

Однако, говоря об устойчивом развитии как некой «глобальной повестке», продвигаемой «объединенной Европой» сегодня, нельзя не заметить, что ее значение в европейских стратегиях внешней политики

(о которой сегодня также можно говорить с известной долей условности) все же снижается.

Источник: составлено автором.

Рисунок 5 – Двойственный характер устойчивого развития в общеевропейском политическом дискурсе

Ряд крупнейших и наиболее влиятельных западноевропейских стран (Франция, Германия, отчасти – Италия) продолжают сохранять за собой статус главных провайдеров «зеленных ценностей» на международной арене, но речь идет в большей мере уже о реактивных практиках – реагировании, часто запоздалом и предельно формальном, на действия других государств. Показательный пример здесь – осуждение государствами - лидерами ЕС решения Д. Трампа о выходе США из соглашения по климату.

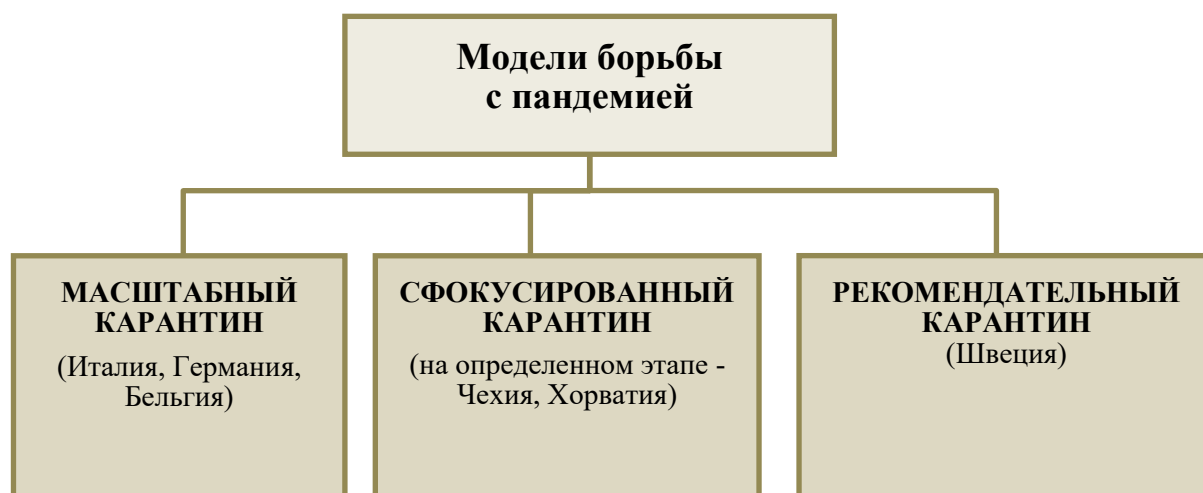
Среди факторов, серьезно препятствующих реализации принципов устойчивого развития в странах ЕС, безусловно, выделяется пандемия COVID 19, ставшая глобальным политическим и во многом когнитивным (ценностно-смысловым) вызовом для всего мира. Причем речь идет не только о смене стратегических политических приоритетов, форсированном переходе – пусть и весьма кратковременном по историческим меркам - западных социумов от «парадигмы развития» к «парадигме выживания», но и об очевидной девальвации императива устойчивости как некоторой реальной (а не эфемерно-идеалистической), достижимой

политической ценности, отражающей функциональное состояние наиболее развитых в социальном и технологическом плане политических систем современного мира. В этом смысле коронавирус, его неконтролируемое распространение, явилось в известной степени «антиподом» устойчивости во всех ее проявлениях: политическом, экономическом, социальном, гуманитарном, информационно-психологическом и т.д.

Более того, очевидным стало и дезинтегрирующее влияние эпидемии COVID-19 на политико-административное пространство ЕС [50]. Причем речь идет не только о тактике «карантина» как некоторого комплекса вынужденных, длительных ограничительных мер (например, ограничение передвижения, которое касалось не только перемещения между странами-членами ЕС, но и действовало внутри ряда самих этих стран, отдельных регионов и муниципалитетов). Прежде всего, необходимо говорить об известной автономизации национальных политических элит ряда европейских государств, их «осознанном изоляционизме»: дистанцировании от проблем стран-партнеров по ЕС, экономии ресурсов, несогласованных стратегиях противодействия пандемийной угрозе. Даже если вывести за скобки наиболее вопиющие случаи такой «ограничительной» политики (например, отказ от помощи Италии на пике пандемийного коллапса в этой стране в марте 2020 года), общепризнанным является факт, что европейские страны избрали, без каких-либо консультаций с руководящими органами ЕС, различные – во многом противоположные – стратегии борьбы с коронавирусной угрозой. Разнообразие таких моделей борьбы с пандемией отражено на рисунке 6.

Конечно, можно говорить о том, что первоначальный выбор той или иной модели осуществлялся в режиме оперативного антикризисного реагирования, более того большинство государств-членов ЕС достаточно гибко корректировали свою политику в данной области, поэтапно смещаясь от масштабных ограничений к рекомендательной стратегии. Тем не менее, именно к ЕС были адресованы целый ряд упреков, связанных с тем, что

декларируемые ESG-принципы устойчивого развития не были реализованы на практике, причем, даже в некоем минимальном масштабе, гарантирующем эффективную защиту здоровья граждан европейских стран.

Источник: составлено автором.

Рисунок 6 - Модели противодействия пандемии COVID-19 в различных странах ЕС

Можно заключить, что ведущие европейские государства оказались слабо резистентными к такому вызову, а социально-политическая ситуация во многих из них демонстрировала скорее признаки турбулентности, чем устойчивости и предсказуемости. Аналогичным образом непоследовательности и элементы хаотизации проявились в деятельности государственных структур ведущих стран ЕС. Все это способствовало частичной утрате Европой статуса морального и идеологического лидера глобальной «зеленой повестки» в широком ее понимании. Так, лидер «Лиги Севера» М. Сальвини, говоря о низкой эффективности общеевропейских структур в условиях коронавирусной угрозы, их нежелании оказать помощь наиболее пострадавшим странам, отметил, что Италия должна «задуматься» во возможности выхода из ЕС «без всяких слов благодарности» [51].

Анализируя текущую на тот момент (начало весны 2020 года) ситуацию, И. Зиганшина выделяет три главных фактора неготовности ЕС противостоять пандемии COVID-19: Первая – это пассивность политического руководства и соответствующих бюрократических структур ЕС [52]. Вторая причина – неготовность к эпидемии, в том числе управленческая, техническая

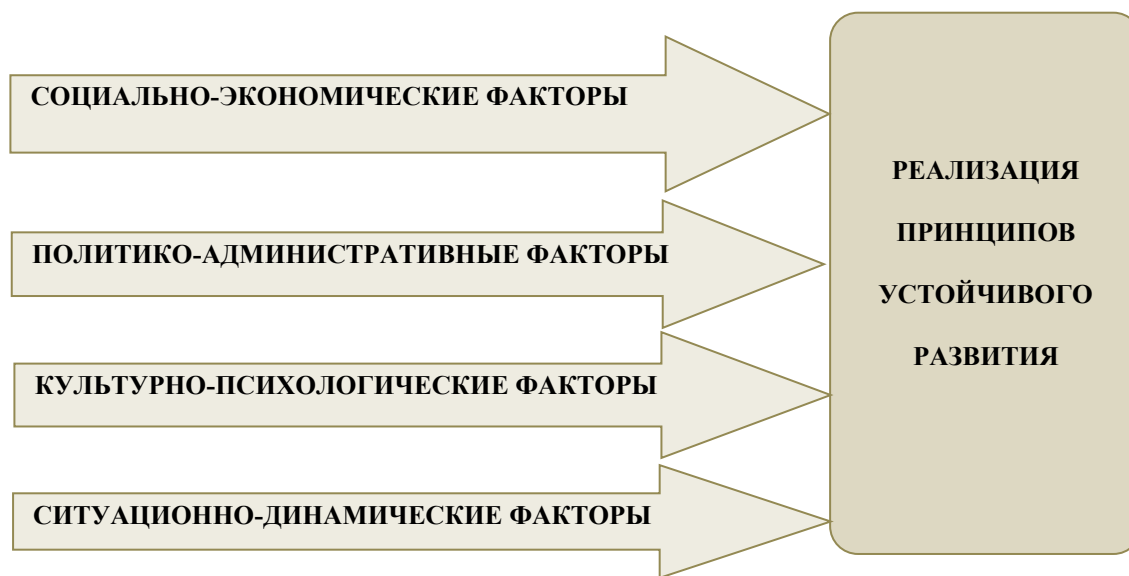
и кадровая. В данном случае речь идет и о том, что стратегии развития ЕС, декларирующие линейную устойчивость как фундаментальный принцип, оказались весьма идеалистическими и в то же время не гибкими, не предусматривали схем реализации конкретных мер (условных антикризисных «дорожных карт») в подобной ситуации. Третья причина – недооценка опасности на этапе ее возникновения и первоначального развития [52; 53]. Вместе с тем, следует отметить, что ряд экспертов придерживаются несколько иной точки зрения. Они заостряют внимание на том факте, что, не смотря на «провал» весны-лета 2020 года, общеевропейские структуры уже к концу 2020 года смогли наладить соответствующие механизмы антикризисной координации в условиях пандемии [42].

Отмечается, что руководство Европейского Союза, в отличие от лидеров других западных стран, достаточно быстро осознало уровень опасности и перешло к последовательным действиям по борьбе с пандемией. Например, сравнивая опыт ЕС с аналогичным «пандемийным» опытом США (где администрация Д. Трампа долгое время склонялась к скептическому отношению при оценке степени опасности пандемии) или Бразилии (президентом которой в то время был Ж. Болсонару, явно не адекватно воспринимавший уровень рисков для населения собственной страны), они делают вывод, что общеевропейская стратегия противодействия распространению коронавируса и купирования его последствий, при всех ее очевидных издержках и недостатках, была все же более последовательной и сбалансированной.

Суть второго, внутривосточного контура-ингибитора, сдерживающего дальнейшие усилия правительств по внедрению «зеленых» подходов в практики политического управления, емко характеризует Ю.Ю. Ковалев. Он справедливо констатирует, что «среди стран ЕС нет консенсуса по вопросам устойчивого развития. Это демонстрируют трудности поиска

компромиссов при формулировке целей устойчивости среди 28 стран» [42, с. 88].

Анализируя различные научные работы, посвященные проблеме влияния внутренних европейских противоречий на замедление реализации принципов устойчивого развития, можно прийти к следующей трехфакторной схеме, которая отражена на рисунке 7.

Источник: составлено автором.

Рисунок 7 – Внутривосточные факторы, препятствующие реализации стратегий устойчивого развития в политике Европейского Союза

Проведенный анализ вплотную подводит исследовательскую логику к проблеме ранжирования: выделения стран-лидеров и аутсайдеров устойчивого развития в современной «объединенной Европе». К числу условных «идеологических» лидеров и во многом инициаторов «дискурса устойчивого развития», как известно, относят «большую тройку» западноевропейских государств (Германию, Францию, в меньшей степени -- Италию), а также, с известной ремаркой на макрорегиональную специфику, скандинавские страны. В последнем случае речь идет не только о высоком уровне социального развития, первенстве стран северной Европы в различных социально-экономических и гуманитарных рейтингах, но и о политической составляющей устойчивости (например, нейтральный

статус Швеции, ее роль в деятельности «делийской шестерки»; Финляндия как эталон «мирного сосуществования» в период Холодной войны).

Основополагающая проблема в данном случае – отсутствие релевантных данных в самом Европейском Союзе [54]. Вместе с тем, основываясь на современных исследованиях, можно с известной долей условности выделить ряд кластеров (и входящих в их состав географических субкластеров), приблизительно отражающих степень успешности движения государств ЕС к реализации полномасштабной модели устойчивого развития. Такое распределение отражено в таблице 8.

Таблица 8 – Кластеры стран по степени эффективности реализации политики устойчивого развития

Кластер	Субкластеры	Страны
Страны-лидеры	«Скандинавско-балтийский»	Швеция, Финляндия, Дания, Эстония, Исландия
	«Альпийский»	Австрия, Словения
	«Центрально-западный»	Германия, Нидерланды, Бельгия, Франция
Страны «второго эшелона»	Южно-Европейский	Италия, Испания
	«Центрально-восточный»	Хорватия, Чехия, Венгрия
Страны «догоняющего» устойчивого развития	«Восточный»	Польша, Словакия, Литва, Латвия
	«Балканский»	Румыния, Болгария, Греция

Источник: составлено автором по материалам [54].

Как видно из таблицы, представленной выше, место стран в том или ином кластере тесно коррелирует с уровнем их социально-экономического развития, качеством жизни населения. Однако следует учитывать, что, во-первых, границы указанных кластеров весьма размыты, не носят устойчивого характера. Во-вторых, указанное распределение все же в большей мере отражает реалии «доковидной эпохи». Как уже было сказано выше, пандемия в этом смысле оказалась мощнейшим дезорганизирующим фактором, поставившим под сомнение не только общеевропейские стратегии перехода к устойчивому развитию, но и актуальность и даже жизнеспособность парадигмы устойчивого развития как

таковой. Вместе с тем также очевидно, что перед нами сегодня – Европа «разных скоростей» движения к устойчивому развитию; налицо целый комплекс политических, социально-экономических, и, что крайне существенно, административных («бюрократических», связанных с повышением эффективности госаппаратов) задач, связанных с интенсификацией развития условных «аутсайдеров», их приближением к группе стран «второго эшелона» [40; 42; 54].

Говоря о влиянии социокультурных и ситуационно динамических факторов на реализацию стратегий устойчивого развития (как на национальном уровне, так и на уровне ЕС в целом), следует обратиться к такому важному феномену, как евроскептицизм в европейской политике. Общеизвестно, что за последние три десятилетия (время поворота Европы к «зеленым ценностям») влияние «евроскептиков» на политическую динамику «объединенной Европы» нарастало.

При этом существуют две точки зрения о роли фактора евроскептицизма, его влияние на продвижение «зеленой повестки». Первая, сугубо негативная, исходит из того, что именно данное политическое течение выступает наиболее последовательным и агрессивным их оппонентом. Причем, речь идет, скорее, не о прямом отвержении в рамках идеологии, а о «мягком оппонировании» через нивелирование самой идеи форсированной европейской интеграции, акцент на сохранение и рост значимости национальных правительств. В этом смысле предполагается, часто имплицитно, перенос «центра тяжести» реализации политики устойчивого развития на национальный уровень, отказ от рассмотрения устойчивого развития как безусловной, первичной транснациональной политической ценности.

Вторая точка зрения представляется более гибкой и взвешенной. Ее суть заключается в том, что евроскептицизм (если вывести за скобки его некоторые радикально-националистические проявления) может рассматриваться в двух ракурсах. Первый – это уже упомянутое

перераспределение полномочий, переход рассматриваемой сферы (прежде всего, экологических и экономических вопросов) из компетенции «евробюрократии» в ведение национальных правительств. Последние, как представляется, обладают большей конгруэнтностью: более «чувствительны» к запросам национальных политических сообществ, не стремятся к унификации ESG-принципов и механизмов реализации «зеленой повестки», а способны выделить те ее нюансы, которые значимы для граждан конкретной страны в текущий момент времени. Второй ракурс – это расширение европейской повестки устойчивого развития, отход от ее редуцированного восприятия в рамках доктрины экологизма (сквозь призму триады «экология – энергетика – экономика») и учет дестабилизирующих социально-политических факторов при ее формировании [39; 40].

Среди таких факторов (слабо учитываемых ранее при формировании общеевропейских стратегий устойчивого развития) особо выделяются внешние миграционные потоки и демографическая динамика европейских стран. Как известно, миграционный кризис середины 2010-х годов, вызванный интенсивным, фактически не регулируемым притоком мигрантов из Ливии и стран Ближнего Востока, имел весьма тяжелые последствия для целого ряда ведущих европейских государств, оказал дестабилизирующее воздействие на социальную ситуацию в них. Все это еще раз подчеркивает необходимость развернутого – панорамного – взгляда на концептуализацию европейской модели устойчивого развития, не возможность ее выстраивания исключительно в унифицирующем ключе или, тем более, «замыкания» исключительно в узких рамках дискурса «зеленой экономики» при игнорировании внешних социально-политических вызовов.

Важно отметить, что политика устойчивого развития в Европейском Союзе характеризуется последовательными попытками весьма активного внедрения ESG-принципов в различные сферы жизнедеятельности общества, стремлением к выработке единых стандартов и подходов в данной области.

При этом очевидными проблемами являются неравномерность социально-экономического развития государств-членов ЕС, сложность согласования их национальных интересов, фокусирование на экологической проблематике в ущерб политической составляющей УР. Среди факторов, слабо учитываемых ранее при формировании общеевропейских стратегий устойчивого развития, особо выделяются миграционная и демографическая проблемы. Существенным препятствием на пути дальнейшего формирования единой европейской модели устойчивого развития является инерционный характер деятельности общеевропейских политических и административных структур. Этот момент особенно ярко проявился в ходе первого этапе пандемии COVID-19, когда политическое руководство Европейского Союза не смогло оперативно и эффективно реагировать на сложившуюся ситуацию, выработать единую стратегию антикризисного политического управления.

Можно сделать вывод, что устойчивое развитие в его комплексном понимании является одним из четко обозначенных приоритетов политики Европейского Союза. Однако основными препятствиями реализации единой общеевропейской стратегии устойчивого развития сегодня выступают: внутренние ценностно-политические противоречия в европейских странах, неравномерность социально-экономической динамики государств-членов ЕС, сложность согласования их национальных интересов, избыточное фокусирование на узко трактуемой экологической проблематике в ущерб политической составляющей, игнорирование все более острых проблем, характерных для ряда европейских стран (миграционной, демографической).

2.2 Специфика внедрения и реализации принципов устойчивого развития в США

Одной из важных составляющих проводимого исследования является анализ роли «зеленой повестки» в современном политическом процессе Соединенных Штатов Америки. Важность такого осмысления обусловлена

тем фактом, что США, будучи одной из ведущих высокотехнологичных экономик мира, нередко выступали в роли лидера и инициатора различных экологических проектов, связанных с осуществлением «зеленой трансформации» - как на национальном уровне, так и в глобальном масштабе. Однако, еще одна причина, способствующая росту научного интереса к данной теме – все более заметная в последние годы непоследовательность американского руководства в сфере продвижения ценностей устойчивого развития на международном уровне, их предельно специфическая трактовка в ключе прагматических экономических и геополитических интересов страны.

Актуализация «зеленой повестки» в США началась в 1990-е годы, в период пребывания на посту президента Б. Клинтона. Характеризуя тот период в развитии американского общества, О.Н. Ефименко отмечает, что «90-е годы стали периодом противоречивого сосуществования двух тенденций: стремления общества к высокой степени экологической безопасности и качества окружающей среды, с одной стороны и усиления общественного скепсиса в отношении существующей системы экологического регулирования – все более обременительной и все менее результативной – с другой» [55, с. 17-19]. Поэтому «90-е годы были отмечены напряженными общественными дискуссиями и серьезными политическими конфликтами по поводу поиска оптимального баланса между экономической эффективностью и экологической защитой» [55, с. 19].

В то же время, характеризуя экологическую политику, проводимую администрацией Б. Клинтона, большинство исследователей придерживаются мнения о ее непоследовательности, подверженности политической конъюнктуре, стремлении использовать экологическую риторику (равно как и гуманитарную) в исключительно прагматических целях. Более того, можно отметить, что подобная тактика привела в тот момент к формированию у части американских граждан явно завышенных экологических и технологических ожиданий – уверенности, что первые десятилетия

XXI века станут временем технологических «прорывов», способных обеспечить устойчивое развитие (как на национальном, так и на международном уровне), понимаемое, главным образом, как баланс между природной и техногенной средами, гарантирующий рост качества жизни [56; 57].

В то же время еще в период президентства Б. Клинтона начинает формироваться оппозиция экологическому курсу Белого дома, состоящая в основном из представителей правоконсервативного крыла Республиканской партии, настаивающих на отказе от избыточного государственного регулирования экологических вопросов в ущерб интересам американской промышленности и крупного бизнеса. Приход к власти президента Дж. Буша (2001-2009 годы) в этом плане ознаменовал не отказ от устойчивого развития как некой идейно-политической концепции, а скорее, попытку ее рационализации через поиск баланса между необходимостью охраны окружающей среды и другими внутривластными приоритетами. Естественно, такая позиция республиканской администрации привела к тому, что в указанный период экологическая повестка в американском обществе утратила былую пассионарность и остроту (в сравнении с деятельностью администрации Клинтона – Гора в 1993-2001 годах), а развивалась преимущественно инерционно и закономерно не была инкорпорирована должным образом во внешнеполитические стратегии США (где после событий 11 сентября 2001 года неоспариваемым приоритетом являлась борьба с международным терроризмом).

Общепризнанно, что вторичная актуализация «зеленого дискурса» во внутренней политике США была связана с деятельностью администрации Б. Обамы (2009-2017 годы). Безусловно, к наиболее заметным ее достижениям относится подписание в 2015 году Парижского соглашения, конкретизирующего положения Рамочной конвенции ООН об изменении климата и ставшего заменой Киотскому протоколу. В то же время, можно отметить, что два президентских срока Б. Обамы с точки зрения реализации

принципов устойчивого развития, их внедрения в американские политические практики, могут быть оценены двойственно, как непрерывная попытка поиска ситуационного баланса между насущными политическими задачами и наследием экологического дискурса, по-прежнему важного для значительной части демократического электората. Так, например, Б. Обама неоднократно подчеркивал важность климатической повестки, в том числе и в ходе своих выступлений в ООН. В Национальной стратегии США по Арктическому региону, которая носила, в первую очередь, геополитический характер, тем не менее, были зафиксированы такие задачи, как обеспечение экологической устойчивости и охраны природных ареалов территорий, прилегающих к Соединенным Штатам Америки.

В то же время, характеризуя период 2001-2017 годов (время президентства Дж. Буша и Б. Обамы) как некоторое «отступление» от идеи стратегической приоритетности экологического императива в политике Соединенных Штатов Америки, необходимо сделать важное уточнение. Состоит оно в следующем: в эти годы происходил не реверсивный процесс – «отказ» от устойчивого развития, а прагматизация понимания его политической сущности с учетом актуальных вызовов современности. В частности, стало понятно, что принцип устойчивости не может быть воплощен в жизнь без обеспечения комплексной социальной и политической безопасности, минимизации террористической угрозы. Столь же очевидной во внутривнутриполитической повестке США стало осмысление важности целостного, многоуровневого подхода к качеству жизни граждан, которое не сводится исключительно к качеству и сбережению природной среды, а включает в себя такой неотъемлемый компонент, как доступность высокотехнологичной медицинской помощи для основной массы граждан.

Таким образом, начало третьего тысячелетия явилось в большей мере периодом переосмысления содержания понятия «устойчивое развитие» применительно к коренным социальным интересам различных слоев населения. Закономерным итогом такого противоречивого и сложного

процесса стало расширение данного понятия: устойчивое развитие в общественно-политическом дискурсе США приобрело несколько иную – уже не предельно экологизированную (искусственно сфокусированную на проблемах загрязнения окружающей среды и дефицита ресурсов), а комплексную социально ориентированную окраску.

Важнейшей вехой в формировании политики устойчивого развития США явились президентские выборы-2016. Приход к власти Д. Трампа, которого обвиняли и в «антиклиматических» установках, и в стремлении нивелировать значимость «зеленой повестки», неизбежно породил запрос на переосмысление роли экологической составляющей и системе национальных ценностей и приоритетов. Российские исследователи отмечают, что «в отличие от Б. Обамы, Д. Трамп исходит не из понятия о долге перед будущими поколениями, а об ускорении экономического роста и создании рабочих мест в настоящем» [59, с. 71]. Поэтому решение о выходе из Парижского соглашения, о котором Президент объявил 1 июня 2017 года, можно интерпретировать не только как демонстрацию пренебрежения к принципам устойчивого развития и даже не в контексте выполнения ранее данных предвыборных обещаний, но и с точки зрения защиты энергоемких отраслей американской промышленности в условиях нарастающей глобальной конкуренции. В этом плане показательным официальное заявление Д. Трампа, где он, не отрицая значимость экологических ценностей и допуская возможность дальнейшего международного сотрудничества в данной сфере, все же, сделал упор на национальных экономических интересах [60].

Вместе с тем, следует признать, что обвинения Д. Трампа и его сторонников в их приверженности «антиэкологическим» установкам не лишены известных оснований. В этом смысле не только политика администрации Д. Трампа, но и «трампизм» как сложное политическое и социально-психологическое явление может быть оценен и с точки зрения его соотношения с базовыми принципами устойчивого развития. Здесь

необходимо подчеркнуть, что, несмотря на значимость и очевидность данного феномена, его оценки по-прежнему носят идеализированный политический, эмоциональный, нежели научный характер. Немногочисленные научные исследования, посвященные «трампизму», очень часто ограничиваются личностью Д. Трампа, не выходя за пределы описания модели его лидерского поведения и публичного позиционирования. Не претендуя на детальное изучение данного политического явления, имеет смысл рассматривать «трампизм» все же как некую «первичную идеологию» (размытую и внутренне противоречивую «протоидеологию», адаптивную к политической конъюнктуре и опирающуюся на мощный протестный импульс американского социума), можно осмыслить его в контексте устойчивого развития.

На наш взгляд, сегодня весьма очевидно, что «трампизм» как идейно-политическая доктрина, набор смыслов и политических ценностей, олицетворял собой, если не всеобъемлющий разрыв, то серьезный конфликт с мировоззренческими основаниями и целями устойчивого развития. Суть его вытекала из нескольких имманентных черт данного политического явления, таких как:

– непредсказуемость, которая служила антиподом «предсказуемого будущего», декларируемого, например, в рамках стратегий устойчивого развития Европейского Союза;

– агрессивность и выраженная конфликтность как противовес конвенциональности и многообразию, по отношению к своим оппонентам – и на внутривнутриполитической арене (что проявилось еще в ходе праймериз Республиканской партии и предвыборной кампании Д. Трампа в 2016 году), и в процессе реализации внешнеполитического курса Белого дома в 2017-2021 годы;

– акцент на прагматический изоляционизм как отрицание принципа глобальной инклюзии: подчеркнутая демонстрация приоритета

национальных интересов и подходов над транснациональными ценностями и интересами;

– идейно-политический моноцентризм и открыто постулируемая установка на геополитическую иерархию (в том числе, фактический «подчиненный» статус континентальной Европы по отношению к США) как отрицание полицентричности современного глобального мира: не завуалированная, резко озвучиваемая претензия на «исключительную роль» США в планетарной политической и экономической конфигурациях.

Предвыборная кампания 2019-2020 годов ознаменовала возвращение «зеленой повестки» в политический мейнстрим США. Так, в 2019 году ряд представителей демократической партии (в основном из числа лидеров ее «левого» крыла) представили резолюцию «Новый зеленый курс», предусматривавшую переход к инновационной, экологически ориентированной экономике в сочетании с доминирующим принципом социальной ответственности государства [61]. При этом особо подчеркивалась важность задачи поддержания климатического баланса [61].

Показательно, что, наряду с обеспечением качества окружающей среды, строительством высокоскоростных железнодорожных магистралей, активным развитием рынка электромобилей борьбой с изменением климата, данный документ делает упор «на поддержку бедного и цветного населения страны» [61].

Очевидно, что такая отчетливая позитивная дискриминация (с включением в нее не только социально-экономического, но и расово-этнического компонента), вызвала серьезную критику в американском обществе и, в особенности, в истеблишменте. Причем, с критическими комментариями выступали как прямые оппоненты демократов республиканцы, так и ряд представителей Демократической партии (которых не устроил излишний, по их мнению, «левый» уклон «нового зеленого курса», граничащий с социально-политическим популизмом).

Однако необходимо подчеркнуть, что «Новый зеленый курс» так и не стал главным концептуально-стратегическим документом Демократической партии. Еще на этапе праймериз Демократической партии, Дж. Байден презентовал «План революции чистой энергии и экологической справедливости» [62]. Данный план предполагал в долгосрочной перспективе решение пяти стратегических задач:

– переход к стопроцентной «энергетически чистой» экономике («экономики нулевых выбросов») к 2050 году;

– инфраструктурные инвестиции, направленные на модернизацию транспорта (в частности, резкое наращивание производства электромобилей) и иных общественно значимых объектов, их способность сохранять устойчивость и функциональность в условиях роста рисков «изменения климата» (в частности, строительство 4 млн современных, обладающих высоким уровнем защиты от внешних природных воздействий зданий в течение четырехлетнего президентского срока);

– международная консолидация в свете угроз изменения климата, возвращение США в Парижское соглашение по климату («сплотить остальной мир, чтобы противостоять угрозе изменения климата»);

– противодействие той части бизнеса, деятельность которой наносит значительный ущерб окружающей среде («Администрация Байдена примет меры против компаний, работающих на ископаемом топливе, и других загрязнителей, которые ставят прибыль выше людей и сознательно наносят вред нашей окружающей среде и отравляют воздух»);

– защита интересов рабочих, в том числе, и той их части, которая может пострадать от сокращения отдельных отраслей, не вписывающихся в параметр «зеленой экономики» и климатической безопасности. В связи с этим необходимо особо отметить, что в рамках данной программы (несмотря на ее гипертрофированный «климатический» уклон) существенное внимание уделялось и проблеме занятости населения – созданию новых

экологически ориентированных отраслей и «высококачественных рабочих мест» [62].

Важно обратить внимание, что «план Байдена» по развитию «зеленого» сектора американской экономики, при всей своей масштабности, все же был воспринят учеными, в большей степени, как некая декларативная составляющая самопрезентации этого политика (на тот момент еще кандидата в президенты США), чем как реалистичная стратегия и проработанный алгоритм действий. Особо чувствительным моментом выглядела не только его избыточная заостренность на проблеме изменения климата и вредных выбросов в атмосферу, но и сверхдолгосрочный «горизонт» планирования (2050 год как финальная точка, 2025 год как промежуточная «точка отсечения»). Политические оппонента американского лидера также указывали на избыточность мер государственного регулирования экономики, предлагаемых Дж. Байденом, стремление искусственно форсировать «зеленый переход» и отчетливо избирательный, компенсаторный характер социальной помощи.

Вместе с тем, следует отметить, что «план Байдена» содержал и конкретные, весьма проработанные механизмы его реализации, включая финансовое обеспечение, а также был взаимосвязан с планами изменений в налоговом законодательстве. Так, акцент был сделан на государственное инвестирование и налоговое регулирование: предполагалось увеличение подоходного корпоративного налога с 21% до 28%, что позволило бы выделять необходимые финансовые ресурсы как для государственной поддержки «зеленого перехода», так и оказывать дополнительную социальную помощь социально незащищенным слоям населения.

Однако следует констатировать, что в 2021-2022 годах Белому Дому удалось провести часть предлагаемых преобразований. Так, безусловно, политически знаковым явилось решение Дж. Байдена (принятое им в первый день своего президентства) о возвращении США в Парижское соглашение. Комментируя данное решение, государственный секретарь США Э. Блинкен

заявил: «это жизненно важно в вопросах национальной безопасности, миграции, международного здравоохранения, а также в экономической дипломатии и торговых переговорах» [63]. Характерно, что Дж. Байден через два месяца после своего выступления в должность президента США (и на фоне продолжающейся пандемии) выступил инициатором проведения Саммита лидеров по вопросам климата 22-23 апреля 2021 года, в работе которого в режиме видеоконференцсвязи (ВКС) приняли участие 40 глав ведущих государств мира. Выступая на этом саммите, Дж. Байден в очередной раз признал важность климатической повестки и призвал другие страны «сообща инвестировать в практически значимые климатические проекты, активнее заняться разработкой низкоуглеродных технологий по смягчению последствий и адаптации к изменениям климата» [134]. В более поздних заявлениях американский лидер также подчеркивал центральное место климатической повестки в политическом курсе нынешней администрации Белого Дома. Так, 31 января 2023 г. Дж. Баден дал следующую оценку проблеме изменения климата: «это главная экзистенциальная угроза человечеству, с которой мы когда-либо сталкивались, включая ядерное оружие» [135]. Вместе с тем, следует отметить, что неоднократное резкое изменение подходов Белого Дома к проблеме устойчивого развития в целом и климатической повестки в частности, которое имело место в последнее десятилетие, позволяет говорить о том, что подчеркнуто экологически-ориентированная политическая стратегия Дж. Байдена, все же, не мог рассматриваться как сверхдолгосрочный, непререкаемый и, тем более, неизменный императив государственной политики США. Очевидно, что подобный подход (гипертрофированно климато-центричный по своей сути) не только не встречает понимания со стороны Республиканской партии, но подвергся резкой критике и всестороннему переосмыслению после вступления в должность действующего президента США Д. Трампа в январе 2025 года. Возвращение Д. Трампа на пост президента США закономерно

ознаменовалось новым радикальным пересмотром позиции официального Вашингтона по отношению к «климатическому» вопросу и «зеленой» повестке в целом. В данном контексте вполне предсказуемым явился указ Д. Трампа о повторном выходе США из Парижского соглашения по климату, подписанный им 20 января 2025 года, в первый день собственного президентства [138]. Показательно, что в тот же день был публично обнародован указ Д. Трампа о выходе США из всемирной организации здравоохранения (далее – ВОЗ) [139]. Представляется, что указанное решение стало как следствием признания низкой эффективности ВОЗ в условиях пандемийного кризиса 2020-2023 годов, так и четкой демонстрацией неприятия новым президентом США практически всего комплекса глобалистских (неолиберальных по своему политико-идеологическому содержанию) ценностей, лежащих в основании внутренней и внешней политики предыдущей администрации США.

Исследуя трансформацию места повестки устойчивого развития в государственной политике США, можно заметить, что базовой характеристикой данного процесса является его резко флуктуационный, во многом реверсивный характер. Гипертрофированное внимание к устойчивому развитию (и в особенности его климатическому измерению), характерное для администрации Б. Клинтона, сменяется более сдержанным отношением со стороны администрации Дж. Буша (приоритетом которого было противодействие международному терроризму). Переосмысление и новая актуализация «зеленой» проблематики в период президентства Б. Обамы сменяется политикой администрации Д. Трампа, фактически направленной на максимальное и публичное дистанцирование от «климатической» повестки, а затем – прямо противоположным подходом со стороны администрации Дж. Байдена, рассматривавшей «зеленую» проблематику (и «климатическую повестку как ее стержневое звено) в качестве одного из центральных направлений собственного политического курса. Повторное избрание Д. Трампа президентом и его вступление

в должность 20 января 2025 года сопровождалось публичным «разрывом» новой администрации США с «зеленым» курсом и приоритетами гуманитарной политики Дж. Байдена. Все это позволяет говорить, что на сегодняшний день устойчивое развитие, его принципы, подвергаются критическому пересмотру со стороны правящих американских элит и не обладают должным трансформационным потенциалом, способным повлечь за собой радикальные изменения в политическом процессе и системе государственного управления США.

Отдельный проблемный аспект исследования связан с пониманием политико-экономических групп интересов, выступающих проводниками «зеленой» повестки в США. Следует отметить, что в первую очередь, главными «теневыми идеологами» и спонсорами данной повестки выступают ряд финансовых групп, прочно связанных с Демократической партией США. Прежде всего, следует упомянуть такие крупные бизнес-структуры, (представляющие финансовую и цифровую сферы), как Meta, Microsoft, Bloomberg, LinkedIn. В то же время очевидными и наиболее заметными оппонентами «зеленого перехода» являются коммерческие структуры, представляющие нефтяной сектор экономики США (Crown Quest Operating, Energy Transfer и др.), руководство которых выступало активными спонсорами избирательной кампании Д. Трампа в 2024 году.

Необходимо особо отметить, что в русле активного продвижения «зеленой» проблематики работают такие транснациональные организации, как Международный валютный фонд и Всемирный банк, деятельность которых также прочно связана с финансовым сектором экономики США. Соответственно, инструментами «мягкой силы», призванными транслировать «климатическую» западно-центричную модель устойчивого развития в глобальное пространство, выступают целый ряд крупных некоммерческих негосударственных организаций, осуществляющих свою деятельность в десятках стран мира («Гринпис», Всемирный фонд природы, Фонд «Открытое общество» Дж. Сороса, Фонд Б. и М. Гейтс и другие).

Вместе с тем проведенный анализ эволюции места экологического компонента в американской политике конца 1990-х годов – начала 2020-х годов позволяет выделить ряд рисков дальнейшей реализации политики устойчивого развития в США.

Первый риск – это присутствие зримого и во многом конъюнктурного, электорально обусловленного, принципа «отмены» в деятельности сменяющих друг друга республиканских и демократических администраций Белого дома, стремление нового руководства частично дезавуировать инициативы своих предшественников, в том числе, и в области «зеленой повестки». Так, например, подобная тактика проявлялась в действиях администрации Б. Обамы по отношению к начинаниям его предшественника Дж. Буша, в деятельности Д. Трампа – по отношению к инициативам демократического Кабинета Б. Обамы. Сегодня налицо аналогичная ситуация: попытка администрации Дж. Байдена провести ревизию внешне- и внутривнутриполитического наследия Д. Трампа, включая его гуманитарную и экологическую составляющие [64].

Второй риск – это избыточный акцент в рамках «зеленой повестки» на собственно экологическую проблематику в предельно узком ее понимании: природоохранные мероприятия, проблему глобального потепления и т.д. при частичном игнорировании других вызовов – миграционного, фактора расовой ксенофобии, негативного воздействия информационно-психологической среды на детей, подростков и молодежь. Такой экологизированный уклон представляется закономерным следствием инерции «зеленого дискурса» 1990-х – начала 2000-х годов, но, тем не менее, нуждается в серьезной корректировке в условиях интенсификации принципиально новых, условно «нематериальных» вызовов, лежащих в плоскости информационной безопасности и массового психического здоровья.

Третий риск, о котором говорят ряд исследователей, детерминирован существенными различиями в социально-экономическом развитии

отдельных штатов и секторов экономики США. В этих условиях форсированная реализация (фактическое «навязывание») ряда экологических программ, например, в рамках «климатической повестки», может наносить ущерб значимым сегментам американского общества, приводить к сокращению производств и росту безработицы (например, в штатах «ржавового пояса», которые в 2016 году стали электоральным оплотом Д. Трампа). Все это, в свою очередь, способствует росту социально-политической напряженности в американском обществе. В данном контексте показательна оценка решения демократической администрации о возвращении в Парижское соглашение, данная Д. Трампом в июне 2021 года: «ужасная сделка, прокитайская, пророссийская, антиамериканская, будет стоить Америке триллионов долларов за годы» [65].

Четвертый риск, который также заслуживает дальнейшего осмысления, имеет политико-управленческий характер и проявляется в форме очевидного дисбаланса между социально ориентированной и гуманитарной внутривнутриполитической повесткой дня (в которой проблемы перехода к зеленой экономике занимают одно из центральных мест) и внешнеполитическим курсом американских администраций. Последний прямо предполагает участие США в международных конфликтах.

В связи с этим важно заметить, что анализ роли «устойчивого» компонента в политических практиках США не представляется полным без рассмотрения его во внешнеполитическом разрезе, с точки зрения интересов глобального поступательного развития как сложного политико-экономического и социогуманитарного процесса. Иными словами, речь идет о вкладе государства в обеспечение (или наоборот, подрыв) глобальной стабильности, устойчивости существовавших ранее – пусть и не всегда эффективных – конфигураций международных отношений.

Следует подчеркнуть, что оценки вклада США в глобальное устойчивое развитие носят разнонаправленный, а подчас и противоположный характер. С одной стороны, ученые обоснованно отмечают, что «Соединенные Штаты

Америки к началу XXI века позиционировали себя как страна-лидер в области охраны окружающей среды и инновационных технологий «зеленой» экономики [55; 59]. С другой стороны, есть ряд весьма очевидных моментов, не позволяющих рассматривать США в качестве главного «агента устойчивого развития» в современном мире. Главный из них вытекает из дестабилизирующей роли этой страны в мировом политическом процессе начала XXI века, активном участии США в крупнейших макрорегиональных конфликтах современности [66; 67]. Более того, сейчас звучат радикальные оценки, состоящие в том, что доминантами американской внешней политики стали стратегия «управляемого хаоса» и «экспорт нестабильности» как основной инструмент ее реализации. О.А. Леонова рассматривает стратегию «управляемого хаоса» как процесс внешнего, целенаправленного генерирования турбулентной ситуации – нестабильности в «стране-мишени» [66, с. 38]. Среди «стран-мишеней», ставших объектом информационно-психологической, а нередко и военной агрессии внешних сил, как правило, фигурируют Ирак, Ливия, Сирия, Украина, Йемену [66, с. 42-44]. Весьма резкую оценку роли США в становлении нового миропорядка после распада СССР дает А.В. Манойло. По его мнению, «США, сразу после окончания холодной войны поспешившие заявить о том, что они берут на себя всю полноту ответственности за дальнейшую судьбу мира, с этой задачей, очевидно, не справились ...» [67, с. 639].

Можно констатировать, что руководство США, периодически декларируя важность устойчивого развития и реализуя ряд соответствующих инициатив и программ внутри страны, не рассматривает обеспечение устойчивости, тем более, и инклюзивного глобального развития в качестве своих внешнеполитических приоритетов. Поэтому назревшей необходимостью представляется серьезная переоценка роли США в реализации концепции устойчивого развития, признание того факта, что на сегодняшний день имеет место фактическая оппозиционность внутренней и внешней политики, проводимой американским руководством.

Суть этой оппозиционности выражается следующим образом: если внутренняя политика Белого дома на протяжении последних десятилетий и соотносится с декларируемыми целями и принципами устойчивого развития (прежде всего, в вопросах, касающихся экономического развития и новых технологий), то внешняя всецело опирается на императив дезорганизации и ориентирована на продуцирование глобальной и региональной конфликтности. По существу, она, начиная с 1990-х годов, эволюционируя в отдельных аспектах, тем не менее, строго и последовательно базируется на принципах, прямо противоположных постулатам обеспечения стабильности и предсказуемости, лежащим в основании понимания устойчивости. Причем речь идет о понимании такого типа развития не только как сугубо национальной прагматической (важной с точки зрения качества жизни граждан отдельной страны), но также - транснациональной социально-политической и гуманитарной ценности. Указанное системное противоречие внутренней политики и внешнеполитических стратегий американских администраций сохранялось на протяжении всего рассматриваемого периода (начиная с внешнеполитического курса Б. Клинтона) и носило нарастающий характер. Схематически его содержание отражено на рисунке 8.

Источник: составлено автором.

Рисунок 8 – Разнонаправленность внутренней и внешней политики США в контексте принципов устойчивого развития

Таким образом, можно полагать, что США на сегодняшний день могут рассматриваться в качестве одного из лидеров в сфере реализации принципов и практик устойчивого развития. Тем не менее, важно подчеркнуть, что процесс перехода к данным принципам, продвижение «зеленой повестки» в политическом пространстве США сопровождается целым рядом рисков и ограничений, связанных с непоследовательностью политического курса сменяющих друг друга республиканских и демократических администраций, пониманием устойчивого развития в сугубо экологическом (а подчас и еще более узком «климатическом») его измерении, нарастающим дисбалансом между декларативной активностью в сфере «зеленой экономики», социально ориентированной внутривнутриполитической повесткой дня и конфликтным внешнеполитическим курсом страны на международной арене.

Можно сделать вывод, что государственная политика США в области выработки стратегий и реализации принципов устойчивого развития характеризуется нарастающими кризисными тенденциями, выраженным дисбалансом внутреннего и внешнего контуров. С одной стороны, США, опираясь на наследие демократических администраций Б. Клинтона и Б. Обамы, инерционно продолжают выступать одним из государств-лидеров в сфере выработки и международного продвижения узкой «либеральной» модели развития. С другой стороны, политическая динамика США второй половины 2010-х – середины 2020-х годов свидетельствует о глубоком отторжении данной «глобалистской» модели значительной частью американского общества и политико-экономических элит. При этом показательно, что внешнеполитический курс США в конце XX – начале XXI века сохраняет последовательную ориентацию на целенаправленное генерирование глобальной турбулентности и макрорегиональной нестабильности, поддержание «очагов напряженности» в мировом политическом пространстве; Таким образом, устойчивое развитие, продолжая сохранять важное место в перечне приоритетов государственной политики США, тем не менее, не может рассматриваться в качестве ее

всеобъемлющей ценностно-смысловой доминанты, способной детерминировать глубокую трансформацию практик политического управления в Соединенных Штатах Америки.

2.3 Особенности и проблемы внедрения принципов устойчивого развития в Китайской Народной Республике

Китайская народная республика относится к числу государств, начавших активно внедрять принципы устойчивого развития в парадигму своей внешней и внутренней политики вскоре после подписания Декларации Рио-де-Жанейро в 1992 году. Первоначально официальный Пекин акцентировал внимание именно на экологической составляющей устойчивого развития. В 1998 г. властями КНР были запущены проекты, призванные обеспечить в общенациональных масштабах охрану окружающей среды и развитие возобновляемых источников энергии [174, с. 337]. В 2008 г. в число ключевых направлений экономического развития Китая были официально включены такие показатели, как энергосбережение, сокращение объема выбросов и создание экологичной среды. В 2011 г. этот перечень дополнили низкоуглеродное и «зеленое» развитие [68, с. 498].

В начале 2000-х годов власти КНР начали демонстрировать рост интереса к комплексной реализации принципов устойчивого развития. В частности, на официальном уровне начала широко обсуждаться концепция «гармоничного мира» в рамках реализации внешней политике. В соответствии с ее положениями, устойчивое развитие на глобальном уровне возможно лишь при наличии сочетания таких факторов, как экономический рост, социальное развитие и повышение качества защиты окружающей среды [69, с. 223]. В итоге, впрочем, фокус внимания руководства Коммунистической партии Китая (далее - КПК) сместился в сторону экономического компонента устойчивого развития. Это наглядно

продемонстрировало выступление главы КНР Ху Цзиньтао на саммите лидеров «большой восьмерки» и руководителей развивающихся государств в 2007 году. Тогда китайский лидер определил в числе приоритетов устойчивого развития «устранение дисбаланса мирового хозяйства путем увеличения внутреннего потребления и уменьшения дефицита бюджета, расширения системы регулирования глобального финансового рынка, ограничения протекционизма и обеспечения стабильности курсов мировых резервных валют» [70, с. 13].

Необходима отметить, что в дальнейшем смена политического руководства КНР – приход к власти «пятого поколения» руководителей во главе с Си Цзиньпином, - не привели к существенным изменениям в интерпретации устойчивого развития китайским истеблишментом. Так, в ходе своего выступления на Петербургском международном экономическом форуме в 2019 г. председатель Си Цзиньпин подчеркнул, что главными детерминантами устойчивого развития являются роста производительности труда и технического прогресса [71, с. 18].

Таким образом, можно говорить о том, что руководство КНР последовательно рассматривает устойчивое развитие, его принципы не в качестве терминальной политической ценности (способной привести к всеобъемлющим изменениям в функционировании государственных институтов), а как инструмент и драйвер экономического роста, поддержания макроэкономической и социальной стабильности. Указанный подход, обретя концептуальную форму в период правления Ху Цзиньтао, продолжает преобладать и сегодня, отражая не только предельно рациональный взгляд правящей элиты Китая на потенциал и ограничения концепции устойчивого развития, но и косвенно демонстрируя акцент на преемственность базовых параметров проводимого государством политического курса, устойчивость уже существующих оснований политической системы КНР.

Таким образом, с содержательной точки зрения политика устойчивого развития в КНР прошла на текущий момент три стадии в рамках своей

трансформации. Указанные стадии, их временные рамки и содержательные особенности, отражены в таблице 9.

Таблица 9 - Этапы трансформации политики устойчивого развития в Китае

Хронологический период	Название	Содержательные особенности
1990-е годы	«Экологический»	Реализация преимущественно экологических проектов
2000-2007 годы	«Сбалансированный»	Попытки равномерной и многовекторной реализации задач устойчивого развития
2007 год - настоящее время	«Экономический»	Комплексная реализация политики устойчивого развития с выраженной управленчески-экономической доминантой

Источник: составлено автором.

На наш взгляд, наличие «экономического уклона» в интерпретации устойчивого развития официальным Пекином объясняется в первую очередь спецификой включения КНР в процесс глобализации. Экономика Китая, несмотря на ощутимые успехи в развитии внутреннего рынка и сопутствующий рост платежеспособного спроса внутри страны, остается, с одной стороны, экспортоориентированной, с другой – существенным образом зависимой от импорта. За счет этого качество управления на государственном и корпоративном уровне приобретают для КНР ключевое значение как фактор обеспечения внешней и внутренней безопасности. Показатели, имеющие отношение к экологическим программам и социальному развитию, приобретают факультативное значение и тесно увязываются с решением проблем управления экономикой [72, с. 173]. В частности, социальные проекты вписываются в контекст управленческих решений относительно решений относительно увеличения спроса на внутреннем рынке, а экологические – в стратегии заполнения ниш соответствующей продукции на глобальном рынке и преодоления зависимости от импорта энергоносителей [73, с. 142].

Данная логика предопределила структуру политики властей КНР в сфере устойчивого развития. Последняя на текущий момент реализуется в рамках 9 направлений:

- стимулирования экономического роста;
- дальнейшего развития индустриализации;
- повышения энерго- и ресурсоэффективности в экономике;
- ликвидации нищеты и голода, борьбы с бедностью;
- укрепления общественной безопасности и улучшения социального обеспечения;
- дальнейшего сокращения диспропорции в уровне доходов граждан;
- совершенствования системы охраны окружающей среды;
- создания адекватных мер реагирования на проблему изменения климата [73];
- оптимизация национальной политики и расширения международного сотрудничества.

В данном случае принципиально важным представляется обратить внимание на отличия между набором принципов устойчивого развития КНР и списком из 17 соответствующих принципов ООН.

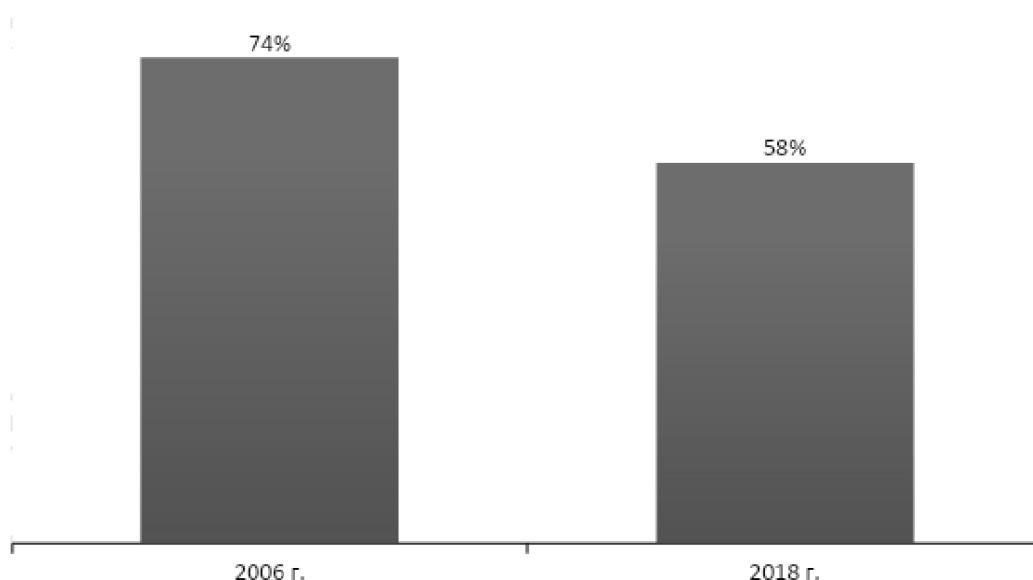
Во-первых, в перечне приоритетов китайских властей отсутствуют развитие гендерного равенства, а также обеспечения доступа к правосудию для всех граждан и создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений государственной власти. Соответственно, руководство КНР не увязывает устойчивое развитие с продвижением западных стандартов демократии [69, с. 224].

Во-вторых, в списке приоритетов властей КНР экологический подтекст имеют лишь три направления работы, в то время как в перечне ООН их число достигает семи. Последнее обусловлено куда меньшим уровнем детализации экологической проблематики в повестке властей КНР [74, с. 142].

В-третьих, в отличие от списка задач ООН, китайский перечень приоритетов устойчивого развития включает в себя дальнейшее развитие

индустриализации. По нашему мнению, данное отличие обусловлено тем, что в случае Китая отказ от дальнейшего развития промышленности блокирует возможность значимым образом наращивать число высокопроизводительных и высокооплачиваемых рабочих мест. Выбор в пользу деиндустриализации для КНР равнозначен деградации структуры экономики, падению платежеспособного спроса на внутреннем рынке и увеличению зависимости устойчивости экономики от положения на внешних рынках и доступа к ним [75, с. 29].

Помимо того, сохранению курса на интенсификацию индустриального развития способствует политика властей КНР в области регулирования энергопотребления. Китайское руководство сумело достичь ощутимых успехов в рамках политики перехода от использования высокоуглеродоемкого угля к применению нефти, природного газа и различных возобновляемых источников энергии. По данным на 2006 г., на долю угля еще приходилось около 74% от общего объема первичного энергопотребления в Китае, к 2018 г. этот показатель сократился до 58%, что демонстрирует рисунок 9.

Источник: составлено автором.

Рисунок 9 - Динамика доли угля от общего объема первичного энергопотребления в КНР в 2006-2018 годах

Исследователи констатируют: «к 2022 г. КНР стала лидером на глобальной арене по такому показателю, как применение неуглеродных возобновляемых источников энергии (ветряной, геотермальной и солнечной) [76, с. 468; 77, с. 65; 78, с. 149]. Потребление их энергоресурсов китайской экономикой к 2019 г. приблизительно на 40% превысило аналогичный показатель для США и примерно на 300% - для Германии. Темпы ежегодного прироста использования возобновляемых источников энергии в КНР за период минувшей пятилетки достигли 25%. При сохранении данного показателя на прежнем уровне доля возобновляемых источников в общей Минимизации экологического ущерба в процессе индустриализации способствует также высокая патентная активность представителей КНР в области «зеленых технологий» (управление отходами, восстановление земель, ветро- и гелиоэнергетики, биотоплива). За последние два десятилетия властями КНР были созданы свыше, 1,6 тыс. бизнес-инкубаторов и научных парков, большая часть которых интегрирована в проекты по разработке экологичных технологий. Это обеспечило Китаю одну из лидирующих позиций на глобальной арене в рамках патентной активности по основным «зеленым» областям науки (к числу которых относятся ветровая энергетика, производство биотоплива, экологически чистое использование угля и пр.) [79, с. 2031-2032]. Помимо того, власти КНР начали реализацию крупномасштабных проектов по рекультивации водных ресурсов и совершенствование гидроохранной инфраструктуры (только в 2019 г. на эти цели было выделено свыше 104 млрд долларов США) [80, с. 36; 81, с. 186].

Вместе с тем, политический акцент на устойчивость экономического роста имел и негативные последствия: в 2007 году Китай впервые опередил США и стал мировым лидером по выбросу парниковых газов в атмосферу. Также китайское руководство, присоединившись к Парижскому соглашению по климату 2015 года, сегодня уделяет большое внимание развитию «зеленого» транспорта, в первую очередь – за счет перехода к электрической

тяге. В частности, благодаря этому на 2022 г. КНР располагала наиболее протяженной сетью высокоскоростных электрифицированных железных дорог в мире. Одновременно на Китай пришлось более 50% продаж электромобилей в мире. КНР также остается глобальным лидером с точки зрения численности парка электроавтобусов. мира в настоящее время сосредоточены в Китае [82, с. 25]. Сегодня официальный Пекин особо подчеркивает свою приверженность выполнению обязательств, взятых на себя в рамках «национального вклада» по борьбе с изменением климата. Выступая на XXVIII конференции Рамочной конвенции по изменению климата, проходившей в 2023 году, заместитель премьера Государственного Совета КНР Дин Сюэсянь отметил: «Китай выполнил свои обязательства, внес очень важный вклад в мировую климатическую политику». В связи с такой – пока частичной – переориентацией Китая в сторону борьбы с климатической угрозой, вполне закономерным выглядит то, что Китай ранее был одним из государств, фактически осудивших выход США из Парижского соглашения и назвавших это решение Д. Трампа «глобальным шагом назад».

Особенности внедрения принципов устойчивого развития в КНР также обуславливает специфика политической и управленческой культуры Китая. Во-первых, следует отметить широкое распространение стратегического планирования и управления. Во-вторых, соответствующие практики носят формально индикативный характер, но неофициально реализация поставленных задач жестко контролируется и в случае их невыполнения влечет за собой жесткие санкции. С 2016 г. власти КНР ведут работу по выполнению «Национального плана по осуществлению Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». В рамках соответствующей программы официально утвержденные цели и задачи ООН были напрямую сопряжены с внутренними планами развития, включая 13-й и 14-й пятилетние планы экономического и социального развития Китая

(охватывающие периоды 2016-2020 годы и 2021-2025 годы соответственно). В данном случае следует подчеркнуть, что для реализации задач Повестки-2030 в конкретных сферах деятельности властями КНР также был переработан ряд отдельных плановых документов. Так, соответствующие изменения были внесены в план снижения уровня бедности в сельских районах КНР на 2011-2020 годов и 12-й пятилетний план развития здравоохранения (период реализации – 2011-2015 годы) [68, с. 496].

Руководство КНР также официально возложило ответственность за выполнение установок Повестка дня ООН в области устойчивого развития на период до 2030 года на правительства локального, провинциального и центрального уровней. Как следствие, внедрение принципов устойчивого развития осуществляется в соответствии с четко прописанными «дорожными картами».

В целях реализации задач Повестки-2030 в КНР также был сформирован особый механизм межучрежденческой координации, объединяющий 43 различных ведомства. Также идет работа над созданием его аналогов на уровне местного самоуправления [83; 84; 85].

Наконец, важной особенностью китайского подхода к обеспечению устойчивого развития является иерархия экономических показателей. Если в прочих крупных экономиках приоритет отдается индикаторам, отображающим динамику объема и стоимости производимых товаров и услуг, то в случае КНР эти показатели рассматриваются как равнозначные критерию уровня бедности. Борьба с последней, таким образом, является задачей, аналогичной по значимости наращиванию ВВП. Точнее они рассматриваются как взаимосвязанные переменные. Власти КНР хорошо осознают как критическую зависимость действующей модели экономики от экспортно-импортных показателей, так и риски, порождаемые доминированием государств Запада в структуре внешнеторговых операций Китая. При этом иные внешние рынки не обладают достаточной емкостью

с точки зрения платежеспособного спроса, чтобы позволить официальному Пекину полноценно диверсифицировать внешнюю торговлю. Выходом из ситуации стала программа построения в Китае «общества средней зажиточности» (первоначально ее планировалось завершить к 2021 г., однако сроки пришлось скорректировать под воздействием последствий пандемии коронавируса), которая, в свою очередь, встроена в план подъема уровня жизни в КНР к 2049 г. до уровня среднеразвитых стран [86, с. 85].

В рамках реализации данных планов были достигнуты значимые успехи. Так, за период с 2015 года по 2018 год долю бедных граждан среди жителей сельской местности (где сконцентрирована основная масса малоимущих хозяйств) уменьшилась с 56 млн до 17 млн (что приблизительно равно 1,7% от общей численности аграрного населения). Общий уровень бедности в Китае к 2018 г. составил 8%. В 2019 г. среднегодовой уровень ВВП на душу населения в КНР вырос до 10 тыс. долларов США, что сопоставимо для большинства развитых стран [68, с. 499].

Однако в то же время в китайском обществе продолжает наблюдаться высокая поляризация доходов: реально располагаемый подушевой доход за год в Китае не достигает и 5 тыс. долларов США. Помимо того, приемлемое качество жизни значительной части населения обеспечивается за счет наличия доступа к государственным программам помощи и деятельности аффилированных с властями организациями (примером чего может служить Китайский фонд борьбы с бедностью) [80, с. 41].

Так, в 2015 г. на платформе Национальной комиссии по здравоохранению КНР была запущена программа медицинского обслуживания для борьбы с бедностью, в рамках которой власти начали субсидировать оплату не покрываемых базовым медицинским страхованием затрат для пациентов из малоимущих семей. Общий размер компенсации расходов по госпитализации для бедных домохозяйств превысил уровень 80%. Также в период с 2011 года по 2021 год действием программы базового

медицинского страхования было охвачено почти 100% бедных граждан Китая. Общее количество обладателей соответствующих полисов составило 1,36 млрд человек. За период с 2011 года по 2021 год масштабы охвата населения системой базового пенсионного страхования выросли 790 млн до 1,03 млрд человек. Помимо того, государство систематически вкладывало средства в развитие малого бизнеса на депрессивных территориях, что породило эффект мультипликатора инвестиций [73, с. 145].

В целом можно заключить, что основными особенностями внедрения принципов устойчивого развития в КНР являются низкая приоритетность демократизации (в соответствии с западными стандартами) общественной жизни, широкие масштабы использования стратегического планирования и управления и ориентация на дальнейшую индустриализацию экономики в контексте внедрения «зеленых» технологий. В то же время следует отметить, что динамика устойчивого развития Китая тесным образом зависит как от конъюнктуры политических контактов с Западом, так и темпов борьбы с бедностью и устранения диспропорций в уровне доходов между разными слоями общества. При этом успехи в деле формирования емкого внутреннего рынка как фундамента устойчивого развития напрямую детерминируются широкомасштабным вмешательством государства в экономику и финансированием властями разнообразных проектов. В случае перехода к иной модели социально-экономической политики уровень бедности в Китае неизбежно начнет существенно увеличиваться, а показатели устойчивого развития – падать.

Сопоставляя реализацию политики устойчивого развития в ЕС, США и КНР, представляется возможным выделить несколько существенных моментов.

Во-первых, политика устойчивого развития в США и ЕС носит во многом полицентричный характер, основными ее агентами выступают не только органы государственного управления, но и корпоративный сектор.

В КНР складывается иная (близкая к моноцентричной) конфигурация политики устойчивого развития. Центральным субъектом ее стратегического планирования и реализации выступает государство, которое определяет не только стратегические приоритеты данной политики, но и параметры взаимодействия с бизнесом в рамках реализации проектов развития.

Во-вторых, серьезным отличием стратегии развития, реализуемой в современном Китае, в отличие от США и, в особенности, ЕС, является акцент на преемственность и активное внедрение инноваций без отказа от развития традиционных секторов экономики. Наиболее явно такое различие в подходах, используемых политическим руководством КНР и «объединенной Европы», видно на примере политики в отношении энергетического сектора (в частности, атомной энергетики). Представляется, что стратегия поэтапного перехода к устойчивому развитию экономики (не исключая, а наоборот, поддерживающая «опережающий» рост ее инновационных сегментов), реализуемая в КНР, представляется более выверенной и прагматичной в свете серьезных геоэкономических и ресурсных рисков современной конфигурации «глобального мира».

В-третьих, приоритетной задачей в рамках политики устойчивого развития КНР, в отличие от США и ЕС, по-прежнему остается обеспечение устойчивого долгосрочного роста благосостояния и уровня жизни населения. Очевидно, если западные модели развития сегодня сфокусированы в большей мере на обеспечении нематериальных факторов качества жизни (социальный комфорт, экологическое благополучие, инклюзивная среда), то для китайского общества остаются актуальными вопросы материального благополучия, борьбы с низким уровнем доходов отдельных слоев населения, преодоления внутренних разрывов и дисбалансов (между городами и сельской местностью, между восточными и центральными регионами КНР).

В-четвертых, справедливо полагать, что китайское политическое руководство (в отличие от лидеров США и ЕС) не рассматривает демократизацию политической жизни, широкое и спонтанное общественное участие ни в качестве приоритета, ни даже в качестве необходимой опции реализации государственной политики устойчивого развития. Более того, сегодня в КНР делается отчетливый акцент унификации политического поля, плотный контроль государства над информационными потоками, социальными процессами и значимыми общественными инициативами (как в политической сфере, так и в области социально-экономического развития).

Можно сделать вывод, что особенностями реализации политики в сфере устойчивого развития в Китайской народной республике выступают центральная роль государства, акцент на стратегическое государственное планирование, ориентация на дальнейшее развитие индустриального сектора национальной экономики с помощью использования инновационных «зеленых» технологий. При этом социально-политический компонент устойчивого развития, связанный с обеспечением прав граждан, социальной сферой и качеством жизни, является вторичным по отношению к задачам макроэкономического и технологического характера. Оценивая опыт КНР в области реализации политики устойчивого развития, следует признать, что она, безусловно, является не ценностно-смысловой доминантой (способной сколько-нибудь существенно трансформировать политическое управление), а инструментальным направлением государственной политики КНР как широкого комплекса задач социально-экономического развития. Немаловажно, что эти задачи носят разноплановый характер и предполагают как обеспечение роста ключевых макроэкономических показателей, так и рост качества жизни населения, сокращение деструктивного антропогенного влияния на окружающую среду.

Выводы по главе 2

В заключение второй главы диссертации необходимо сделать ряд выводов:

1) Устойчивое развитие и «зеленая повестка» занимают одно из центральных мест в современном «политическом дискурсе» Европейского Союза. Одним из приоритетных направлений деятельности политических структур «объединенной Европы» является активное внедрение ценностей, базовых принципов и механизмов обеспечения устойчивого развития в различные сферы общественной жизни, включая политическую. Обращает на себя внимание последовательное стремление европейских политических институтов к выработке унифицированных подходов, стандартов и моделей реализации практик устойчивого развития на различных его уровнях: общеевропейском, национальном, субнациональном.

2) Ключевыми проблемами, препятствующими полномасштабной реализации концепции устойчивого развития на общеевропейском уровне, являются неравномерность социально-экономической динамики государств-членов ЕС, сложность согласования их национальных интересов, избыточное фокусирование на узко понимаемой экологической проблематике в ущерб политической составляющей обеспечения социальной устойчивости и качества жизни граждан. Так, среди факторов, слабо учитываемых ранее при формировании стратегий устойчивого развития ЕС, особо выделяются миграционная и демографическая проблемы.

Не менее существенное препятствие аккумулирует в себе инерционный характер деятельности общеевропейских политических институтов и административных органов. Такая негативная тенденция особенно ярко высветилась на начальном этапе пандемии COVID 19, когда политическое руководство Европейского Союза не смогло оперативно и эффективно

реагировать на сложившуюся ситуацию, выработать единую стратегию антикризисного политического управления.

3) Соединенные Штаты Америки на сегодняшний день все еще могут рассматриваться в качестве одного из политических лидеров в сфере реализации принципов и практик устойчивого развития. Тем не менее, важно подчеркнуть, что процесс перехода к данным принципам, продвижение «зеленой повестки» в политическом пространстве США сопровождается целым рядом рисков и ограничений, связанных с непоследовательностью политического курса сменяющих друг друга республиканских и демократических администраций, пониманием устойчивого развития в узком, сугубо экологическом его измерении, нарастающим дисбалансом между декларативной активностью в сфере «зеленой экономики», социально ориентированной внутриполитической повесткой дня и конфликтным внешнеполитическим курсом страны на международной арене.

4) Особенности реализации политики устойчивого развития в КНР являются низкая приоритетность демократизации общественной жизни, широкие масштабы использования стратегического планирования и управления и ориентация на дальнейшую индустриализацию экономики в контексте внедрения «зеленых» технологий. В то же время следует отметить, что динамика устойчивого развития Китая тесным образом зависит как от конъюнктуры политических контактов с Западом, так и темпов борьбы с бедностью и устранения диспропорций в уровне доходов между разными слоями общества. При этом успехи в деле формирования емкого внутреннего рынка как фундамента устойчивого развития напрямую детерминируются широкомасштабным вмешательством государства в экономику и финансированием властями разнообразных проектов.

5) Политика устойчивого развития в КНР на современном этапе ее реализации является не ценностно-смысловой доминантой (способной сколько-нибудь существенно трансформировать политическое управление),

а инструментальным направлением государственной политики КНР как широкого комплекса задач социально-экономического развития. Немаловажно, что эти задачи носят разноплановый характер и предполагают как обеспечение роста ключевых макроэкономических показателей, так и рост качества жизни населения, сокращение деструктивного антропогенного влияния на окружающую среду.

Глава 3

Принципы устойчивого развития в политическом пространстве современной России

3.1 Нормативно-институциональные основания внедрения принципов устойчивого развития в систему государственного управления Российской Федерации

Важным направлением проводимого исследования является нормативных оснований и институциональных механизмов, открывающих возможности для внедрения принципов устойчивого развития в систему государственного управления Российской Федерации. Рассматривая нормативную составляющую реализации принципов устойчивого развития на государственном уровне, следует, прежде всего, обратиться к тем фундаментальным положениям, которые содержит Конституция Российской Федерации. Не оперируя термином «устойчивое развитие», она, тем не менее, отражает его фундаментальные принципы и создает базовые правовые основания [87].

Необходимо отметить, что детальная проработка нормативной базы устойчивого развития в Российской Федерации началась в середине – второй половине 2000-х годов. Это стало возможным, так как были преодолены наиболее деструктивные социально-экономические и политические последствия системного кризиса 1990-х годов, обеспечен устойчивый рост уровня жизни российских граждан, восстановлена функциональность всех уровней системы государственного управления. Немаловажно, что в этот же период происходила активная консолидация подавляющей части российского общества вокруг политического курса, проводимого Президентом Российской Федерации В.В. Путиным. Важнейшей составляющей данного курса являлся акцент на укрепление геополитического, экономического и технологического суверенитета Российской Федерации, что предполагало

модернизацию хозяйственного комплекса страны, особое внимание экологическим вопросам, более активное внедрение инновационных технологий и новых методов управления в различные отрасли экономики и социальную сферу [171].

В частности, Стратегия 2020 предполагала (в ходе обсуждения возможных вариантов ее корректировки в начале 2010-х годов) такую задачу, как выход России и ее экономики «на траекторию устойчивого и сбалансированного роста в целях модернизации и догоняющего развития, перехода к инновационной стадии экономического развития и создания соответствующей ей инфраструктуры постиндустриального общества» [88].

Следующим шагом, свидетельствующим о приверженности российского политического руководства базовым принципам устойчивого развития, стало принятие Российской Федерацией Парижского соглашения по климату, которая состоялась в 2019 году (при том, что Россия подписала данное соглашение еще в 2016 году) [136]. Следует отметить, что изначально и официальные лица, и российские эксперты высказывали достаточно сдержанное отношение к данному документу, говоря о том, что ряд его положений направлен на обеспечение конкурентных преимуществ ведущих западных стран и не вполне отвечает национальным интересам развития российской экономики. Более того, ряд ученых расценивали данное соглашение как угрозу национальной безопасности Российской Федерации.

Тем не менее, результатом решения о присоединении к Парижскому соглашению явился определяемый на национальном уровне вклад (далее - ОНУВ) в реализацию Парижского соглашения, представленный в ноябре 2020 года. Согласно данному документу объем выбросов парниковых газов Россией к 2030 году не должен превышать 70% от объема выбросов 1990 года. При этом, однако, подчеркивалась, что «данный показатель определен исходя из необходимости обеспечения экономического развития Российской Федерации на устойчивой основе» [137]. Учитывая, что еще в 2013 году Указом Президента Российской Федерации

от 30 сентября 2013 г. № 752 «О сокращении выбросов парниковых газов» был установлен аналогичный целевой показатель, равный 75%, можно констатировать, что Российская Федерация избрала умеренный «ступенчатый» подход к реализации климатической политики. Это, в свою очередь, предполагает, что достижение целей в рамках климатической повестки не должно носить искусственно форсированного характера и, тем более, осуществляться в ущерб интересам сбалансированного экономического развития России.

Ключевые идеи и принципы, ориентированные на устойчивое социально-экономическое развитие российского общества, были детализированы в Указе Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [89]. Данный Указ явился развитием Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [90]. Можно заметить, что ряд целей, в нем обозначенных, напрямую соответствуют и базовым идейно-политическим принципам устойчивого развития, и , закрепленным на международном уровне. К числу таких национальных целей, обозначенных в Указе, необходимо в первую очередь отнести «сохранение населения, здоровье и благополучие людей», «комфортную и безопасную среду для жизни» [90].

Следует отметить, что в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» было выделено двенадцать приоритетных направлений развития России, по которым предполагалось разработать национальные проекты (программы) [90]. Среди них было представлено и направление «Экология» [90]. Цель национального проекта «Экология» (2019-2024 годы) – «кардинально улучшить экологическую обстановку и положительно

повлиять на оздоровление россиян» [91]. В структуре национального проекта «Экология» выделены десять федеральных проектов, каждый из которых ориентирован на рост качества жизни российских граждан и одновременно - на защиту среды обитания в интересах будущих поколений («Чистая страна», «Сохранение лесов», «Сохранение биологического разнообразия и развитие экологического туризма», «Чистый воздух» «Сохранение уникальных водных объектов», «Оздоровление Волги») [91].

Важный вклад в процессы концептуализации нормативного фундамента устойчивого развития России внесла Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента России от 2 июля 2021 г. № 400 [92]. При этом заметим, что в данном документе используется термин «стратегические национальные приоритеты Российской Федерации», который трактуется как «важнейшие направления обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации» [92].

К числу национальных интересов России согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации отнесено «устойчивое развитие российской экономики на новой технологической основе» (№ 5 в перечне национальных интересов). Заметим, что в указанной Стратегии речь идет не просто о преемственности социально-экономического курса, а именно о необходимости технологической и, как следствие, структурной трансформации социально-экономической архитектуры сегодняшней России на основе импортозамещения и более активного развития инновационных сегментов экономики («технологические изменения повышают значение инноваций в достижении высоких темпов социально-экономического развития» [92]).

В то же время, проведенный анализ Стратегии национальной безопасности Российской Федерации позволяет говорить о том, что в отдельных ее положениях прослеживается двойственное восприятие экономических трансформаций современности. Так, например, «зеленый

переход» трактуется в ней (статья 80) не только как общепланетарная тенденция, но и как очевидный рискогенный фактор: «развитие «зеленой» и низкоуглеродной экономики становится главным вопросом в международной повестке дня. Возрастающая конкуренция за доступ к природным ресурсам - один из факторов усиления международной напряженности и возникновения конфликтов между государствами» [92].

Такой дуализм отношения к глобальному «зеленому переходу», прослеживающийся в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, является обоснованным. Он связан, в первую очередь, с тем, что формирование «зеленой экономики» должно рассматриваться как конкурентное преимущество современных государств на международной арене. В то же время указанные трансформации должны происходить не в режиме догоняющей вестернизации, не в ракурсе дальнейшей западно-центричной унификации «глобального мира», а с опорой на национальные модели социально-экономического развития, в соответствии со спецификой тех социокультурных и хозяйственных укладов, которые исторически вызревали в различных обществах.

Во многом сопряженные задачи, связанные с пониманием неизбежности и специфики «зеленого перехода» как глобального тренда экономико-технологического развития, отражены в Энергетической стратегии Российской Федерации, принятой в 2020 году [93]. В ней сказано о необходимости осуществления структурной диверсификации российского энергетического сектора на основе параллельного (наряду с сохранением позиций России в нефтегазовом секторе) развития неуглеродной энергетики, цифровизации и внедрения интеллектуальных технологий в управление топливно-энергетическим комплексом [93].

Важно отметить, что на сегодняшний день именно государственные институты являются основным звеном-драйвером в области реализации целей устойчивого развития в Российской Федерации [170]. Лидирующую роль государства в данной сфере признают, в том числе, и представители

российского бизнес-сообщества. Так, по данным опроса «Устойчивое развитие. Роль России» (2018 г.) «ключевую роль в достижении целей устойчивого развития (далее – ЦУР) в России компании-респонденты отводят, в первую очередь, федеральным органам власти. Так, федеральные органы власти на первое место поставили более половины опрошенных – 65%, на второе – 7%» [94]. Можно полагать, что сегодня, в условиях поэтапного преодоления негативных последствий пандемии COVID-19 и возросшего санкционного давления на Россию, системообразующая роль и функциональная значимость государства в движении к ЦУР не только сохраняется, но и будет усиливаться, по крайней мере, в среднесрочной (до 3 лет) перспективе [171].

В контексте анализа нормативно-правовых оснований внедрения принципов устойчивого развития в практики государственного управления особое место занимает Указ Президента Российской Федерации от 28 ноября 2024 г. № 1014 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации» [140]. В данном Указе представлен 21 показатель, на основании которых будет осуществляться оценка эффективности деятельности глав российских регионов. Большинство из установленных показателей носят социально-экономический (тем роста реального среднедушевого денежного дохода населения, темп роста физического объема инвестиций в основной капитал) и демографический характер (численность населения субъекта Российской Федерации, суммарный коэффициент рождаемости, ожидаемая продолжительность жизни при рождении). Отдельного упоминания также заслуживает показатель 21 «цифровая зрелость» государственного и муниципального управления, ключевых отраслей экономики и социальной сферы», что еще раз демонстрирует важное место цифровых технологий и инноваций в IT-сфере как неотъемлемых элементов сбалансированного развития современных социальных систем. При этом, хотя данный Указ

и не содержит упоминаний об устойчивом развитии, среди показателей эффективности региональных руководителей (и региональной власти в целом) присутствуют те, которые напрямую отражают качество жизни населения. В первую очередь, здесь следует упомянуть показатели 14 «качество среды для жизни в опорных населенных пунктах» и 17 «качество окружающей среды» [140].

В целом содержание рассматриваемого Указа свидетельствует, что высшее политическое руководство России рассматривает проблему эффективности государственного управления, его способности обеспечить устойчивость и долгосрочное позитивное развитие страны сквозь призму комплексной экономико-технологической и, что крайне важно, социальной модернизации. В отличие от западных подходов российская «политика развития» не замыкается на узкой экологической (а по существу, климатической) сфере, а отдает приоритет решению широкого комплекса взаимно интегрированных стратегических задач: демографической политике (как политике рождаемости, так и политике сокращения ранней смертности), вопросам, связанным с модернизацией социальной инфраструктуры и общественным благополучием.

Особый акцент сделан на персональную и коллективную ответственность руководства российских регионов за создание условий для личностного и семейного развития граждан, поэтапное повышение уровня социального комфорта, качество экологической и общественной среды. Таким образом, представляется, что Указ Президента Российской Федерации от 28 ноября 2024 г. № 1014 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации» должен рассматриваться как важный шаг в рамках выработки собственной, национальной траектории устойчивого развития, ориентированной на качество жизни россиян, создание новых

институциональных и инфраструктурных возможностей для их самореализации.

Рассматривая институциональные основания внедрения принципов устойчивого развития в практики государственного управления, следует отметить центральное место Правительства Российской Федерации в указанном процессе, на что прямо указывает Федеральный конституционный закон от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» [95].

На наш взгляд, в рамках масштабного понимания идеи устойчивого развития особого внимания в данном случае заслуживают два принципиально важных положения, присутствующие в данном законе. Во-первых, речь идет о реализации социально ориентированной политики, что предполагает особый акцент на уровень и качество жизни граждан России. Во-вторых, среди приоритетных направлений деятельности Правительства Российской Федерации фигурирует политика в области охраны окружающей среды, также являющаяся одним из императивов устойчивого развития как принципа, лежащего в основании государственной политики [95]. Таким образом, можно констатировать, что в содержании базового нормативного акта, коим является Федеральный конституционный закон «О правительстве Российской Федерации», заложены нормы, позволяющие правительству выполнять интегративную координационно-управленческую функцию в области обеспечения устойчивого развития Российской Федерации. Причем, речь идет как о социально-экономической сфере, так и об иных, во многом смежных, направлениях государственной деятельности (информационная политики, миграционная политика и управление этнополитической динамикой и т.д.) [95].

Важно отметить, что институциональный дизайн российской государственной политики в области устойчивого развития соответствует современным тенденциям, предполагающим широкое понимание термина

«устойчивое развитие» и связывающее его с комплексной оценкой качества жизни [170; 173]. По этой причине центральным институциональным звеном, отвечающим за достижение ЦУР в Российской Федерации, является Министерство экономического развития Российской Федерации. По существу, именно оно выполняет координирующие функции по отношению к целому ряду других ведомств и административных структур в рамках реализации государственной стратегии устойчивого развития.

Такой формат институциональной организации, в котором ключевая роль отведена Минэкономразвития (а не, например, Министерству природных ресурсов и экологии Российской Федерации) еще раз подчеркивает понимание устойчивого развития преимущественно как социально-экономического явления. Следует обратить внимание на то, что во многом аналогичные институциональные форматы сегодня используются в ряде зарубежных государств. В частности, именно такой подход прослеживается на постсоветском пространстве. Например, в Грузии функционирует интегрированное Министерство экономики и устойчивого развития.

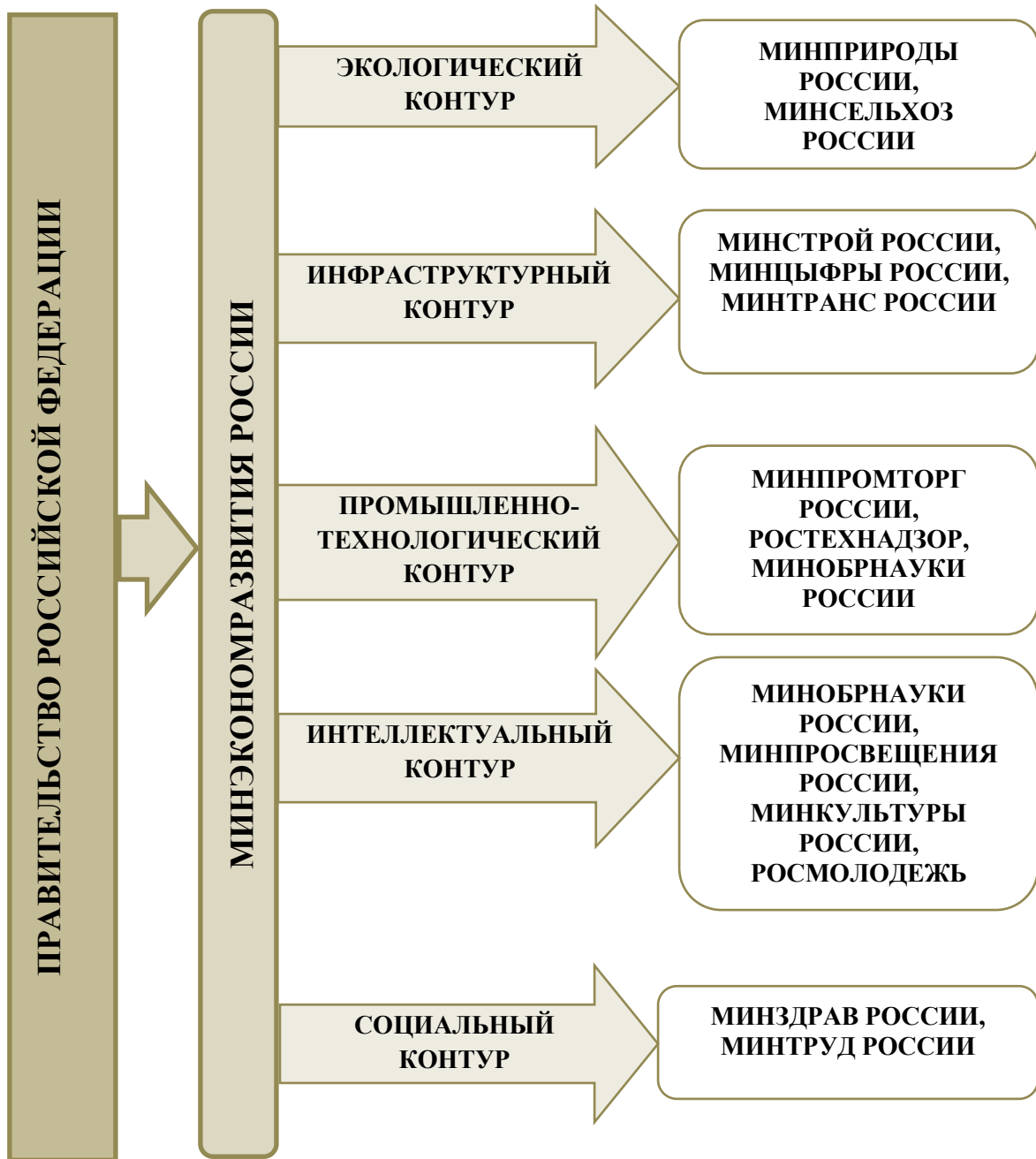
Вместе с тем указанная государственно-управленческая схема, подразумевающая фокусирование на социально-экономических индикаторах устойчивого развития, при всех своих преимуществах не является безальтернативной. Например, во Франции ключевую роль в реализации концепции устойчивого развития играет не Министерство экономики и финансов, а Министерство экологического перехода, образованное в 2020 г. и являющееся административным преемником Министерства окружающей среды, устойчивого развития и энергетики. Несколько иная структура управления устойчивым развитием введена в 2021 г. в Германии, где полномочия в данной сфере распределены между Министерством экономики и защиты климата и Министерством экономического сотрудничества и развития (отвечающим за внешнеэкономическую политику и международное экономическое сотрудничество).

Следует отметить, что на сегодняшний день в отечественной науке при анализе организационной структуры управления устойчивым развитием Российской Федерации преобладает критический взгляд. Так, Н.Н. Якимчук и ее коллеги справедливо отмечают: «в Российской Федерации нет единого координирующего органа, занимающегося вопросами устойчивого развития на федеральном, региональном и муниципальном уровнях» [96, с. 63]. Исходя из такого положения дел, они делают вывод, что «региональный и муниципальный уровни не включены в систему достижения ЦУР» [96, с. 65].

Указанная точка зрения справедлива лишь в части констатации отсутствия специализированного межведомственного органа, деятельность которого сосредоточена исключительно в сфере координации программ устойчивого развития (структуры, аналогичной, например, Национальной комиссии и по устойчивому развитию в Финляндии). В то же время представляется, что и нынешний объем нормативно закрепленных полномочий, и существующие функциональные механизмы позволяют Министерству экономического развития Российской Федерации осуществлять, в том числе, и широкий набор координационных функций в сфере достижения ЦУР. В современных условиях представляется возможным выделить пять наиболее важных межведомственных координационных контуров, в рамках которых Минэкономразвития имеет возможность активно взаимодействовать с иными ключевыми министерствами и ведомствами в рамках последовательной реализации ЦУР и связанно с ними комплекса социально-экономических задач. Указанные межведомственные контуры представлены на рисунке 10.

Конкретизируя указанную схему, необходимо отметить четыре наиболее важных, на наш взгляд, момента. Во-первых, пять выделенных выше контуров – не есть исключительно проектируемая «идеальная модель» государственного управления устойчивым развитием в Российской Федерации. В большей степени она представляет собой

отражение уже существующих механизмов и практик межведомственного взаимодействия, которые сложились в России в конце 2010-х - начале 2020-х годов.

Источник: составлено автором.

Рисунок 10 – Основные межведомственные контуры управления устойчивым развитием на федеральном уровне в Российской Федерации

Во-вторых, фактическое выполнение межведомственных координационных задач Министерством экономического развития Российской Федерации не отменяет стратегической функции Правительства

Российской Федерации как основного органа власти, отвечающего за достижение всего комплекса ЦУР. Помимо этого, в ближайшей перспективе представляется актуальной и такая управленческая задача, как создание специализированного межведомственного координационного центра, сосредоточенного исключительно на реализации Стратегии устойчивого развития Российской Федерации.

В-третьих, пять выделенных контуров межведомственного взаимодействия не автономны по отношению друг к другу, а имеют значительное число «точек пересечения», в том числе и в рамках деятельности отдельных органов государственного управления. Так, например, Министерство науки и высшего образования Российской Федерации оказывается вовлеченным в промышленно-технологический контур УР через реализацию научно-технической политики, и в интеллектуальный контур – посредством стратегического управления развитием системы высшего образования Российской Федерации.

В-четвертых, на рубеже 2010-2020-х годов в российском экспертном сообществе обозначилась новая важная проблема, связанная с выделением и анализом политико-экономических групп, заинтересованных в интенсификации политики устойчивого развития в Российской Федерации. Прежде всего, эксперты рассматривают возможности развития российской «зеленой» энергетики. В связи с этим они отмечают, что «корпоративными лоббистами» более активного внедрения новых технологий в энергетическую сферу выступают тот сектор российской экономики крупного бизнеса, который может быть либо сам по ряду параметров отнесен к инновационному и высокотехнологичному (ГК «Ростех», группа «Роснано», ГК «Росатом», бизнес-группа «Ренова»), либо прочно связан с предоставлением финансовых услуг подобным структурам (ПАО «Сбербанк», ГК «ВЭБ»). Соответственно, выделяются и оппонирующая им группа влияния, нацеленные на противодействие переходу к «зеленой» экономике и поддержание ведущей роли «традиционной» не возобновляемой

энергетики, в том числе, за счет получения государственных средств на модернизацию уже существующих мощностей (ПАО «Роснефть», ГК «Росатом», группа «Интер РАО ЕЭС»). Важно отметить, что обе указанные политико-экономические группы характеризуются низким уровнем внутренней консолидации, гетерогенностью (включают себя как бизнес-структуры, так и государственные компании) и последовательно ориентированы на поддержку государства в отстаивании собственных корпоративных интересов [141].

Таким образом, первый – экологический – контур межведомственного взаимодействия в рамках государственной политики по достижению целей УР должен рассматриваться не только как отражение глобального тренда на «зеленую экономику», а как первооснова и ключевой маркер эффективности государственного управления социально-экономической системой страны в сверхдолгосрочной перспективе. В основании его концептуализации лежит идея ответственности государства за сбережение природных ресурсов и в конечном счете – за здоровье и качество жизни будущих поколений граждан [91; 92; 173]. Стратегической задачей в рамках данного контура видится не только снижение негативного антропогенного воздействия на биологическую среду путем административного регулирования хозяйственной деятельности, но также формирование соответствующей экологической культуры населения и бизнеса.

Выделение инфраструктурного контура межведомственного взаимодействия в ходе реализации Стратегии устойчивого развития в Российской Федерации связано с необходимостью организации четкого и непрерывного взаимодействия министерств и ведомств, отвечающих за состояние инфраструктуры как первоосновы обеспечения экономического роста и модернизации отечественной экономики в условиях внешнего политико-экономического давления. Общеизвестно, что рост качества жизни российских граждан связан как напрямую с модернизацией инфраструктуры (например, развитием различных видов транспорта

и транспортных магистралей), так и опосредованно – через возможности создания приемлемых «стартовых» - ресурсных и логистических - условий для инновационных секторов отечественной экономики, создания и поддержания благоприятного инвестиционного климата в России [172, с. 32-33]. Следуя данной логике, можно выделить промышленно-технологический контур устойчивого развития Российской Федерации, выступающий первоосновой развития инновационной экономики, его высокотехнологических секторов, ориентированных на современные цифровые технологии и интеллектуально емкие отрасли.

В рамках комплексной задачи модернизации российской экономики и государственного управления особое место занимает интеллектуальный контур устойчивого развития, предполагающий повышение качества российского образования на всех его уровнях, более тесное сопряжение научных исследований, образовательных программ с ключевыми направлениями перспективного, основанного на высоких технологиях и инновационных управленческих моделях, экономического развития России [172]. В рамках этого контура отдельную – и крайне важную – нишу занимают вопросы информационной и культурной политики государства, его способность обеспечить гармоничное культурно-психологическое развитие общества (прежде всего, детей и молодежи) в условиях нарастающего деструктивного информационного давления извне, агрессивных «информационных» и «гибридных» кампаний, ведущихся против Российской Федерации. Поэтому полноценное функционирование данного контура устойчивого развития предполагает более тесное межведомственное взаимодействие таких органов государственного управления, как Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Министерство просвещения Российской Федерации, Министерство культуры Российской Федерации, Росмолодежь, Министерство связи и цифрового развития Российской Федерации и ряда других структур.

Социальный контур межведомственного взаимодействия по достижению целей УР предполагает повышение качества жизни граждан России через решение таких базовых задач, как рост продолжительности жизни населения, сокращение бедности, развитие высокотехнологичной медицины, «политика рождаемости». Эффективная реализация последней на современном этапе предполагает не столько «социальную защиту» многодетных семей, сколько широкомасштабную и комплексную по своему содержанию – финансовую, административную и, что важно, информационно-психологическую поддержку семей с детьми со стороны государственных институтов.

Важным шагом в институционализации государственной политики в рамках целей устойчивого развития явилось создания Экспертного совета по устойчивому развитию при Минэкономразвития Российской Федерации [97]. Целью данного совета является «создание условий для профессионального и экспертного обсуждения с российским бизнес-сообществом методов и инструментов достижения целей устойчивого развития ООН, а также адаптации деятельности российских компаний к изменению международной конъюнктуры на фоне глобального перехода на устойчивые модели развития» [97].

Представляется, что сама формулировка цели деятельности Экспертного совета по устойчивому развитию при Минэкономразвития России подчеркивает последовательную ориентацию государства на реализацию всего комплекса целей устойчивого развития не в «вертикальном» административно-директивном формате, а посредством государственно-частного партнерства, тесного сотрудничества с разнообразными бизнес-структурами. В то же время необходимо отметить, что такой характер целеполагания в деятельности Экспертного совета по устойчивому развитию при Минэкономразвития России все же несколько сужает его функциональные возможности [97]. Речь идет и о том, что Минэкономразвития Российской Федерации изначально ориентировалось

на мнение именно представителей бизнес-сообщества, формально «выводя за скобки» представителей научного сообщества и негосударственных некоммерческих (например, экологических) организаций. Помимо этого, обращает на себя внимание и подчеркнута реактивный, «догоняющий» ракурс, в котором Минэкономразвития рассматривает проблему движения к ЦУР. Заметим, речь идет только лишь об «адаптации» российских компаний к глобальным изменениям, а не о формировании ими транснациональных трендов, собственных экологически-ориентированных моделей развития на основе ESG-стандартов.

Одним из наиболее важных направлений реализации комплексного подхода в сфере устойчивого развития является региональный уровень – организация деятельности по достижению ЦУР на уровне субъектов Российской Федерации. Следует отметить, что указанный вопрос, как правило, подробно рассматривается российскими учеными в контексте изучения специфики функционирования региональной экономики и задач региональной социально-экономической модернизации. К наиболее востребованным работам в данной области можно отнести труды В.Н. Лексина [98], Т.Т. Авдеевой [99], Т.А. Селищевой [100], Т.В. Усковой [101] и др. Однако понимание важности регионального аспекта комплексного социально-экономического развития не привело к выработке единообразного понимания региональной экономики как сложноорганизованной и динамической системы [102, с. 56].

Устойчивое развитие российских регионов – сложный нелинейный процесс, вариативность которого обусловлена, главным образом, гетерогенностью не только экономического пространства, но и многообразием социокультурных укладов России. В то же время важно заметить, что Федеральный закон от 21 января 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» открывает и дополнительные возможности вертикального взаимодействия по линии «федеральный центр – субъекты

федерации» в целях интенсификации и упорядочивания (но не тотальной унификации) схем и моделей устойчивого развития на региональном уровне [103].

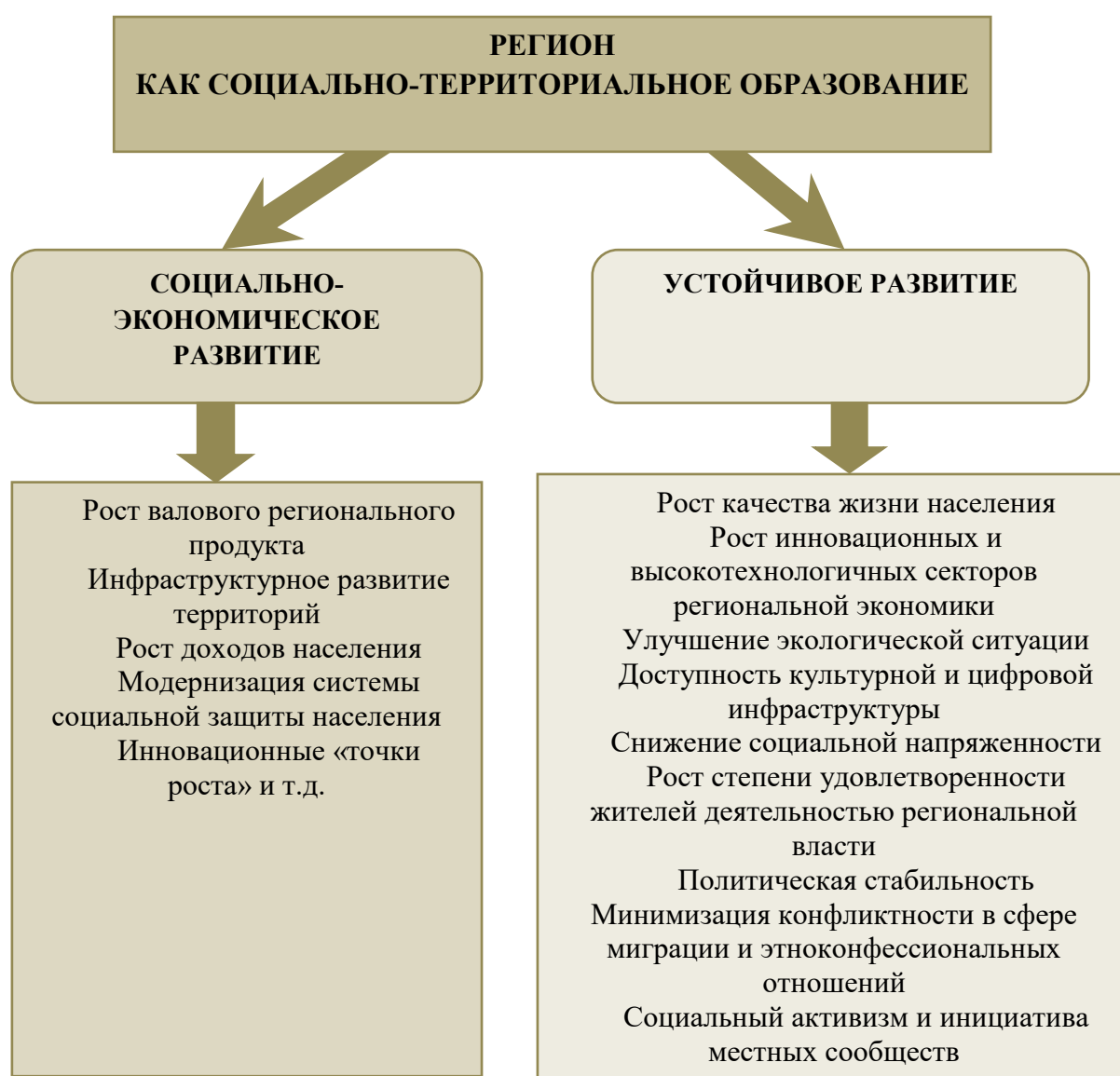
Вместе с тем, весьма характерно, что в российской социогуманитарной традиции, занимающейся изучением регионов, до настоящего времени предметные области «социально-экономического развития» и «устойчивого развития» остаются слабо дифференцированными. Часто параметр «устойчивости» оказывается неявно «вмонтирован» в концептуальный анализ социально экономического развития территорий – как регионов, так и муниципальных образований. С другой стороны, в некоторых случаях «устойчивое развитие» сводится к обеспечению непрерывного экономического роста (прежде всего, роста уровня жизни населения) в субъекте федерации.

По нашему мнению, необходимо более четко дифференцировать два, безусловно, тесно взаимосвязанных понятия «региональное социально-экономическое развитие» и «устойчивое развитие региона». Прежде всего, речь идет о демаркации приоритетов и, соответственно, основных направлений деятельности, интегрированных в указанные понятия. Авторская дифференциация понятий «региональное социально-экономическое развитие» и «устойчивое развитие региона» представлена на рисунке 11.

Таким образом, необходимо отметить, что в рамках понимания термина «устойчивого развития» на региональном уровне акцент сделан именно на всем комплексе факторов, определяющих качество жизни жителей региона (причем, как ныне живущих, так и перспективы будущих поколений), включая социально-политическую ситуацию, характер миграционных процессов, ситуацию с преступностью и т.д.

Характеризуя позитивный опыт российских регионов в сфере политики устойчивого развития, можно привести пример Москвы и Курской области, в которых в 2021-2022 годах были впервые в России разработаны и

утверждены комплексные планы адаптации к изменениям климата (в рамках достижения ЦУР 12). План, разработанный в Курской области, был актуализирован в 2025 году с учетом новых социально-экономических реалий, включая задачу минимизации финансово-экономических рисков развития региона. На сегодняшний день он предполагает 14 направлений деятельности, среди которых развитие инфраструктуры водоснабжения, улучшение методов обработки почвы для сохранения влаги, повышение пожарной безопасности лесов и субсидирование страхования сельскохозяйственных культур [154, с. 100].

Источник: составлено автором по материалам [98-102].

Рисунок 11 – Различие понятий «региональное социально-экономическое развитие» и «устойчивое развитие региона»

Примером позитивной практики осуществления политики устойчивого развития на региональном уровне является борьба с опустыниванием в Республике Калмыкия, которая уже ведется в Лаганском и Черноземельском районах посредством агрофитомелиорации пастбищ. Указанная программа по предотвращению опустынивания разработана и реализуется в рамках ЦУР 15 «Защита и восстановление экосистем суши и содействие их рациональному использованию, рациональное лесопользование, борьба с опустыниванием, прекращение и обращение вспять процесса деградации земель и прекращение процесса утраты биоразнообразия». В 2024 году в двух районах республики были реализованы восемь соответствующих проектов. Соответствие выполненных проектов ранее утвержденным технологическим схемам было подтверждено региональным Министерством сельского хозяйства. Дальнейшая реализация данной программы (2026-2030 годы) предполагает ее распространение на другие районы республики Калмыкия [154, с. 213].

Однако следует отметить, что в современной России устойчивое развитие не может пока рассматриваться в качестве безусловного приоритета политики на региональном уровне, хотя бы по той причине, что значительное число субъектов Российской Федерации являются регионами-реципиентами. Складывающаяся в них экономическая ситуация во многом зависит от возможностей и приоритетов федерального бюджета и, соответственно, от трансфертов, получаемых из федерального центра. Тем не менее, уже сегодня целый ряд субъектов Российской Федерации рассматривают политику устойчивого развития как одно из важных направлений в рамках модернизации всего комплекса региональной политики. В частности, показателен пример Сахалинской области, где создан специализированный орган региональной власти – Министерство экологии и устойчивого развития [104]. Среди задач данного министерства, помимо традиционных для региональной экологической политики (природоохранные мероприятия, нормотворческая деятельность в экологической сфере, экологический

контроль), особо выделены такие направления, как рациональное использование и воспроизводство природных ресурсов с акцентом на интересы будущих поколений, совершенствование системы экологического образования в регионе [104].

На наш взгляд, пункт, связанный с развитием экологического образования, является особенно важным в свете необходимости интенсификации участия гражданского общества, его представителей, экологических активистов в процессе выработки стратегических решений в сфере поэтапного формирования «зеленой экономики» региона, защиты и приумножения регионального экологического потенциала. При этом последний должен рассматриваться не только как основа текущей и будущей хозяйственной деятельности на территории области, но и в качестве естественной среды этой жизнедеятельности, фундаментального фактора, во многом определяющее качество жизни населения региона в долгосрочной перспективе.

Важно отметить, что в последнее десятилетие устойчивое развитие, достижение его целей и последовательная реализация принципов, являются важной составляющей государственной политики Российской Федерации. Однако, оно, безусловно, сохраняет значимую инструментальную направленность, рассматриваясь, главным образом, как инструмент реализации комплексной стратегии социально-экономического развития России, повышения качества жизни российских граждан в различных сферах их общественной жизнедеятельности. Таким образом, устойчивое развитие в современных российских реалиях, все же не претендует на роль центрального смыслового императива всей государственной политики, не является ее терминальной целью.

В данном контексте особо интересным представляются мнения экспертов – участников опроса «Политика устойчивого развития в Российской Федерации: приоритеты и механизмы». В ходе опроса, который

проводился с 14 марта по 7 июня 2023 года было проинтервьюировано 78 экспертов. В общий пул экспертов вошли:

- преподаватели высших учебных заведений (22 человека), областью научных интересов которых являются политико-экономические проблемы устойчивости, экологической политики и развития современных государств;

- представители бизнес-сообщества, профессиональная деятельность которых связана с проблематикой устойчивого развития, природоохранной деятельности, обеспечения техногенной безопасности (42 человека);

- представители системы политико-административного управления: государственные служащие, деятельность которых сопряжена с реализацией политики развития в Российской Федерации (14 человек).

Отбор экспертов из числа преподавателей высших учебных заведений осуществлялся исходя из наличия у них не менее 5 научных публикаций, связанных с проблематикой устойчивого развития (ключевые слова отбора «устойчивое развитие», ESG, «национальные цели развития», «зеленая экономика», «зеленый переход», «климатическая повестка», «Ресурсосберегающие технологии»), за последние десять лет в системе «Российский индекс научного цитирования». Отбор экспертов, представляющих профессиональное сообщество практиков (42 человека) и представителей системы политико-административного управления (14 человек) осуществлялся в два этапа. Первый этап предполагал использование метода «снежного кома» для формирования пула потенциальных экспертов. На втором этапе осуществлялась предквалификация эксперта-практика на основе открытых сведений о характере деятельности организации или структуры государственного управления (и связи данной деятельности с проблематикой устойчивого развития), в которой он осуществляет свою работу. Присутствие трех групп экспертов было призвано свести к минимуму вероятные ограничения, связанные с уровнями компетентности и возможной ангажированностью экспертов-участников исследования. В частности, к подобным вероятным

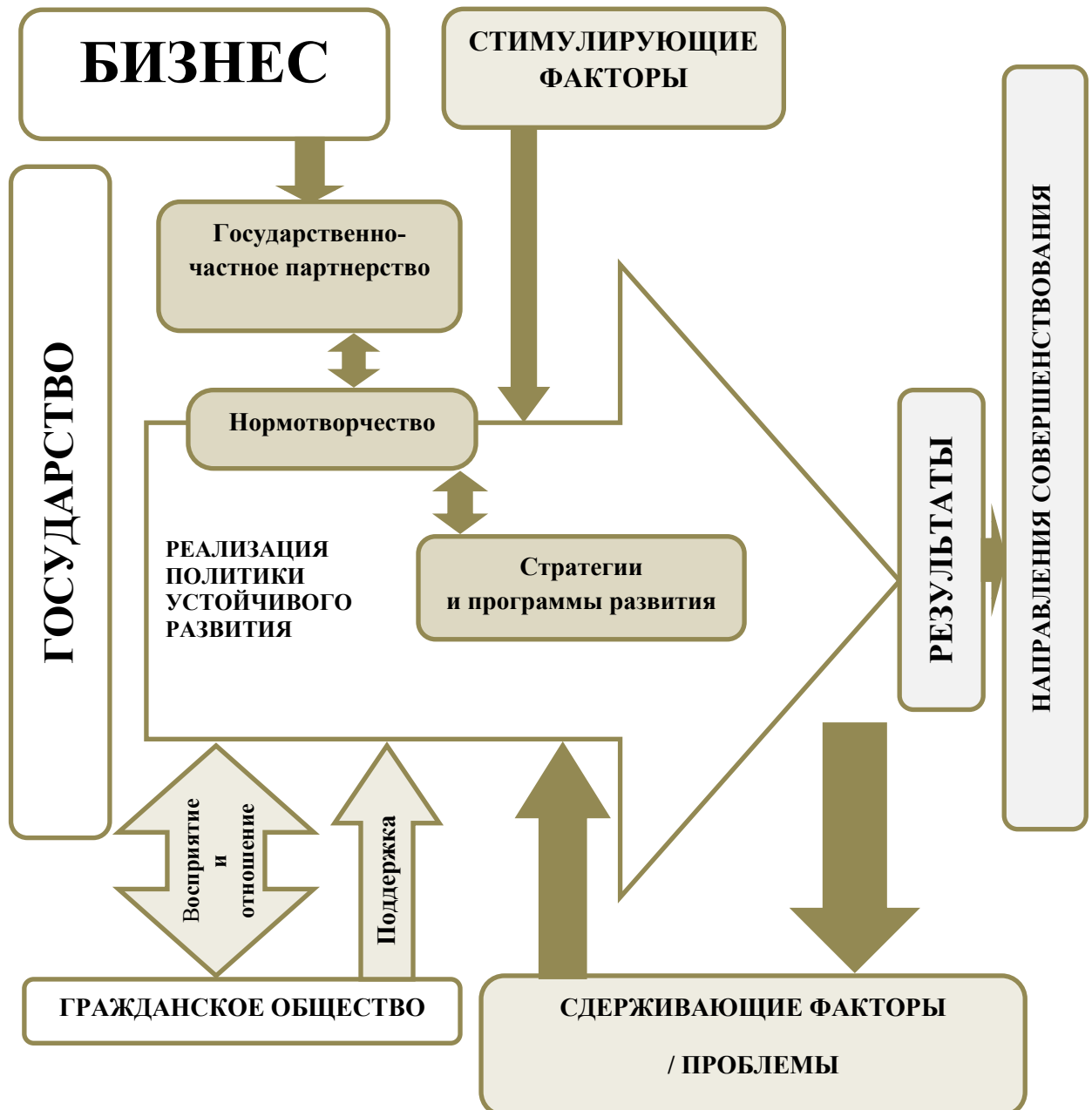
ограничениям (которые учитывались при разработке дизайна исследования) были отнесены преимущественно сегментарный опыт участия представителей бизнес-сообщества и политико-административной системы в реализации практик устойчивого развития. Это создает риск экстраполяции весьма узкой (с точки зрения локального личного опыта и интересов собственной структуры) персональной оценки на государственную политику устойчивого развития в целом. Следующее заметное ограничение проистекало из возможного недоставка или отсутствия у представителей академического сообщества практического опыта участия в проектах устойчивого развития, что могло способствовать обобщенному, а не детализированному взгляду на политику устойчивого развития, реализуемую в современной России. Справедливо полагать, что наличие трех взаимодополняемых групп экспертов и использование дополнительных квалификационных критериев позволило минимизировать упомянутые выше ограничения и обеспечить высокий уровень экспертного анализа.

Цель опроса состояла как в выявлении организационных и контекстуально-политических особенностей государственной политики Российской Федерации в области устойчивого развития на современном этапе ее реализации, так и в диагностике недостатков и проблемных аспектов реализации политики устойчивого развития. Полученные материалы были транскрибированы и систематизированы, что позволило провести структурно-логический анализ расшифрованных текстов интервью, опираясь на исследовательский алгоритм, разработанный автором. Данный алгоритм представлен на рисунке 12.

Указанный алгоритм нуждается в ряде пояснений. Во-первых, были выделены такие ключевые категории анализа, как «устойчивое развитие» и «политика устойчивого развития». Во-вторых, были выделены основные компоненты политик устойчивого развития:

- акторы развития (государство как ведущий актор развития, бизнес и гражданское общество как вспомогательные акторы). При этом государство

четко дифференцируется в ответах экспертов на два субкомпонента: политическую власть и административный аппарат. Гражданское общество, его роль в государственной политике устойчивого развития, также выражается через два субкомпонента. Первый – это общественное восприятие политики развития и отношение к ней. Второй – это общественное участие в реализации политики развития;

Источник: составлено автором.

Рисунок 12 – Структурно-логическая модель анализа текстов глубинных интервью, полученных в ходе опроса «Политика устойчивого развития в Российской Федерации: приоритеты и механизмы»

- механизмы развития. Анализ экспертных интервью позволил выделить три главных механизма, наиболее часто упоминаемых экспертами: нормотворческую деятельность, государственные стратегии и программы развития, государственно-частное партнерство;

- результаты развития. Анализа данного компонента предполагал как выделение отдельных наиболее заметных результатов реализации государственной политики устойчивого развития в России, так и общую ее оценку экспертами.

Стимулирующие и сдерживающие факторы (проблемы) реализации политики устойчивого развития. Необходимо обратить на двойственный, смешанный генезис проблемного компонента в данной схеме. С одной стороны, они могут рассматриваться как сдерживающие факторы внешней среды, препятствующие реализации политики устойчивого развития, а с другой стороны – как результирующая политики развития, выраженная, в том числе, в усугублении существующих внешних негативных факторов.

Направления совершенствования государственной политики устойчивого развития – отражают возможные пути модернизации и коррекции политики устойчивого развития, реализуемое сегодня в Российской Федерации.

Общие результаты структурно-логического анализа, проведенного автором, приведены в приложении Б к диссертации.

Характеризуя полученные результаты, необходимо обратить внимание на следующие основные моменты.

Во-первых, эксперты, не будучи едиными в понимании ключевого термина «устойчивое развитие», в ходе интервью по-разному интерпретируют производный термин «политика устойчивого развития». В отношении понимания устойчивого развития отчетливо прослеживаются две интерпретационные препозиции. Первая, редуцированная препозиция исходит из объяснения устойчивого развития в контексте сохранения стабильности и предсказуемости. Вторая, развернутая препозиция делает

акцент на комплексный всепроникающий характер, модернизационный потенциал стратегий развития и рост качества жизни как основной результат устойчивого развития. В силу этого «политика устойчивого развития» понимается экспертами также двойственно – либо как политический курс государства, выражением которого служит набор соответствующих политико-управленческих практик, либо как кристаллизация институтов развития и разработка долгосрочных комплексных стратегий государственной политики.

Во-вторых, экспертное сообщество в целом позитивно оценивает деятельность российской власти (высшего политического руководства России) в области выработки и реализации политики устойчивого развития. При этом позитивная роль политического руководства России четко противопоставлена преимущественно негативным оценкам той роли, которую играет государственный аппарат («чиновники») в реализации политики устойчивого развития.

В-третьих, эксперты в целом невысоко оценивают роль гражданского общества в реализации политики устойчивого развития: рассматривают ее как преимущественно пассивную, не влияющую ни на содержание государственных стратегий развития, ни на практики реализации политики развития.

В-четвертых, преобладают положительные (умеренно-позитивные и позитивные) оценки роли российского бизнеса и механизму государственно-частного партнерства в реализации политики устойчивого развития. При этом эксперты фиксируют ряд серьезных проблем во взаимодействии российского государства и бизнеса. Детальное содержание этих проблем представлено в параграфе 3.2 и приложении Б к диссертации.

В-пятых, к числу ключевых факторов, стимулирующих выработку и реализацию политики устойчивого развития в современной России, относятся антироссийские санкции, усиливающаяся военно-политическая

конфронтация со странами Запада, сохраняющаяся сырьевая ориентация отечественной экономики, высокий уровень цифровизации российского общества. Можно заметить, что из указанных факторов только последний может быть охарактеризован как позитивный стимул интенсификации политики устойчивого развития.

В-шестых, среди основных проблем, препятствующих реализации стратегии устойчивого развития в Российской Федерации, особо острыми являются высокий уровень коррупции, недостаточное финансирование программ и проектов развития, нормативные и институциональные ограничения.

В-седьмых, среди наиболее перспективных направлений совершенствования политики устойчивого развития в Российской Федерации выделяются цифровая оптимизация системы государственного управления и государственно-общественного взаимодействия, усиление роли экологического компонента, комплексная технологическая модернизация российской экономики с акцентом на внедрение инноваций и повышение качества жизни населения.

Проблемы и перспективы совершенствования политики устойчивого развития, выявленные по результатам экспертного опроса, более подробно описаны в параграфах 3.2 и 3.3 диссертации и в приложении Б к диссертации.

Проведенный анализ показывает, что программы устойчивого развития в современной России ограничиваются широким кругом экономических вопросов, технологическим сектором и задачами обеспечения социального благополучия граждан, не оказывая прямого трансформирующего воздействия ни на политическую систему России, ни на практики государственного управления. Таким образом, можно заключить, что в современной России созданы базовые нормативно-институциональные основания успешной реализации стратегии устойчивого развития на различных уровнях функционирования системы государственного управления. Вместе с тем, необходимо признать, что до настоящего времени

в полной мере не решен вопрос координации деятельности федеральных и региональных органов власти по достижению всего комплекса национальных целей развития, детально сформулированных в Указе Президента Российской Федерации и иных нормативных документах.

3.2 Государственно-частное партнерство и корпоративная социальная ответственность как основные направления реализации принципов устойчивого развития в России

Общепризнано, что одним из важнейших векторов реализации стратегий устойчивого развития в реалиях XXI века является тесное сотрудничество государства, его институтов и социально ответственного бизнеса [125]. Основываясь на опыте современных стран, можно говорить о том, что ни органы государственного управления, ни коммерческие структуры не являются самодостаточными акторами устойчивого развития, если последнее понимается как широкий комплекс задач в различных сферах общественной жизни [105, с. 65].

Однако понимание государственно-частного партнерства исключительно в контексте «софинансирования» - поиска дополнительных инвестиционных ресурсов – представляется все же несколько ограниченным. В современных условиях на первый план выходит необходимость не только поиска эпизодических «точек соприкосновения» государства и бизнес-структур с целью получения прибыли, а именно выработка конфигурации непрерывного взаимодействия в системе координат «государство – бизнес» для достижения всех основополагающих ЦУР и национальных целей развития Российской Федерации в перспективе как минимум до 2025 года.

Рассматривая государственно-частное партнерство в ракурсе целей устойчивого развития и поэтапного осуществления «зеленой трансформации» российской экономики, следует, тем не менее, обратиться

к терминологическому аспекту указанного вопроса. Так, согласно Закону Российской Федерации от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» «государственно-частное партнерство, муниципально-частное партнерство - юридически оформленное на определенный срок и основанное на объединении ресурсов, распределении рисков сотрудничество публичного партнера, с одной стороны, и частного партнера, с другой стороны, которое осуществляется на основании соглашения о государственно-частном партнерстве...» [106].

Указанное определение, как представляется, достаточно емко раскрывает суть и механизм тесного взаимодействия государства и бизнеса. В то же время, нельзя не отметить и ряд ограничительных моментов, вытекающих из такого определения:

- во-первых, государственно-частное партнерство формально ограничено экономической сферой, что сужает ареал взаимодействия власти и бизнеса в современных условиях;

- во-вторых, справедливый акцент на «привлечение частных инвестиций» как на, безусловно, важном экономико-управленческом процессе, тем не менее, оставляет вне фокуса внимания конечную цель такого партнерства – повышение качества жизни граждан (а не только объемов и качества предоставляемых товаров и услуг) [106].

Важно отметить, что и в зарубежной, и в отечественной научной литературе достаточно устойчивой является тенденция интерпретации государственно-частного партнерства в инвестиционно-инфраструктурном ключе, как некоего варианта «частичной приватизации». Исследователи, изучавшие данную проблему, указывают на несколько базовых характеристик современного понимания термина «государственно-частное партнерство»:

- акцент на инновационные технологии, средне- и долгосрочную проектную деятельность;

- особое внимание к частно-государственному взаимодействию и проектированию в области развития социальной инфраструктуры, функциональных подсистем хозяйственных комплексов, связанных с благоустройством территорий и качеством внешней среды;

- важность дополнительного финансирования: привлечение негосударственных средств для реализации социально значимых инициатив в сфере производства товаров и услуг;

- выбор оптимальных форматов стратегического и оперативного управления в целях минимизации издержек, административно-управленческих и финансовых рисков, возникающих в ходе реализации проектов.

В то же время ориентация исключительно на дополнительное финансирование не должна рассматриваться в качестве определяющей цели сотрудничества государства и бизнеса. Поэтому интерес представляет более развернутое определение государственно-частного партнерства (Е.Г. Варнавский): «государственно-частное партнерство – это институциональный и организационный альянс между государством и бизнесом в целях реализации национальных и международных, масштабных и локальных, но всегда общественно значимых проектов и программ в широком спектре сфер деятельности: от развития стратегически важных отраслей промышленности и НИОКР до обеспечения общественных услуг» [107, с. 17].

Указанное определение подчеркивает два принципиально важных, на наш взгляд, момента. Первый момент – общественная значимость совместно реализуемых программ и проектов. Второй момент – речь идет именно о стратегическом развитии социально-экономических систем различных уровней (включая местные хозяйственные комплексы), в том числе, на основе инновационных решений и с использованием новых

технологий. Такой подход позволяет осветить государственно-частное партнерство и в качестве одного из системообразующих механизмов макроэкономического развития, и одновременно - подчеркнуть важность его ориентации на технологические и социально-управленческие инновации. Таким образом, «концептуальным базисом ГЧП становится задача реформирования управления как в частном секторе, так и в государственном, идущая от потребностей адаптации стран к глобальной экономике, развитию информационных технологий и растущему давлению со стороны потребителей» [108, с. 90]. Данная функциональная композиция, раскрывающая суть государственно-частного партнерства в современных экономико-технологических реалиях, отражена на рисунке 13.

Источник: составлено автором по материалам [107; 108].

Рисунок 13 - Функциональная композиция государственно-частного партнерства в Российской Федерации

Важно подчеркнуть, что в современной России, начиная с 1990-х годов, накоплен достаточно обширный опыт государственно-частного взаимодействия в области экологических программ, комплексной защиты окружающей среды, развития социальной инфраструктуры. Так на рубеже 2000-2010-х годов исследователи обращали внимание на стратегическую

значимость таких механизмов и форм государственно-частного партнерства, как особые экономические зоны, развитие лизинга, развитие банковских услуг и льготное кредитование социально ответственного бизнеса, разработка региональных нормативных актов и программ партнерства в сфере охраны окружающей среды [105; 107]. В то же время можно констатировать, что лишь в 2018-2019 годах, когда были сформулированы национальные цели развития и приняты соответствующие общенациональные нормативные документы, государственно-частное партнерство стало рассматриваться в системном и долгосрочном ракурсе, как один из определяющих механизмов обеспечения устойчивого социально-экономического и политического развития Российской Федерации.

Можно отметить, что в 2010-е годы социально ответственный бизнес стал осознавать необходимость участия в программах ГЧП в стратегических отраслях хозяйственной деятельности страны, в частности, в энергетической сфере. Так, в 2015 году в ходе реализации соответствующей федеральной программы по развитию возобновляемых источников энергии была построена Переволоцкая солнечная электростанция, в 2017 г. – солнечная электростанция «Нива» в Астраханской области, Орлан-Гайская и Пугачевская солнечные электростанции в Саратовской области были запущены в 2018 году [109].

В рамках развития международного профиля ГЧП одним из важных векторов также стал переход к «зеленой» энергетике – более активное использование возобновляемых источников энергии при минимизации негативного воздействия на природные ареалы. Примером такой деятельности может служить совместный проект государственной корпорации «Росатом» и производителя ветровых турбин компании Lagerwey (Нидерланды) по строительству ветряной электростанции в республике Адыгея в 2019 году. Более того, в рамках долгосрочного сотрудничества в области энергетики «Росатом» и Lagerwey заключили договор о создании

совместного предприятия по производству и продаже ветровых турбин в России [110].

Также одним из перспективных направлений ГЧП в рамках формирования инфраструктуры и механизма «зеленой экономики» выступает развитие реверсной логистики – организация «обратного движения» материальных ценностей и ресурсов, выведенных из хозяйственного оборота. Важной составляющей реверсной логистики является вторичная переработка бытовых отходов, организация раздельного сбора мусора. На сегодняшний день программы раздельного сбора мусора были не только формально внедрены, но и успешно реализуются в целом ряде муниципальных образований России (в частности, в некоторых муниципалитетах Московской области). Тем не менее, говорить о том, что ресурсосберегающий подход к утилизации и переработке бытовых отходов стал неотъемлемой частью экологического сознания граждан и прочно закрепился в качестве одного из приоритетных направлений партнерства бизнеса с государственными и муниципальными структурами, пока не представляется возможным.

Перспективным направлением внедрения принципов государственно-частного партнерства в российской промышленности является внедрение природоохранных принципов организации производства и технологий, нацеленных на рациональное использование природных ресурсов. В частности, перед российской нефтяной промышленностью все более рельефно обозначилась задача увеличения глубины переработки нефти (что может быть крайне актуально при дальнейшей реализации наиболее негативных, сверхдолгосрочных сценариев санкционного давления на российский энергетический комплекс). С ней коррелирует смежная технологическая задача разработки и внедрения инновационных технологий ее добычи, позволяющих, не только нарастить прибыль нефтяных компаний, но и сокращающих вредное воздействие на экосистему.

В то же время необходимо констатировать, что выстраивание модели государственно-частного партнерства в сфере устойчивого развития

в современной России сопряжено с рядом проблем и препятствий. Так, Я.И. Ваславский справедливо обращает внимание на первичность институциональных проблем и финансового компонента в организации государственно-частного партнерства и подчеркивает главенствующую роль государства реализации совместных проектов устойчивого развития [111, с. 92]. А.Я. Рыженков и его коллеги указывают на недостаточную проработанность механизмов и, что также важно, отсутствие единого понимания характера и приоритетов государственного и муниципально-частного партнерства в экологической сфере [112, с. 37-38].

Мирошниченко Т.А., рассматривая государственно-частное партнерство в сфере устойчивого развития сельских территорий России, выделяет следующий комплекс проблем:

- длительный срок окупаемости проектов в целом и, соответственно, окупаемости частных инвестиций;
- несовершенство нормативно-правовой базы в области ГЧП;
- недостаток доверия между государством и коммерческим сектором;
- недостаток квалифицированных специалистов, способных сопровождать реализацию проектов в сфере устойчивого развития (особенно на муниципальном уровне) [113, с. 126].

Таким образом, необходимо отметить, что сегодня государственно-частное партнерство в сфере обеспечения устойчивого развития на региональном и муниципальном уровне сопряжено с рядом серьезных методологических и организационно-управленческих проблем и ограничений. В первую очередь речь идет о необходимости и реальной возможности полноценной и корректной имплементации национальных целей развития на региональном уровне. Указанная задача сопряжена не только с важностью учета региональной специфики развития, но и с наличием необходимого кадрового потенциала, способного обеспечить реализацию программ развития на региональном уровне. В связи с этим важно заметить, что в январе 2025 года Правительство

Российской Федерации завершило формирование единого плана по достижению национальных целей развития до 2030 года и на перспективу до 2036 года. Предполагается, что он будет выступать ключевым комплексным ориентиром в работе региональных администраций, институтов развития и госкомпаний по выполнению задач развития, поставленных Президентом России В.В. Путиным [147]. Указанный единый план призван конкретизировать пути достижения национальных целей и характеризующих их показателей в условиях новых международно-политических вызовов, обеспечить скоординированную работу органов федеральной, региональной власти, а также более тесное и эффективное взаимодействие структур государственного управления с бизнес-сообществом [147].

Серьезный интерес представляет мнения опрошенных экспертов о проблемных «узлах» взаимодействия государства и российского бизнеса – и в ракурсе уже сформулированных национальных целей развития, и с точки зрения «запуска» новых перспективных стратегий устойчивого развития. Первая проблема, о которой говорят эксперты – высокий уровень теневой составляющей в государственно-коммерческих отношениях, тенденция частичной криминализации взаимодействия государственно-управленческих структур и бизнеса. В частности, были озвучены следующие мнения:

- «коррупционные схемы, развитие теневого сектора – все это убивает «зеленую» инициативу, поскольку все участники процесса сосредоточены на себе и своей выгоде сегодня, никто не думает ни о каком будущем»;

- коррупционные практики, а «устойчивое развитие» понимается чиновниками как еще одно из направлений, за счет которого можно обогащаться, при этом те, кто руководит реализацией программ устойчивого развития, слабо представляют, что это такое и в чем суть задач, которые стоят перед ними, по крайней мере, прописаны на бумаге».

Не менее важный проблемный аспект, на который указывают эксперты, связан с финансовой ситуацией, складывающейся в современной России в условиях нарастающего санкционного давления:

- «государству сейчас от бизнеса нужны деньги, финансовые вливания в проекты, но внешняя конъюнктура вынуждает российский бизнес выживать, а не думать о долгосрочном развитии. И тем более, нет какого-то желания участвовать в государственных программах устойчивого развития, которые принимались несколько лет назад, еще даже до пандемии и не всегда актуальны сегодня, в условиях санкций против России»;

- «необходимо понимать, что за последние полтора года ситуация серьезно изменилась. Бизнес российский, особенно крупный, завязанный на импорт, испытывает мощное давление и нехватку денег по причине западных санкций, поэтому все долгосрочные проекты, устойчивое развитие, все это отложено в дальний ящик пока».

Также опрошенные нами эксперты, солидаризируясь с мнением многих авторов, указали на институциональные и нормативные ограничения, препятствующие ГЧП в проектах устойчивого развития:

- «даже если отбросить коррупцию и непрофессионализм, слишком слабой является институциональная база партнерства государства и частных компаний, не вполне понятны и прозрачны механизмы»;

- «развитие государственно-частного сотрудничества в сфере инноваций и «зеленой экономики» наталкивается на отсутствие внятных институциональных механизмов со стороны государства. Например, часто на уровне региона даже не понятно, кто, какое ведомство отвечает за реализацию стратегии устойчивого развития, или никто не отвечает?»;

- «институты государства не вполне адаптированы под цели и задачи развития, поэтому бизнесу не вполне понятны правила, на которых это самое сотрудничество может быть выстроено так, чтобы рассчитывать на прибыль в среднесрочной и долгосрочной перспективе, а не только нести все издержки непродуманных решений чиновников».

Все указанные выше организационно-управленческие барьеры органично связаны с такой фундаментальной проблемой, как недостаточный

уровень доверия между государством и российским бизнесом. Об этом весьма четко говорят эксперты – участники опроса:

- «бизнес не доверяет государству, кстати, во многом вполне обоснованно, естественно это накладывает негативный отпечаток на сотрудничество, создает психологические барьеры, которые сложно преодолеть»;

- «когда государство декларирует всякие благие начинания, например, в сфере экологии, охраны природы, развития бытовой инфраструктуры и требует от бизнесменов поучаствовать, это вызывает скепсис и недоверие, никто не верит, что деньги пойдут на благое дело, и тем более не верит, что эти проекты могут принести прибыль»;

- «хроническое недоверие между российским бизнесом и чиновниками. Первые видят в чиновниках коррупционеров, прикрывающихся развитием для личного и семейного обогащения и для публичного пиара. Для чиновников – бизнесмены это те, кто заинтересован в прибыли максимальной здесь и сейчас, нацелен на схемы ухода от налогов, на вывод денег и не готов инвестировать в будущее страны и в социальные блага, если это не приносит быстрых доходов».

Еще одна проблема, на которой акцентируют внимание эксперты, - это кадровое обеспечение, реализации проектов устойчивого развития в ходе государственно-частного партнерства:

- «недостаток кадров, и в бизнесе, и в госаппарате достаточно мало людей, кто реально понимает, что такое устойчивое развитие, и как его организовать в российских условиях, в основном все формальные исполнители»;

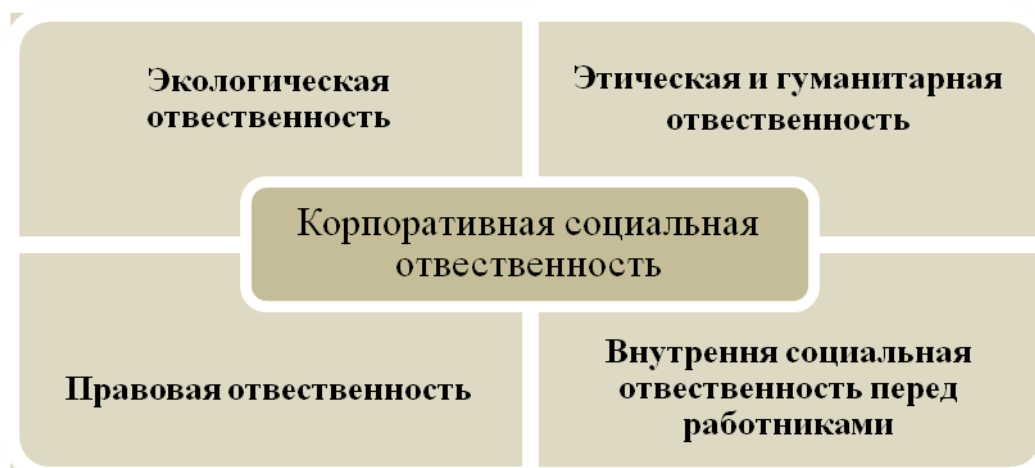
- «проблема квалификации чиновников, невысокий уровень «экологичности» мировоззрения российских предпринимателей, бизнес-структур, есть понимание, что бизнес должен нести социальную ответственность и социальную нагрузку определенную, но нет понимания, как это конкретно соотносится с принципами «зеленой» экономики».

Учитывая все обозначенные выше проблемы, связанные с возможностями ГЧП в сфере устойчивого развития, можно, тем не менее, отметить, что, по мнению опрошенных экспертов, и по мнению других ученых, наиболее фундаментальным барьером в этой области является невысокий уровень взаимного доверия между государственными и институтами и предпринимательским сообществом. Как справедливо указывают О.Ю. Гончарова и И.Н. Сидоренко, доверие между государством и бизнесом «подразумевает предсказуемость действий субъектов экономических отношений, следствием чего является сокращение неопределенности, интенсификация процессов совместной деятельности и рост их эффективности [114, с. 112]. А.Н. Шохин и А.В. Проскурин выделяют девять факторов «институционального доверия» бизнеса к государственной власти: восприятие коррупции, транзакционные издержки, восприятие социальной справедливости, социальные связи и т.д. При этом на первое место они ставят такой фактор, как «поведение должностных лиц» [115, с. 167].

В данном ракурсе весьма показательные результаты ряда социологических исследований. Так согласно данным исследования «Речка движется и не движется: 1001 мнение российских бизнес-лидеров», проведенном консалтинговой компанией PwC в 2021 году, уровень доверия российских предпринимателей к государственным структурам вырос по сравнению с 2018 годом на 5% - с 35% до 40%. Однако по-прежнему крайне значительным остается число российских предпринимателей, не доверяющих государству, - 53% [116].

Одним из важных аспектов развития государственно-частного партнерства в области устойчивого развития Российской Федерации является корпоративная социальная ответственность отечественного бизнеса. Проблема формирования и роста корпоративной социальной ответственности в бизнес-среде вызывает широкий интерес. При этом важно отметить, что в научном сообществе продолжают дискуссии

и о содержании понятия «корпоративная социальная ответственность», и о критериях социально ответственного поведения субъектов бизнеса [148; 149; 150]. Опираясь на исследования отечественных и зарубежных ученых, можно определить корпоративную социальную ответственность как концепцию функционирования бизнеса, предполагающую, что бизнес-субъекты несут ответственность за последствия свое непосредственного и косвенного воздействия на общество и окружающую среду [148; 151; 152]. То есть речь идет о широкой интерпретации термина «корпоративная социальная ответственность» как ответственности бизнеса перед обществом в целом, которая проецируется в различные сферы жизни и затрагивает интересы значительного числа субъектов, как непосредственно взаимодействующих с бизнес-структурами, так и испытывающих опосредованные и пролонгированные (отсроченные по времени) эффекты, обусловленные деятельностью коммерческих организаций в различных сегментах экономики. Таким образом, в научном и экспертном сообществе доминирует подход, согласно которому корпоративная социальная ответственность рассматривается как многоплановое явление, включающее в себя целый ряд компонентов: этический, экономический, экологический, социальную защиту работников. Многопрофильный характер корпоративной социальной ответственности в современном ее понимании отражен на рисунке 14.

Источник: составлено автором по материалам [148-152].

Рисунок 14 – Основные компоненты корпоративной социальной ответственности современного бизнеса

Важной проблемой является связь корпоративной социальной ответственности бизнеса с практиками политического управления в современной России. Важно отметить, что до сегодняшнего дня именно государство преимущественно выступает инициатором диалога с деловым сообществом и драйвером развития социальной ответственности отечественного бизнеса. Подобная ситуация обусловлена тем, что сегодня государство рассматривает формирование ответственных социально ориентированных моделей функционирования российского бизнеса в качестве одного из важных условий, способствующих достижению стратегических целей социально-экономического развития Российской Федерации и поддержания социальной стабильности в российском обществе. Однако следует отметить, что выработка и реализация принципов корпоративной социальной ответственности, все же, не сводится к механизмам «мягкого» (непрямого) ограничения возможностей коммерческого сектора со стороны государства, а является двусторонним процессом. В долгосрочной перспективе это предполагает возможность тиражирования и выборочного заимствования государственными структурами наиболее успешных и эффективных практик социально ответственного поведения российского бизнеса.

Справедливым является мнение, что корпоративная социальная ответственность большинства субъектов российского бизнеса сегодня еще продолжает находиться в стадии формирования. Однако важно отметить, что интенсификация государственно-частного партнерства в рамках проектов устойчивого развития требует четкой и развернутой оценки субъектов российского бизнеса по степени их соответствия ключевым параметрам устойчивости, экологической и социально-экономической ответственности. В качестве комплексной методики такой оценки был предложен «Индекс деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности (ЭКГ-рейтинг)», разработанный учеными Финансового университета [128].

Указанный рейтинг представляет собой «комплексную оценку «здоровья» субъектов предпринимательской деятельности, направленную на определение уровня их благонадежности, социальной и экологической ответственности» [128]. Ключевыми компонентами ЭКГ-рейтинга являются группы критериев «экология», «кадры» и «государство». Блок критериев «экология» направлен на оценку воздействия бизнес-субъектов на окружающую среду, использование ими оптимальных технологий реализации экологических проектов. Блок «кадры» отражает уровень оплаты труда, а также наличие у компаний собственных социальных, демографических и благотворительных программ. Блок «государство» отражает характер взаимодействия субъектов российского бизнеса с органами государственного управления: налоговую историю, деловую репутацию, участие в инвестиционных проектах социальной направленности [128].

ЭКГ-рейтинг представляет собой трехэтапную оценку субъектов отечественного бизнеса, направленную на выявление степени их соответствия принципам устойчивого развития, экологической и социальной ответственности. «Нулевой» этап – «предквалификация» – предполагает «первичный отбор коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей, которые допускаются к дальнейшей оценке» [128]. Результатом данного этапа является получение статуса участника рейтинга. Первый этап – «скоринг» - предполагает «комплексный анализ коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей на основании верифицированных публичных данных об их истории работы, уровне оплаты труда, финансовом состоянии, платежах в бюджет, учредителях» [128]. При этом в целях обеспечения объективности «используются только официальные данные государственных органов без запросов к участникам рейтинга» [128]. Второй этап – «анкетирование» - основан на экспертной оценке дополнительной информации, предоставляемой участниками рейтинга и отражающей технологический профиль деятельности

бизнес-структур, социальные гарантии, предоставляемые работникам, деятельность в сфере социальных инвестиций и благотворительности [128].

Можно констатировать, что комплексный подход, реализуемый в рамках ЭКГ-рейтинга, отражает отечественное видение устойчивого развития в его развернутом социально ориентированном понимании. Важно, что указанный рейтинг не ограничивается сугубо «зеленой» (экологической) составляющей, а интегрирует в себя такие важные элементы политики устойчивого развития, как корпоративная социальная ответственность, способность бизнес-субъектов выстраивать эффективное и долгосрочное взаимодействие с государственными структурами.

Результаты рейтинговой оценки российского бизнеса в 2023 году представлены в таблице 10.

Таблица 10 – Лидеры ЭКГ-рейтинга российских компаний 2023 года

Участник рейтинга	Уровень	Рейтинг
ООО «Газпром Трансгаз Сургут»	AAA	148
АО «Атомный энергопромышленный комплекс»	AAA	138
АО «Федеральная грузовая компания»	AAA	128
ООО «Газпром добыча Ямбург»	AAA	125
ООО «Лукойл Западная Сибирь»	AAA	123
АО «АБ Инбев Эфес»	AAA	122
ПАО «Нефтяная компания «Лукойл»	AAA	122
АО «Производственная фирма «СКБ Контур»	AAA	121
АО «Систэм Электрик»	AAA	120
ООО «Лукойл-Пермнефтеоргсинтез»	AAA	120

Источник: [128].

Важно отметить, что проблематика обеспечения политико-экономической устойчивости и комплексного развития корпоративной ответственности является одним из приоритетных направлений научно-исследовательской деятельности Финансового университета. Речь идет как о внедрении инновационных инструментов измерения уже достигнутого уровня социальной ответственности бизнес-субъектов, так и о разработке широкого комплекса

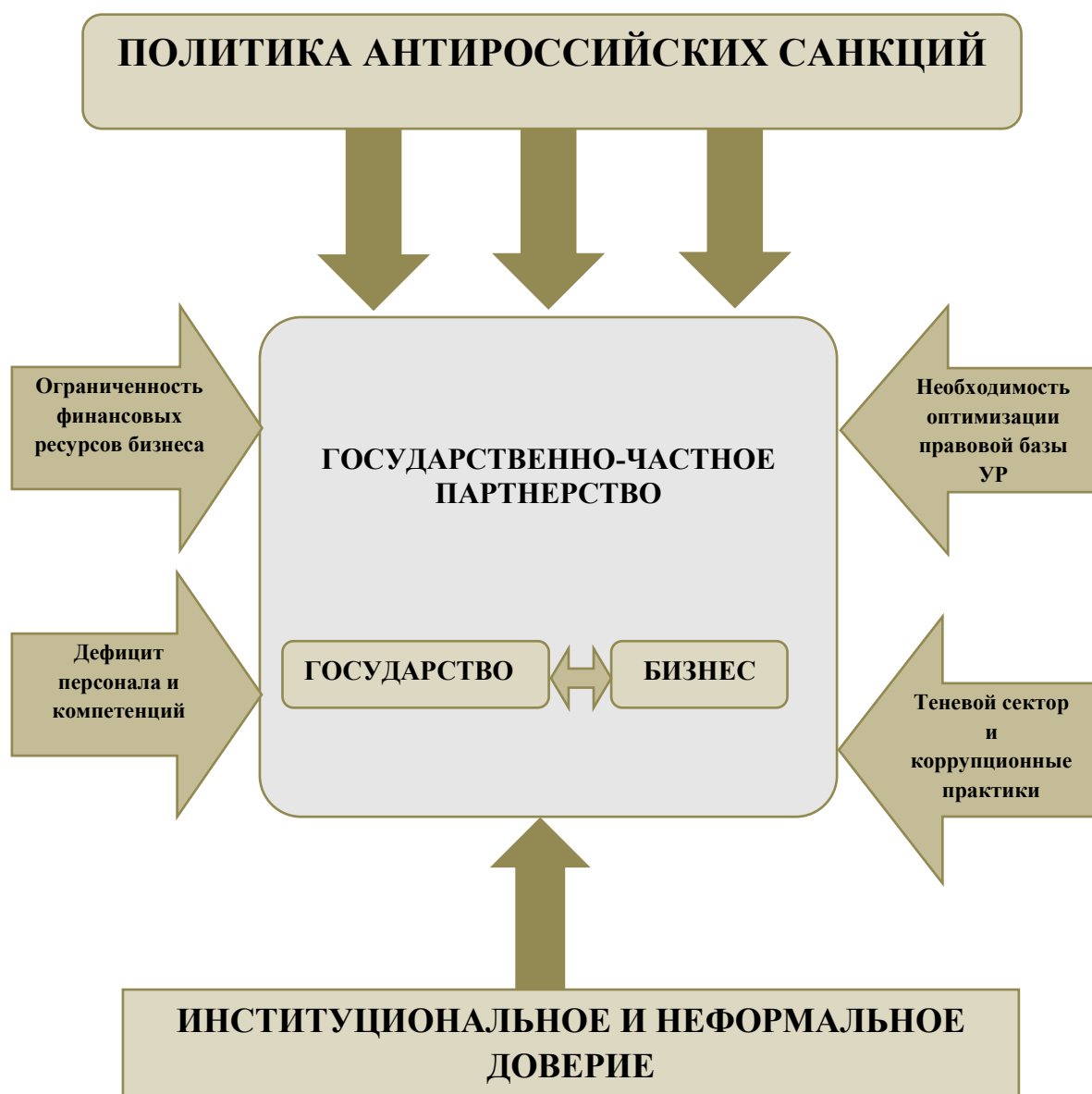
политико-экономических механизмов долгосрочного обеспечения ответственности бизнеса перед российским обществом.

Однако необходимо подчеркнуть, что ЭКГ-рейтинг, будучи тесно связанным с повесткой развития Российской Федерации, должен рассматриваться, прежде всего, в инструментальном ракурсе, то есть как национальная инструментальная альтернатива концепций ESG, разработанная с учетом особенностей российской экономики и модели взаимоотношений между властью, бизнесом и обществом. Не будучи копией или российским вариантом (разновидностью) ESG-подхода и не претендуя на концептуально-политическую функцию, он, тем не менее, является наиболее проработанным и успешно апробированным функциональным инструментом оценки состояния российского бизнеса с точки зрения соответствия базовым параметрам устойчивости, технологического развития и социальной ответственности.

Это подчеркивает возможность расширения пространства дальнейшего использования данного инструмента (в том числе, через корректировку механизма «предквалификации») в условиях необходимости обеспечения технологического суверенитета России. Можно полагать, что ЭКГ-рейтинг способен, уже в среднесрочной перспективе выступить одним из важных инструментов стимулирования инновационного развития российской экономики, укрепления государственно-частного партнерства, а также доверия между российским крупным бизнесом и обществом.

Таким образом, можно констатировать, что задача повышения уровня доверия между государством и бизнес-сообществом представляется принципиально важной для интенсификации их взаимного, равноправного (а не ресурсно-ориентированного, где бизнес выступает только лишь источником дополнительных инвестиций) и долгосрочного сотрудничества. Рассмотренная выше совокупность ключевых проблем, препятствующих развитию проектов государственно-частного партнерства в сферах

устойчивого развития и становления контуров «зеленой экономики» в России, отражена на рисунке 15.

Источник: составлено автором.

Рисунок 15 – Системные проблемы государственно-частного партнерства в области устойчивого развития Российской Федерации

Необходимо отметить, что функциональные ограничения государственно-частного партнерства в сфере устойчивого развития в современной России не исчерпываются исключительно недостатком инвестиционных ресурсов хозяйствующих субъектов, нехваткой соответствующих компетенций и дефицитом доверия между государством и бизнесом. Важными сдерживающими факторами, на которые обращают

внимание исследователи и эксперты, являются слабость региональной и муниципальной нормативной базы, отрицательное воздействие внешних санкций на экономическое состояние бизнес-субъектов (и, соответственно, возможности дополнительного финансирования ими проектов развития), фактор коррупции и присутствие теневых экономических практик, что также стимулирует отказ от долгосрочных капиталовложений в инновационные сферы экономики. Существенной проблемой, сдерживающей реализацию проектов устойчивого развития на региональном и муниципальном уровнях, является недостаточный уровень репутационной заинтересованности (как бизнеса, так и представителей власти, отвечающих за взаимодействие с коммерческими структурами) в выстраивании эффективных, долгосрочных механизмов обеспечения социальной ответственности бизнес-структур перед местными сообществами. В связи с этим следует заметить, что по-прежнему не до конца решенной представляется задача мультиплицирования опыта реализации корпоративных стратегий социальной ответственности, реализуемых ведущими бизнес-структурами современной России на федеральном уровне, на региональные и местные практики государственно-частного партнерства. Отдельной проблемой, на которую указали ряд экспертов, является сохраняющийся реактивный тип управления на муниципальном уровне, фактическая ориентация местных властей преимущественно на оперативный контур управления, на стратегии ситуативного реагирования и отказ от долгосрочного комплексного планирования развития муниципальных образований.

В заключении параграфа 3.2 можно сделать вывод, что в современной России в целом созданы базовые правовые и институциональные основания государственно-частного партнерства в сфере устойчивого развития. Во второй половине 2010-х – начале 2020-х годов интенсифицировались практики системного взаимодействия государственных структур и бизнеса в области развития отдельных направлений формирования экологически ориентированной экономики, энергетики, модернизации социальной

инфраструктуры. В то же время реализация практик государственно-частного партнерства в современной России наталкивается на целый ряд барьеров, обусловленных сокращением инвестиционных возможностей коммерческого сектора в условиях внешнего санкционного давления и нарастающей макроэкономической турбулентности, недостаточным уровнем доверия между государством и представителями отечественного предпринимательского сообщества. Указанные препятствия усугубляются проблемой недостатка квалифицированных управленческих кадров в инновационных сегментах экономики и управленческой сферы.

3.3 Перспективы использования принципов устойчивого развития в российских практиках политического управления

Необходимо признать, что перспективы использования стандартов устойчивого развития в отечественных практиках политического управления наталкиваются на значительное число институциональных и функциональных ограничений. Например, отечественные исследователи справедливо отмечают, что «в качестве дальнейших шагов на российском рынке ГЧП для внедрения принципов устойчивого развития в ГЧП можно применить два подхода. Первый - распространение удачного опыта и примеров, где успешно действуют принципы устойчивости. Второй - совершенствование координации между финансовыми и экономическими министерствами, отвечающими за развитие проектов и программ ГЧП, и природоохранными ведомствами» [117, с. 80]. Говоря о возможности сочетания этих двух подходов, они также указывают, что «в качестве третьего элемента «устойчивости» проектов ГЧП должны выступить работающие процедуры контроля над соблюдением экологических аспектов ГЧП, содержащихся в контрактах» [117, с. 80].

На сегодняшний день в российском научном сообществе продолжаются дискуссии о наиболее перспективных направлениях «политики устойчивого

развития» в Российской Федерации, о возможностях дальнейшего использования ESG-принципов в качестве ориентира для российских практик политического управления. Как указывают эксперты, турбулентная политико-экономическая динамика 2022 года явилось несомненным вызовом для всех «агентов» устойчивого развития в России – и властных институтов, и отечественного бизнеса. Естественно, кардинальное изменение геополитического контекста, переход западных государств к агрессивной политике секторальных и фронтальных санкций, потребовали серьезной корректировки ранее принятых стратегий и проектов в сфере «зеленой экономики» и устойчивого социального развития. Отмечается, что «В 2022 году бизнес был вынужден скорректировать свои цели в области ESG. Казалось, что повестка устойчивого развития сойдет на нет, однако только 40% компаний сократили бюджеты на устойчивое развитие. В новых условиях экономики приоритеты бизнеса и НКО сместились с экологических вопросов на социальную повестку» [118]. Такая трансформация в сторону большей социальной ответственности представляется не только ситуативной реакцией на внешнее экономическое давление, а фундаментальным решением, направленным, в первую очередь, на сохранение социально-политической стабильности в России. В этом смысле единая стратегическая задача государства и бизнеса – обеспечить устойчивость политической системы страны в условиях очевидного роста макроэкономических рисков, турбулентности финансовых рынков.

Однако, такая переориентация в сторону социально ориентированных проектов не подразумевает полного отказа от экологической проблематики и «зеленого перехода». Необходимо признать, что стратегические направления устойчивого развития России, определенные на государственном уровне в конце 2010-х – начале 2020-х годов не утратили актуальности, обладают высоким адаптационным потенциалом и отражают основные задачи, связанные с осуществлением комплексной политико-экономической модернизацией российского общества сегодня.

Еще одно, перцептивное, на наш взгляд, направление связано с необходимостью дальнейшей оптимизации мониторинга и контроля в сфере устойчивого развития. Актуальность указанного направления связана с необходимостью поэтапного внедрения гибких систем индикаторов и схем мониторинга, позволяющих оценить разнообразные параметры успешности реализации программ устойчивого развития [118]. На сегодняшний день уже весьма очевидно, что результаты комплексного развития не могут быть сведены только к совокупности количественных – финансовых и макроэкономических – показателей. В том числе, в фокусе внимания должны находиться показатели, связанные с социальным самочувствием населения, политической ситуацией на конкретной территории (в местном сообществе, регионе); уровень бытовой конфликтности, миграционная динамика и массовое восприятие проблемы миграции населением, вовлеченность граждан в модернизационную повестку, предлагаемую различными властными институтами.

Как уже упоминалось, сегодня центральное ограничение связано с корректировкой вектора развития российской экономики по причине резкого роста массивированного санкционного давления на Российскую Федерацию. Как указывают эксперты, «ввод санкций, уход иностранных инвесторов с российского рынка и смена экономической парадигмы стали дополнительной преградой. Тем не менее, компании, представленные на российском рынке, одна за другой «оживают» после кратковременной паузы в реализации своих планов и заявляют о намерениях сохранить и реализовать ESG-стратегии» [119]. Представляется, что в складывающейся ситуации 2022-2024 годов важнейшей задачей государственного управления становится сохранение намеченных темпов реализации и объемов финансирования программ, связанных с достижением ЦУР. Очевидно, что переориентация части российской экономики на мобилизационную модель, равно как и акцент на импортозамещение, могут привести к выборочному пересмотру временных и количественных

параметров ЦУР. Вместе с тем необходимо отметить три принципиальных момента:

- коррективы динамики и количественных показателей (если таковые будут внесены) не должны привести к отказу от движения российской экономики и российского общества к обозначенным целям развития;

- на повестке дня обозначился предельно прагматический вопрос, связанный с назревшей необходимостью формирования специализированной структуры, непосредственно сфокусированной на ЦУР, отвечающей за их достижение;

- сокращение возможностей государства по финансированию проектов в области устойчивого развития в связи с необходимостью перераспределения расходов федерального бюджета более остро ставит вопрос о негосударственных инвестициях – и в «зеленую экономику», и в социальную сферу, связанную с воспроизводством и ростом человеческого капитала.

Такое направление, как государственно-частное партнерство в сфере устойчивого развития (при всей его перспективности), на наш взгляд, не способно полноценно заметить скоординированную государственную политику по обеспечению достижения целей развития к 2024-2025 годам. Но, тем не менее, оно содержит в себе серьезный потенциал хотя бы частичной компенсации текущих финансовых издержек и экономических рисков. Последние в текущих условиях в значительной мере обусловлены проинфляционными ожиданиями в российском обществе и сокращением государственных доходов, прежде всего, от сырьевого экспорта. Так, руководитель проектного офиса «Чистая вода» Минприроды А. Петров отмечает важность более активного использования рыночных стимулов для формирования механизмов «зеленой экономики» в современной России [119].

Опираясь на мнения опрошенных нами экспертов, можно выделить пять основных перспективных направлений, связанных с внедрением принципов

устойчивого развития в современной России с учетом неблагоприятного геоэкономического и геополитического фона, сложившегося в 2022-2023 годах.

Первое направление – это модернизация политического управления. В частности, на повестку дня ставятся такие вопросы, как совершенствование цифровых инструментов государственно-общественного взаимодействия, расширение потенциала «цифрового правительства», упрощение и снижение объемов документооборота как во взаимодействии государства с гражданами, бизнесом, так и внутри системы государственного и муниципального управления (между различными властными и административными структурами). По существу, речь идет о продолжении проектов, связанных с идеей «цифрового правительства», продолжении дальнейшей цифровой трансформации – и государства, и национальной экономики, и «социальной повседневности» российского общества. При этом некоторые эксперты, отталкиваясь от сегодняшней ситуации, высказывают достаточно радикальные оценки данного процесса:

- «цифровое государство» у нас, простите за каламбур, пока только на бумаге. Ситуация, когда цифровой документооборот полностью дублируется бумажками, приводит к дисбалансу и в перспективе к параличу всей вертикали управления. У нас формируется имитационное «государство отчетов». Если это не изменить и не перейти к нормальной цифровой трансформации всей нашей публичной власти, всех административных структур, то никаких успехов и прорывов в других сферах ожидать не приходится»;

- «цифровой переход, его успешное завершение – это безусловный приоритет. Взаимодействие государства и граждан, включая, конечно, предпринимателей, мелкий и средний бизнес, должно строиться не на формальной отчетности, сборе справок и коррупционных схемах, а на прозрачности, взаимоуважении, сокращении временных затрат и издержек»;

- «при всем уважении к экологии и идеологии «зеленого пути» основной задачей российской модели устойчивого развития в ближайшие годы мне видится деbüroкратизация, внедрение информационных инноваций, цифровизация процессов принятия решений в государстве и экономике, и контроля за их реализацией. И конечно, необходимо готовить соответствующие кадры, управленцев. Готовых решать соответствующие задачи».

Второе направление, которое также по-прежнему остается в свете внимания экспертов, - модернизация экологической сферы и охрана окружающей среды. Подчеркивается следующее:

- «да, сейчас возможно у государства сместились приоритеты, но экологические проблемы, все мусорные полигоны и вредные производства никуда не исчезли, поэтому об этих долгосрочных приоритетах нельзя забывать. Качество среды обитания – это и долгосрочная задача, не «привязанная» к политической конъюнктуре, и залог долгой и качественной жизни наших будущих поколений»;

- «государство, решая крупные экономические проблемы, не может игнорировать тему экологии, защиту окружающей среды. Сегодня целесообразно, чтобы в связи с изменением экономических условий, малый и средний бизнес не стоял в стороне, выжидая, что будет, а уже сейчас был более плотно интегрирован в экологическое направление устойчивого развития России».

Третье направление, о котором также упоминают эксперты – это комплексная модернизация российской экономики на основе высоких технологий, включая использование потенциала «зеленой» энергетики. В частности, были озвучены следующие мнения:

- понятно, что государство сейчас сконцентрировано на проблемах оборонно-промышленного комплекса, производстве вооружений и сокращении технологического отставания в этой сфере. Но не следует забывать и о «мирных» отраслях промышленности. Только внедрение

высоких, экологичных технологий позволит нам выиграть геополитическую конкуренцию у наших оппонентов в долгосрочной перспективе»;

- «необходимо усилить инновационную политику в отраслях, где требуется использование инновационных технологий и новых управленческих подходов. Обеспечить притока кадров. Микроэлектроника, промышленное машиностроение, производство нового медицинского оборудования – во всех этих сферах импортозамещение необходимо не на словах, а на деле. Даже вне контекстов СВО. Если не обеспечим в ближайшие несколько лет, максимум десять лет прорыв в этих направлениях о благополучии, повышении уровня жизни можно будет забыть на десятилетия»;

- «безусловно, надо развивать сферы современного производства и как можно быстрее уходить от «сырьевой иглы». Об этом говорят несколько десятилетий, но сегодня это стало очевидно на все 100%. И новые реалии мировой политики, которые направлены против нас, и то, что «зеленый переход» в Европе уже становится не фантастикой, а реальностью, диктуют нам новые условия. И, как ни странно, могут открыть новые возможности для российского экспорта высокотехнологичной продукции;

- «устойчивое развитие для России – это не «зеленая» экономика в ее западном понимании, а модернизация и реиндустриализация на основе прорывных технологий третьего тысячелетия. Новые источники энергии, электроника, транспорт и транспортная инфраструктура страны, высокоскоростные магистрали, о которых говорил Путин – это все то, что требует инвестиций в первую очередь».

Четвертое направление, особо выделенное экспертами – это обеспечение качества жизни населения через инновации в сфере социальных услуг:

- «ключевой вопрос – качество жизни, качество здравоохранения, политика рождаемости, которой государство сейчас продолжает уделять большое внимание». Основная задача – выход из «демографической ямы», сохранение интеллектуального потенциала как залог будущего успешного развития»;

- «продовольственная безопасность, импортозамещение в сельхозсекторе – вот те приоритеты, о которых надо думать сейчас, чтобы избежать кризиса. Устойчивое развитие для нашей страны сейчас – это стабильное функционирование и устойчивость экономики. А устойчивость российской экономики – это и борьба с инфляцией, и обеспечения населения товарами первой необходимости, качественные отечественные продукты питания. Этот тот экономический минимум и базис, без которого другие проекты утратят всякий смысл»;

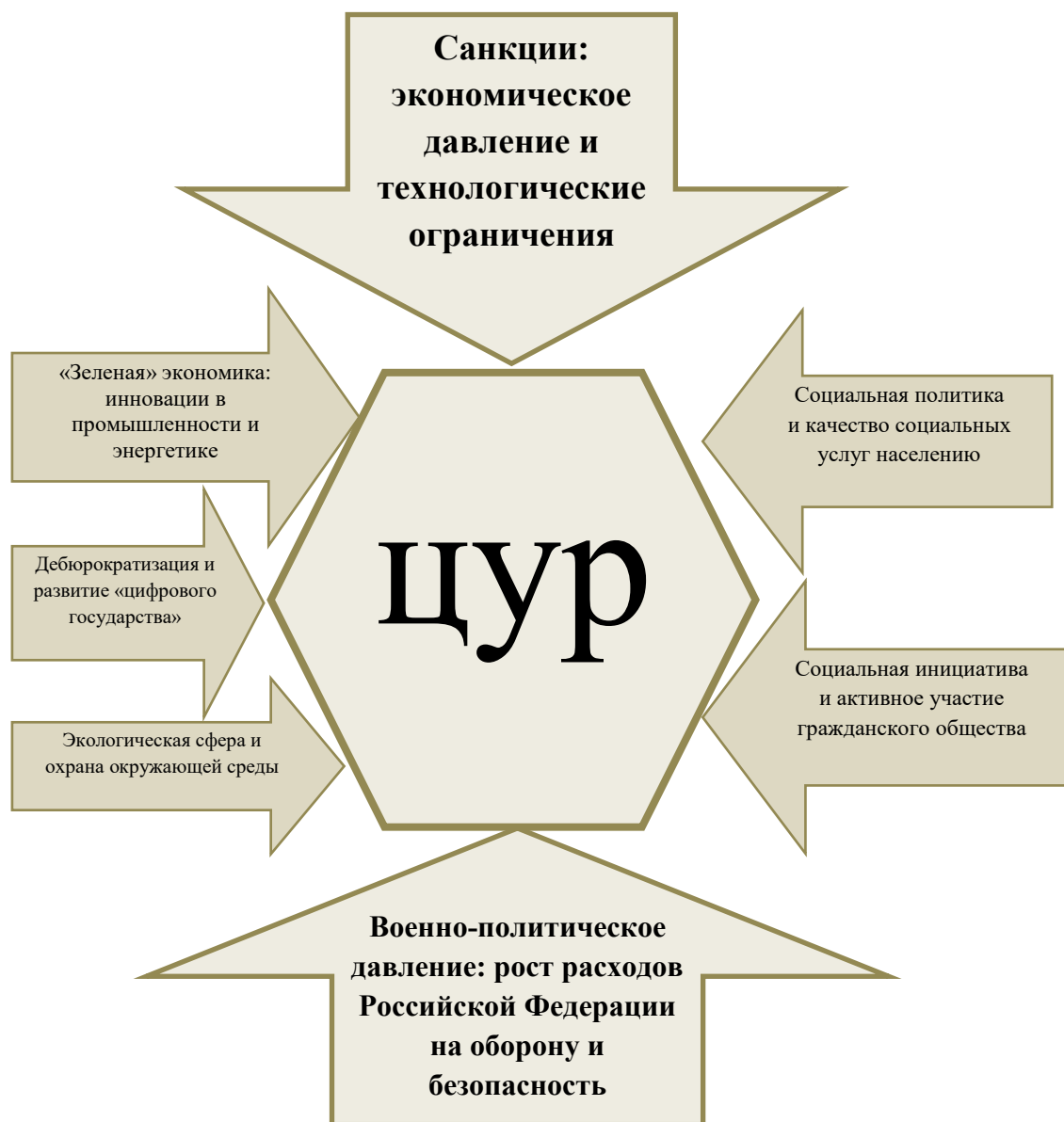
- «от идеологических принципов устойчивого развития отказываться ни в коем случае нельзя, но надо трезво оценивать свои возможности и выбрать несколько ниш в среднесрочной перспективе на 5-7 лет. По моему мнению, такие ниши должны быть связаны с качеством жизни и обеспечением социально-экономической безопасности. Продовольственная сфера, проблема лекарственного обеспечения в условиях санкций – все эти вопросы должны быть в приоритете и решены в максимально сжатые сроки». В дальнейшем, если «коридор возможностей» российской экономики расширится, можно подумать и о энергетическом комплексе, и о новых масштабных инфраструктурных проектах».

Пятое направление, отмеченное экспертами, – это развитие социальной инициативы в процессе формулирования модернизационной повестки устойчивого развития, более активное и долгосрочное взаимодействие государства с институтами гражданского общества:

- «очевидно, что нужно опираться не только на государственные стратегии и национальные проекты, но и на граждан, роль и предложения муниципалитетов, местных сообществ, некоммерческий сектор. Они ближе к «земле», к реальным нуждам населения, и должны не только потреблять услуги и блага устойчивого развития, не только критиковать государственную политику».

Возможные направления корректировки стратегии по достижению ЦУР в условиях санкционного и военно-политического давления на

Российскую Федерацию со стороны «коллективного Запада» представлены на рисунке 16.

Источник: составлено автором по результатам экспертного опроса.

Рисунок 16 – Перспективные направления устойчивого развития России в условиях внешнего политико-экономического давления

Таким образом, завершая параграф 3.3, можно констатировать, что к наиболее перспективным направлениям устойчивого развития Российской Федерации сегодня относятся развитие механизмов цифрового государства, внедрение высоких технологий в стратегические отрасли российской промышленности и переход к «зеленой» энергетической повестке, новые технологические решения в сфере экологической

безопасности. Также приоритетными являются и такие ниши, как рост качества жизни граждан через, соответственно, повышение качества реализации социальной функции государства и бизнеса, развитие общественной инициативы и социального проектирования в области устойчивого развития локальных и региональных сообществ.

Выводы по главе 3

Во-первых, необходимо особо выделить тот факт, что к началу 2020-х годов в Российской Федерации созданы базовые нормативно-институциональные основания успешной реализации стратегии устойчивого развития на различных уровнях функционирования системы государственного управления. Вместе с тем, необходимо признать, что до настоящего времени в полной мере не решен вопрос координации деятельности федеральных и региональных органов власти по достижению всего комплекса национальных целей развития, детально сформулированных в указе Президента России и иных нормативных документах.

Во-вторых, в сегодняшней России сформированы необходимые нормативно-правовые, а также институциональные механизмы реализации государственно-частного партнерства в области устойчивого развития, включая возможности модернизации ключевых отраслей отечественной экономики и социальную инфраструктуру. На рубеже 2010-2020-х годов существенно интенсифицировались практики долгосрочного партнерства государства и бизнеса в области становления «зеленой» экономики, развития высокотехнологичных отраслей экономики и перехода к диверсифицированной и экологически ориентированной энергетической политике.

В Российской Федерации в целом созданы базовые правовые и институциональные основания государственно-частного партнерства в сфере устойчивого развития. Во второй половине 2010-х – начале

2020-х годов интенсифицировались практики системного взаимодействия государственных структур и бизнеса в области развития отдельных направлений формирования экологически ориентированной экономики, энергетики, модернизации социальной инфраструктуры. В то же время реализация практик государственно-частного партнерства в современной России наталкивается на целый ряд барьеров, связанных с сокращением инвестиционных возможностей коммерческого сектора в условиях внешнего санкционного давления и сохраняющейся макроэкономической турбулентности, все еще не высоким уровнем доверия между государством и представителями отечественного бизнеса. Необходимо отметить, что, по оценкам экспертов, отмеченные проблемы усугубляются сохраняющимся дефицитом квалифицированных управленческих кадров в инновационных сегментах экономики и управленческой сферы.

В-третьих, важно отметить, что к наиболее перспективным направлениям устойчивого развития России на современном этапе относятся совершенствование форматов и параметров устойчивого, бесперебойного функционирования «цифрового государства», внедрение высоких технологий в стратегические отрасли российской промышленности и поэтапный переход к «зеленой» конфигурации российского энергетического сектора. Не менее приоритетной и объемной задачей видится разработка и активное применение инновационных технологий в сфере охраны окружающей среды. Безусловными приоритетами устойчивого развития России выступают стимулирование роста качества жизни граждан через повышение доступности и качественных характеристик социальных услуг, активизацию партнерства государственных институтов и социально ответственного бизнеса в области инфраструктурных инноваций, обеспечения социального благополучия и комфорта российских граждан.

В-четвертых, необходимо констатировать, что концепция и принципы устойчивого развития в современной России могут быть состоятельными и востребованными исключительно с учетом национальной политической

и социально-экономической специфики, например, в конкретизированном варианте национальных целей развития.

При этом очевидно, что достижение национальных целей развития сопряжено с необходимостью дальнейшей модернизации уже существующих механизмов стратегического развития Российской Федерации. Прежде всего, речь идет о цифровизации системы мониторинга и принятия стратегических политико-управленческих решений, расширении государственно-частного партнерства в области устойчивого развития, стимулировании инноваций в энергетике и высокотехнологичных сферах российской экономики с целью обеспечения технологического суверенитета России.

Заключение

Завершая исследование, представляется необходимым сделать следующие основные выводы.

Во-первых, необходимо признать, что становление, проработка и закрепление понятия «устойчивое развитие» в социально-политическом дискурсе протекали под влиянием суммы разнообразных факторов: технологических, экологических, экономических, политических, культурно-психологических. Весь комплекс указанных факторов стимулировал сложный процесс переосмысления характера антропогенного воздействия на окружающую среду. Предметом широкой общественной и научной дискуссии стала необходимость, а потом и механизмы снижения тех общепланетарных угроз, которые явно обозначились во второй половине XX века. Важно отметить, что с 1990-х годов ведущее место в понимании природы и принципов устойчивого развития играет синтезный эколого-экономический подход. Его фундаментальным мировоззренческим основанием является концепция «пределов роста», делающая акцент на объективной ресурсной ограниченности экстенсивных моделей развития, существовавших ранее. Одним из наиболее важных элементов современного эколого-экономического подхода к проблеме устойчивого развития является фокусирование на проблематике качества жизни. В рамках такого комплексного понимания устойчивое развитие трактуется в ракурсе симбиотического взаимодействия трех базовых компонентов – экологического, экономического и социального.

Во-вторых, в современном социогуманитарном знании «устойчивое развитие» интерпретируется в зависимости от тех или иных парадигмальных позиций, на которые ориентированы современные ученые, либо исходя из приоритетов конкретных научных исследований. Устойчивое развитие в его политологическом измерении может трактоваться как многофакторный, нелинейный процесс обеспечения развития на основе баланса всех подсистем

современного общества, определяющую роль в направленности и динамике которого играет государство, его политические и административные институты. В то же время важно констатировать, что государство не является монопольным политическим актором, автономным от других субъектов политического поля и самостоятельно обеспечивающим переход к устойчивому развитию. Важно понимать, что полномасштабная реализация принципов устойчивого развития возможна только посредством долгосрочного государственно-общественного взаимодействия, обращения к диалоговым форматам.

Вместе с тем потенциал современных государств в области устойчивого развития во многом ограничен. В широком перечне рисков, препятствующих эффективной реализации стратегий устойчивого развития современными государствами, особого внимания заслуживают стратегические (политико-управленческие и экспертные), организационно-управленческие, ресурсные, культурно-психологические и политико-конъюнктурные факторы, нередко выступающие в качестве препятствия комплексной реализации стратегий устойчивого развития.

В-третьих, необходимо отметить, что стратегии устойчивого развития и связанная с ними «зеленая повестка» занимают важное место в политике Европейского Союза. В перечень приоритетов ЕС в рассматриваемой области входят внедрение базовых принципов и механизмов обеспечения устойчивого развития в различные сферы общественной жизни, включая политическую. При этом ключевыми проблемами, препятствующими полномасштабной реализации стратегии устойчивого развития на общеевропейском уровне, являются неравномерность социально-экономической динамики государств-членов ЕС, сложность согласования их национальных интересов, избыточное фокусирование на узко понимаемой экологической проблематике в ущерб политической составляющей. Так, среди факторов, слабо учитываемых ранее при

формировании общеевропейских стратегий устойчивого развития, особо выделяются миграционная и демографическая проблемы.

Можно особо отметить, что фундаментальным сдерживающим фактором, препятствующим планомерной реализации общеевропейской стратегии устойчивого развития, является инерционный, бюрократизированный и негибкий характер деятельности политических институтов и административных структур ЕС. Такая негативная тенденция избыточной процедурной бюрократизации ярко высветилась на начальном этапе пандемии COVID 19, когда политическое руководство Европейского Союза продемонстрировало свою неспособность эффективно и своевременно реагировать на сложившуюся кризисную ситуацию.

В-четвертых, проведенное исследование показывает: Соединенные Штаты Америки сегодня могут быть признаны одним из государств, лидирующих в области реализации практик устойчивого развития. Однако такое лидирующее положение во многом объясняется инерционной динамикой, унаследованной из 1990-х – начала 2000-х годов. Сегодня государственная политика США в сфере устойчивого развития характеризуется целым рядом внутренних противоречий и дисфункциональных симптомов. Они спровоцированы непоследовательностью политического курса сменяющих друг друга республиканских и демократических администраций, все более заметным дисбалансом между декларативной активностью во внутривнутриполитической сфере (пропагандой идеологии «зеленой экономики») и внешнеполитическим курсом США на международной арене, направленным на генерирование глобальной турбулентности и макрорегиональной нестабильности.

В-пятых, исследование позволило выявить такие особенности реализации политики устойчивого развития в КНР, как последовательное использование стратегического государственного планирования в управлении экономикой, четко выраженная ориентация на дальнейшую технологическую модернизацию различных секторов промышленности

(в том числе, через государственные инвестиционные проекты и механизмы) с учетом возможностей и экономической целесообразности выборочного использования «зеленых» инновационных решений. Широкий спектр приоритетных задач в сфере устойчивого развития КНР включает в себя борьбу с бедностью и смягчение существенных диспропорций в уровне доходов между разными слоями общества. В то же время, важно заметить, что на сегодняшний день перспективы реализации политики устойчивого развития в Китае во многом обусловлены характером и динамикой дальнейшего политико-экономического взаимодействия КНР со странами Запада.

В-шестых, можно констатировать, что в политико-административной системе Российской Федерации на рубеже 2010-2020 годов сложилась сумма нормативно-правовых и институционально-организационных оснований, критически значимых для успешной, планомерной реализации стратегии устойчивого развития. Тем не менее, важно понимать, что до настоящего времени остается не решенным вопрос стратегической и оперативной координации деятельности федеральных и региональных органов власти по достижению всего комплекса национальных целей развития, детально сформулированных в указе Президента России и иных нормативных документах.

В-седьмых, важно подчеркнуть: в современной России выстроены базовые институциональные механизмы государственно-частного партнерства в области устойчивого развития, обеспечивающие возможности модернизации стратегических отраслей отечественной экономики, реализацию необходимых социально ориентированных инфраструктурных проектов. Однако комплексная реализация принципов государственно-частного партнерства в современной России сопряжена с рядом институционально-экономических и политических ограничений, таких как нехватка высококвалифицированных управленческих кадров,

сокращение инвестиционных ресурсов российского бизнеса, невысокий уровень доверия между властью и предпринимательским сообществом.

В-восьмых, необходимо отметить, что концепция устойчивого развития в Российской Федерации может быть состоятельной и актуальной только с учетом отечественной политико-экономической специфики, стратегических задач политического и социально-экономического развития, острой необходимости обеспечения технологического и политико-культурного суверенитета России. Все это требует дальнейшего дистанцирования от западно-центричного понимания устойчивого развития (смысловым ядром которого являются климатическая повестка и связанная с ней идеологема «зеленой» экономики) и выработки общенациональных стандартов стратегического развития. Одним из концептуально-методических оснований подобных стандартов, ориентированных в конечном счете (через оптимизацию деятельности бизнеса и государства) на технологическую модернизацию, повышение качества жизни российских граждан, может выступать ЭКГ-рейтинг, разработанный Финансовым университетом при Правительстве Российской Федерации и показавший свою востребованность и эффективность.

К наиболее перспективным направлениям устойчивого развития Российской Федерации относятся: дальнейшее совершенствование институциональных и технологических систем, обеспечивающих непрерывное и эффективное функционирование «цифрового государства», внедрение высоких технологий в базовые отрасли российской промышленности, поэтапный переход к диверсифицированной структуре отечественного энергетического сектора на основе более активного использования современных «зеленых» технологических решений и стандартов.

Подводя итог исследования, можно констатировать, что выработка и последовательная реализация национальных стратегий устойчивого развития является приоритетом политики значительного числа современных

экономически и технологически развитых государств, включая Российскую Федерацию. При этом в первые два десятилетия XXI века и в науке, и на международно-политическом уровне имело место концептуальное переосмысление и расширение понимания устойчивого развития – переход от сугубо экологических и технологических интерпретаций к комплексным социально-политическим подходам при оценке его содержания.

Важно констатировать, что устойчивое развитие, его обеспечение, занимает важное место в политике современных государств, но, тем не менее, не приводит к радикальной, всеобъемлющей трансформации государственных институтов, существующих механизмов и практик политического управления. Следует учитывать, что сегодня государства сталкиваются с целым рядом негативных внешних и внутривнутриполитических факторов, системно ограничивающих эффективность разрабатываемых и реализуемых ими стратегий и программ устойчивого развития. Одним из таких ограничивающих политических факторов является ориентация на внешние цели и стандарты развития, обусловленная стремлением ведущих западных государств искусственно монополизировать и унифицировать концепцию устойчивого развития, предав ей отчетливый идеологизированный и редуцированный, климато-центричный характер.

Таким образом, сегодня возможность эффективной и последовательной реализации стратегии устойчивого развития в России неизбежно сопряжена с масштабным пересмотром его концептуальных ценностно-смысловых оснований. Актуальной задачей является дальнейшая разработка и совершенствование национально ориентированных механизмов и стандартов устойчивого развития, призванных способствовать укреплению политического, экономического и технологического суверенитета Российской Федерации.

Список литературы

1. Данилов-Данильян, В.И. Глобальная экологическая проблема и устойчивое развитие / В.И. Данилов-Данильян // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. - 2019. - № 4. - С. 8-23. - ISSN 0130-0105.
2. Урсул, А.Д. Глобальные исследования и концепция устойчивого развития / А.Д. Урсул, Т.А. Урсул // Век глобализации. - 2020. - № 2. - С. 3-17. - ISSN 1994-9065.
3. Сорокин, П.А. Общие черты и различия между Россией и США. Из истории развития межнациональных отношений в России (фрагменты из книги «Россия и Соединенные Штаты», 1944) / П.А. Сорокин // СОЦИС. - 1993. - № 8. - С. 133-145. - ISBN 978-5-98620-368-3.
4. Гэлбрейт, Дж. Новое индустриальное общество / Дж. Гэлбрейт. - Москва : АСТ, Транзиткнига, 2004. - 602 с. - ISBN 5-17-024777-X.
5. Форрестер, Дж. Мировая динамика / Дж. Форрестер. - Москва : АСТ, 2005. - 384 с. - ISBN 5-17-019253-3.
6. Тинберген, Я. Математические модели экономического роста / Я. Тинберген. - Москва : Прогресс, 1974. - 174 с. - ISBN 978-5-458-33446.
7. Кабилова, С.А. Теория конвергенции / С.А. Кабилова, Р.Б. Пюльвердиев // Исторический журнал: научные исследования. - 2016. - № 1 (2). - С. 17-21. - ISSN 2411-7897.
8. Донелла, Медоуз, Йорген, Рандерс, Деннис, Медоуз. Пределы роста. 30 лет спустя / Перевод с английского. - Москва : ИКЦ «Академкнига», 2007. - 342 с. - ISBN 978-5-94628-218-5.
9. Данилов-Данильян, В.И. Устойчивое развитие (теоретико-методологический анализ) / В.И. Данилов-Данильян // Экономика и математические методы. - 2003. - Выпуск № 2. Том 39. - С. 123-135. - ISSN 0424-7388.

10. Поланьи, К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / К. Поланьи. - Санкт-Петербург : Алетейя, 2002. - 320 с. - ISBN 978-5-91419-995-8.

11. Дрейер, О.К. Экология и устойчивое развитие / О.К. Дрейер, В.А. Лось. - Москва : Издательство УРАО, 1997. - 224 с. - ISBN 5-204-00105-0.

12. Наше общее будущее : Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) : Перевод с английского / Под редакцией С.А. Евтеева, Р.А. Перелета ; [Предисловие Г. Харлем Брундтланд]. - Москва : Прогресс, 1989. - 371 с. - ISBN 5-01-001747-4.

13. Медоуз, Д.Х. За пределами роста / Д.Х. Медоуз, Д.Л. Медоуз, Й. Рандерс // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. - 1995. - № 5. - С. 80-86. - ISBN 5-01-004105-7.

14. Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию. 14 июня 1992 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : официальный сайт. - Текст : электронный. - URL: <https://docs.cntd.ru/document/8308082> (дата обращения: 18.03.2022).

15. Прошин, В.А. Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию (к 20-летию принятия) / В.А. Прошин // Вестник Новосибирского государственного университета. - 2012. - № 2. - С. 180-183. - ISSN 1818-7986.

16. Мировое счастье. Отчет // Мировое счастье : сайт. - Текст : электронный. - URL: <https://worldhappiness.report/ed/2022/#appendices-and-data> (дата обращения: 20.03.2022).

17. Алиева, Д.М. Предпосылки и факторы устойчивого развития / Д.М. Алиева // Вопросы структуризации экономики. - 2004. - № 1. - С. 37-40. - ISSN 1813-3258.

18. Национальный стандарт Российской Федерации / ГОСТ Р 54598.1-2015 «Менеджмент устойчивого развития». - Москва, 2015. - 32 с.

19. Чубик, М.П. Перспективы устойчивого развития человеческих экосистем / М.П. Чубик // Известия Томского политехнического университета. - 2012. - № 6. - С. 152-156. - ISSN 1684-8519.

20. Гнатюк, С. Теоретические предпосылки возникновения концепции устойчивого развития / С. Гнатюк // Thesaurus : зб. наук. пр. / Магілеўскі інстытут МУС. - Магілеў, 2017. - Выпуск 4: Міждысцыплінарныя даследаванні. - С. 97-105. - ISBN 978-985-7132-26-3.

21. Вагин, В.С. Концепция и индикаторы устойчивого развития / В.С. Вагин, И.К. Хузмиев // Научные труды Вольного экономического общества. - 2011. - № 2. - С. 12-19. - ISSN 2072-2060.

22. Система управления устойчивым развитием в группе «Газпром» // Газпром : официальный сайт. - Текст : электронный. - URL: <https://sustainability.gazpromreport.ru/2020/1-sustainable-management-system/1-1-sustainable-management/> (дата обращения: 14.11.2021).

23. Ставерская, Т.А. Концепция устойчивого развития: современный научный подход / Т.А. Ставерская, Е.В. Жилиякова // Тенденции экономического развития в XXI веке: материалы Международной научной конференции (28 февраля 2019 г., г. Минск) / Белорусский государственный университет. - Минск : Право и экономика, 2019. - С. 174-177. - ISBN 978-985-552-860-0.

24. Терешина, М.В. Политико-управленческие барьеры «зеленого» роста в Российской Федерации / М.В. Терешина, М.В. Онищенко // Человек. Сообщество. Управление. - 2015. - № 3. Том 16. - С. 50-74. - ISSN 1179-5629.

25. Терешина, М.В. Устойчивое развитие региональных экономических систем: проблемы институциональной динамики / М.В. Терешина, М.В. Онищенко // Экономика устойчивого развития. - 2014. - № 2 (18). - С. 210-217. - ISSN 2079-9136.

26. Планетарный проект / Планетарный проект : сайт. - Текст : электронный. URL: http://www.ru.planetaryproject.com/planet_project/critical?yclid=lofc8ldfse618647400 (дата обращения: 14.12.2021).

27. Сахроков, В.А. Устойчивое развитие мировой цивилизации: проблемы и пути решения / В.А. Сахроков // Социальная политика и социология. - 2013. - № 4. - С. 123-131. - ISSN 2071-3665.

28. Хлобыстов, Е.В. Устойчивое развитие макрорегионов: выбор неокOLONиализма / Е.В. Хлобыстов, Л.В. Жарова // ЕКОНОМІЧНИЙ ФОРУМ. - 2012. - № 4. - С. 101-106. - ISSN 2308-8559.

29. Чумаков, А.Н. Актуальные проблемы современной глобалистики: социоприродный аспект / А.Н. Чумаков // Философские науки. - 2012. - № 12. - С. 7-17. - ISSN 0235-1188.

30. Урсул, А.Д. Глобализация в перспективе устойчивого будущего / А.Д. Урсул, Т.А. Урсул // Юридические исследования. - 2013. - № 5. - С. 1-63. - ISSN 2305-9699.

31. Бек, У. Что такое глобализация? / У. Бек. - Москва : Прогресс-Традиция, 2001. - 203 с. - ISBN 5-89826-109-5.

32. Ховавко, И.Ю. Концепция устойчивого развития в контексте глобализации / И.Ю. Ховавко // Век глобализации. - 2016. - № 3. - С. 71-84. - ISSN 1994-9065.

33. Слатенькова, М.А. Государство и устойчивое развитие: взаимосвязь и взаимозависимость / М.А. Слатенькова // Азимут научных исследований: экономика и управление. - 2014. - № 2. - С. 66-69. - ISSN 2309-1762.

34. Брега, А.В. Политический риск: проблемы анализа и управления: Монография / А.В. Брега. - Москва : Планета-Копир, 2005. - 208 с. - ISBN 5-93888-466-7. - Тираж отсутствует.

35. Левашов, В.К. Социально-политическая устойчивость: риски и императивы / В.К. Левашов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. - 2013. - № 4. - С. 29-42. - ISSN 2219-5467.

36. Устойчивое развитие для лучшего будущего / «Евраз» : [официальный сайт]. - Текст : электронный. -

URL: <https://sr2019.evraz.com/ru/sustainability-approach/sustainability-risk-management> (дата обращения: 14.01.2022).

37. Российская Федерация. Законы. О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию [Указ Президента Российской Федерации от 1 апреля 1996 г. № 440] // Президент России : официальный сайт. - Текст : электронный. - URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9120> (дата обращения: 14.01.2022).

38. Цена двух градусов. США вышли из парижской сделки по климату: что это значит? // Лента.ру : сайт. - Текст : электронный. - URL: https://lenta.ru/articles/2017/06/02/paris_deal/?ysclid=l4mx19aweh273561759 (дата обращения: 18.03.2022).

39. Джексон, Т. Процветание без роста. Экономика для планеты с ограниченными ресурсами / Т. Джексон. - Москва : АСТ-Пресс, 2013. - 289 с. - ISBN 978-5-462-01419-2.

40. Rifkin, J. Der Globale Green New Deal / J. Rifkin. - Frankfurt : Campus Verlag, 2019. - 319 p. - ISBN 9783593511351.

41. Кавешников, Н.А. Методы управления в Европейском Союзе / Н.А. Кавешников // Мировая экономика и международные отношения. - 2015. - № 8. - С. 49-60. - ISSN 0131-2227.

42. Ковалев, Ю.Ю. Политика устойчивого развития ЕС: становление, акторы, перспективы / Ю.Ю. Ковалев // История и современное мировоззрение. -2020. - № 1. Том 2. - С. 82-91. - ISSN 2658-4654.

43. Climate Action Network Europe. European NGO coalition on climate and energy. - Текст : электронный. - URL: <http://www.caneurope.org/about-us> (дата обращения: 09.04.2022).

44. Шестая программа действий Европейского Сообщества в области окружающей среды и комментариев к ней / Перевод и комментарий П.А. Калининченко // Кафедра интеграционного и европейского права МГЮА : сайт. - Текст : электронный. - URL: <https://eulaw.edu.ru/spisok-dokumentov->

po-pravu-evropejskogo-soyuza/shestaya-programma- (дата обращения:
10.04.2022).

45. Воробьев, И.С. Низкоуглеродное развитие: опыт ЕС и стратегическое видение российского правительства / И.С. Воробьев, А.М. Воротников // Журнал естественнонаучных исследований. - 2021. - № 4. - С. 71-78. - eISSN 2500-0489.

46. Об Общей программе действий Европейского союза по окружающей среде до 2030 года. Решение Европейского парламента и Совета // Портал правовой информации ЕС : сайт. - Текст : электронный. - URL: https://wecoop.eu/wp-content/uploads/2020/04/8EAP_ru.pdf (дата обращения: 06.01.2023).

47. ЕС договорился о фонде развития экономики и семилетнем бюджете // Ведомости : сайт. - Текст : электронный. - URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2020/07/21/835085-es-dogovorilsya-o-fonde?ysclid=loh2eh0fet897717491> (дата обращения: 05.11.2022).

48. Отказ от АЭС обошелся Германии в 12 миллиардов долларов в год // Российская газета : сайт. - Текст : электронный. - URL: <https://rg.ru/2020/02/18/otkaz-ot-aes-oboshelsia-germanii-v-12-milliardov-dollarov-v-god.html> (дата обращения: 15.11.2022).

49. Германия закрывает половину своих АЭС // Интерфакс : сайт. - Текст : электронный. - URL: <https://www.interfax.ru/world/813605> (дата обращения: 15.11.2022).

50. Жильцов, С.С. Пандемия COVID-19: глобальная перезагрузка политического и экономического развития / С.С. Жильцов // Проблемы постсоветского пространства. - 2021. - № 4. - С. 414-424. - ISSN 2313-892.

51. Сальвини: Италия победит коронавирус, а потом подумает о выходе из ЕС // Регнум : сайт. - Текст : электронный. - URL: <https://regnum.ru/news/2898003> (дата обращения: 03.05.2023).

52. Зиганшина, И. «Эбола для богатых»: три причины, почему Европа не справилась с COVID-19 / И. Зиганшина // Новые известия : сайт. - Текст : электронный. - URL: <https://newizv.ru/news/2020-03-31/ebola-dlya-bogatyh-tri-prichiny-pochemu-evropa-ne-spravilas-s-covid-19-302087?ysclid=loh5qxhzi8>

(дата обращения: 12. 10.2022).

53. Петровская, О.В. Пандемия COVID-19 как индикатор раскола ЕС по оси Восток-Запад / О.В. Петровская // Проблемы национальной стратегии. - 2020. - № 5 (62). - С. 11-54. - ISSN 2079-3359.

54. Фарниа, Л. Статистика по Целям устойчивого развития в Европе / Л. Фарниа // Фонд Э. Маттеи, Венеция, 2019. - Текст : электронный. - URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/ge.32/2020/mtg1/W_2_3B_ENG_UNECE_RUS_Farnia_Statistics_on_SDG_in_Europe_ru_.pdf

(дата обращения: 26.06.2022).

55. Ефименко, Е.Н. Экологическая политика администрации Клинтона : специальность 07.00.03 - Всеобщая история : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Ефименко Евгений Николаевич ; Томский государственный университет - 2004. - 22 с. - Библиогр. с. 21-22. - Место защиты: Томский государственный университет.

56. Buell, J. Sustainable Democracy: Individuality and the Politics of the Environment / J. Buell, T. De Luka. - SAGE Publications, Inc. 1996. - 176 с. - ISBN 9780761902225.

57. Белецкая, М.Ю. Помощь США и продвижение к целям устойчивого развития стран получателей помощи / М.Ю. Белецкая // Россия и Америка в XXI веке. - 2021. - Выпуск № 4. - Текст : электронный. - URL: <https://rusus.jes.su/s207054760017792-8-1> (дата обращения - 20.05.2022).

58. Hansen, H. Aid effectiveness disputed / H. Hansen, F. Tarp // Journal of International development. - 2000. - №. 3. Том 12. - С. 375-378. - ISSN 0954-1748.

59. Сахаров, А.Г. История климатической политики США и повестка дня Арктического совета / А.Г. Сахаров // Вестник международных организаций. - 2018. - № 1. Том 13. - С. 66-79. - ISSN 1996-7845.

60. Климатическая революция: почему Трамп вывел США из Парижского соглашения // РИА Новости : сайт. - Текст : электронный. - URL: <https://ria.ru/20170602/1495684001.html> (дата обращения: 14.06.2022).

61. Understanding the Green New Deal & What's in the Climate Proposal // Инвестопедия : сайт. - Текст : электронный. - URL: <https://www.investopedia.com/the-green-new-deal-explained-4588463> (дата обращения: 12.04.2023).

62. Scotti, O. Trumping Climate Change: National and International Commitments to Climate Change in the Trump Era / O. Scotti // Fundación Universitaria San Pablo CEU. - № 1. - Текст : электронный. - 2020. - URL: <https://repositorioinstitucional.ceu.es/> (дата обращения: 20.02.2022).

63. США вернулись в соглашение, из которого вышел Трамп // РБК : сайт. - Текст : электронный. - URL: <https://www.rbc.ru/politics/19/02/2021/602fbfdb9a7947fbb526f221> (дата обращения: 14.01.2023).

64. Biden unveils \$1.7 trillion climate plan, paid for by reversing Trump corporate tax cuts // CNBC : site. - Текст : электронный. - URL: <https://www.cnbc.com/2019/06/04/joe-biden-unveils-climate-plan-funded-by-reversing-trump-tax-cuts.html> (дата обращения: 28.12.2022).

65. Трамп раскритиковал Байдена за Парижское соглашение по климату // РИА Новости : сайт. - Текст : электронный. - URL: <https://ria.ru/20210606/klimat-1735839572.html> (дата обращения: 14.01.2023).

66. Леонова, О.Г. Алгоритм реализации стратегии «управляемого хаоса» / О.Г. Леонова // Информационные войны. - 2018. - № 2. - С. 38-45. - ISSN 1996-4544.

67. Манойло, А.В. Роль стратегий управляемого хаоса в формировании нового миропорядка / А.В. Манойло // Право и политика. - 2014. - № 5. - С. 638-651. - ISSN 1811-9018.

68. Политов, А.К. Реализация концепции устойчивого развития в Китае / А.К. Политов // Инновации. Наука. Образование. - 2021. - № 34. - С. 496-501. - ISSN 2687-1068.

69. Балашова, М.А. О причинах устойчивого развития экономики Китая в XX-XXI вв. / М.А. Балашова, А.А. Труфанова, М.И. Трошкин // Российско-китайские исследования. - 2021. - № 4. Том 5. - С. 223. - ISSN 2587-7445.

70. Валитова, Д.Р. Развитие предпринимательства как фактор устойчивого развития экономики Китая / Д.Р. Валитова // Проблемы модернизации экономики территориальных систем Российской Федерации: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. - Уфа : ООО «Аэтерна», 2017. - С. 13. - ISBN 978-5-00109-176-9.

71. Сафронова, Е.И. Концепция и практика устойчивого развития: взгляд из Китая / Е.И. Сафронова // Восточная Азия: факты и аналитика. - 2020. - № 3. - С. 18. - eISSN 2686-7702.

72. Стрёмовская, А.Л. Реализация концепции устойчивого развития в Китае / А.Л. Стрёмовская // Вопросы политологии. - 2017. - № 1 (25). - С. 173. - ISSN 2225-8922.

73. Анисова, А.С. Развитие компаний в высокотехнологичных и наукоемких отраслях экономики Китая в контексте устойчивого развития / А.С. Анисова // Самоуправление. - 2021. - № 6 (128). - С. 142. - ISSN 2221-8173.

74. Ширгазина, Э.Р. Цели устойчивого развития в повестке дня стран БРИКС / Э.Р. Ширгазина // Правовое обеспечение развития социального государства в свете целей устойчивого развития: сборник материалов Международной научно-практической конференции. В 2-х частях / Ответственный редактор Р. В. Нигматуллин. - Москва : МГЮА, 2018. - С. 142. – ISBN 978-5-6041697-3-5.

75. Бобылев, С.Н. В поисках новых рамок для целей устойчивого развития после COVID-19: страны БРИКС / С. Н. Бобылев, Л. М. Григорьев // Научные исследования экономического факультета : Электронный журнал. - 2021. - № 1 (39). Том 13. - С. 29. - eISSN 2078-3809.

76. Лыжин, Д.Н. Курс на зеленую экономику как гарантия устойчивого развития БРИКС / Д.Н. Лыжин // Проектная культура и качество жизни. - 2015. - № 1. - С. 468. - ISSN 2413-3515.

77. Быкова, Н. Зеленая экономика для устойчивого развития. Опыт Китая / Н. Быкова, Х. Лан // Стандарты и качество. - 2021. - № 6. - С. 65. - ISSN 0038-9692.

78. Lazareva, E.I. Features of chinese socio-ecological-economic policy to stimulate sustainable urban development: the case of Hangzhou City / E.I. Lazareva, N.I. Libin // State and Municipal Management. Scholar Notes. - 2022. - № 3. - С. 149. - ISSN 2079-1690.

79. Митина, Н.Н. Структура энергетической отрасли Китая и ее устойчивого развития / Н.Н. Митина, И. Бай // Региональная экономика: теория и практика. - 2022. - № 11 (506). Том 20. - С. 2031-2032. - ISSN 2073-1477.

80. Конаш, Д.С. Устойчивое развитие сельских территорий Китая: тенденции и перспективы / Д.С. Конаш, Ю.И. Дзись // Приднепровский научный вестник. - 2022. - № 2. Том 1. - С. 36. - ISSN 1561-6940.

81. Стрёмовская, А.Л. Основные направления деятельности БРИКС по обеспечению устойчивого развития / А.Л. Стрёмовская, Ч. Чжан // Социально-гуманитарные знания. - 2019. - № 3. - С. 186. - ISSN 0869-8120.

82. Андропова, И.В. Индекс устойчивого развития стран БРИКС: методологические аспекты / И.В. Андропова, А.Г. Сахарова // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. - 2022. - № 3. Том 17. - С. 25. - ISSN 1996-7845.

83. Ли, Ц. Цели в области устойчивого развития и БРИКС / Ц. Ли // Философия науки: история и современность : монография / Под редакцией

И.Д. Осипова, С.Н. Погодина. - Санкт-Петербург : Политех-Сервис, 2020. - С. 259. - ISBN 978-5-907386-23-5.

84. Рутковская, В.С. Финансовая интеграция: вызовы для устойчивого экономического развития стран БРИКС / В.С. Рутковская // Экономика и предпринимательство. - 2019. - № 8 (109). - С. 1221. - ISSN 1999-2300.

85. Юхновец, М.К. Деятельность Китая в рамках программы устойчивого развития / М.К. Юхновец, А.А. Нечай // Неделя науки СПбПУ : материалы научной конференции с международным участием. - Санкт-Петербург : Издательство СПбПУ, 2019. - С. 362. - ISBN 978-5-7422-6869-7.

86. Морозкина, А.К. БРИКС и партнерство в интересах устойчивого развития: перспективы расширения торговли с наименее развитыми странами / А.К. Морозкина, В.Ю. Скрыбина // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. - 2021. - № 1. Том 16. - С. 85. - ISSN 1996-7845.

87. Российская Федерация. Законы. Конституция Российской Федерации / Справочно-правовая система «Консультант Плюс» : сайт. - Текст : электронный. - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_ (дата обращения: 13.01.2023).

88. Российская Федерация. Законы. О стратегическом планировании в Российской Федерации : федеральный закон от 28 июня 2014 г. / Справочно-правовая система «Консультант Плюс» : сайт. - Текст : электронный. - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 13.01.2023).

89. Российская Федерация. Законы. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года. [Указ Президента Российской Федерации от 21 июня 2020 г. № 474] / Президент России : официальный сайт. - Текст : электронный. - URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения: 18.12.2022).

90. Российская Федерация. Законы. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года. [Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204] / Президент России : официальный сайт. - Текст : электронный. - URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 18.12.2022).

91. Национальные проекты России. Национальные проекты России : официальный сайт. - URL: <https://xn--80aарамремсчfмо7а3с9ehj.xn--plai/?usclid=loheq596vi144558320> (дата обращения: 27.12.2022). - Текст : электронный.

92. Российская Федерация. Законы. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400] / Президент России : официальный сайт. - Текст : электронный. - URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/1> (дата обращения: 14.05.2023).

93. Российская Федерация. Законы. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 9 июня 2020 г. № 1523-р / Правительство Российской Федерации : официальный сайт. - Текст : электронный. - URL: <http://static.government.ru/media/files/w4sigFOiDjGVDYT4IgsApssm6mZRb7wx.pdf> (дата обращения: 27.12. 2022).

94. Устойчивое развитие. Роль России. Результаты опроса российских компаний // GSM Rating Agency : сайт. - Текст : электронный. - URL: https://agencysgm.com/projects/%D0%A0%D0%B5%D0%B7%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8B%20%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%81%D0%B0%20%D0%BF%D0%BE%20%D0%A6%D0%A3%D0%A0_%D0%94%D0%BE%D0%BB%D0%B3%D0%B8%D1%85.pdf (дата обращения: 12.05.2023).

95. Российская Федерация. Законы. О Правительстве Российской Федерации : федеральный конституционный закон от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ (в редакции от 28 декабря 2025 г.) / Kremlin.ru. Портал правовой

информации : сайт. - Текст : электронный. -
URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46015> (дата обращения: 07.06.2023).

96. Якимчук, Н.Н. Государственное управление устойчивым развитием территорий: опыт Финляндии и России / Н.Н. Якимчук, М.Н. Кузнецова, М.В. Иванова // Государственное управление. Электронный вестник. - 2021. - № 85. - С. 45-68. - eISSN 2070-1381.

97. Экспертный совет по устойчивому развитию // Министерство экономического развития Российской Федерации : официальный сайт. - Текст : электронный. -
URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/vneshneekonomicheskaya_deyatelnost/ekspertnyu_sovet_po_ (дата обращения: 20.03.2023).

98. Лексин, В.Н. Федеративная Россия и ее региональная политика / В.Н. Лексин. - Москва : ИНФРА-М, 2008. - 352 с. - ISBN 9785160035161.

99. Авдеева, Т.Т. Развитие конкурентоспособности регионов на основе использования инструментов стратегического планирования / Т.Т. Авдеева // Теория и практика общественного развития. - 2014. - № 14. - С. 70-72. - ISSN 1815-4964.

100. Селищева, Т.А. Региональная экономика : учебник / Т.А. Селищева. - Санкт-Петербург : СПбГИЭУ, 2012. - 470 с. - ISBN 978-5-16-010677-9.

101. Ускова, Т.В. Устойчивость развития территорий и современные методы управления / Т.В. Ускова // Проблемы развития территории. - 2020. - № 2 (106). - С. 7-18. - ISSN 2076-8915.

102. Буреш, О.В. Управление устойчивым развитием региона: зарубежный опыт и российская практика / О.В. Буреш, И.А. Масюта // Вестник Оренбургского государственного университета. - 2014. - № 2. - С. 53-59. - ISSN 1814-6457.

103. Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации : федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ / Kremlin.ru. Портал правовой информации : сайт. - Текст : электронный. -
URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47393> (дата обращения: 20.03.2023).

104. Министерство экологии и устойчивого развития Сахалинской области : официальный сайт. - URL: <https://ecology.sakhalin.gov.ru/> (дата обращения: 14.04.2023). - Текст : электронный.

105. Колягин, С.О. Частно-государственное партнерство: понятие, нормативная база / С.О. Колягин // Социально-экономические явления и процессы. - 2014. - № 9. - С. 65-72. - ISSN 1819-8813.

106. О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ / Kremlin.ru : портал правовой информации. - Текст : электронный. - URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39948> (дата обращения: 26.04.2023).

107. Варнавский, В.Г. Государственно-частное партнерство / В. Г. Варнавский. - Москва : ИМЭМО РАН, 2009. В 2-х томах. Том 1. - 312 с. - ISBN 978-5-9228-0943-6.

108. Кузина, О.Е. Барьеры развития государственно-частного партнерства в России: социальный анализ / О.Е. Кузина // Социологический журнал. - 2011. - № 3. - С. 88-116. - ISSN 1562-2495.

109. «Чистая энергия» : сайт. - URL: <https://clean-energy.ru/> (дата обращения: 08.09.2023). - Текст : электронный.

110. Росатом и Lagerwey создали совместное предприятие по производству ветротурбин в Российской Федерации / ТАСС : официальный сайт. - Текст : электронный. - URL: <https://tass.ru/ekonomika/4773504?ysclid=loib8kbtur157444994> (дата обращения: 10.09.2023).

111. Ваславский, Я.И. Государственно-частное партнерство: перспективы развития общественно значимой инфраструктуры / Я.И. Ваславский // Федерализм. - 2019. - № 4. - С. 75-94. - ISSN 2073-1051.

112. Рыженков, А.Я. О роли государственно-частного партнерства в достижении целей «зеленой» экономики: правовой аспект / А.Я. Рыженков,

А.А. Кадыров, В.М. Ромадилов // Феномен права и законодательство: стратегии и методы познания. - 2022. - № 1 (2). - С. 32-40. - ISSN 2949-1193.

113. Мирошниченко, Т.А. Роль государственно-частного партнерства в обновлении инфраструктуры сельских территорий / Т.А. Мирошниченко // Вестник аграрной науки. - 2022. - № 1. - С. 122-127. - ISSN 2587-666X.

114. Гончарова, О.Ю. Взаимное доверие государства и бизнеса - основа решения задач экономического развития России / О.Ю. Гончарова, И.Н. Сидоренко // Ученые записки Южно-Российского института управления РАНХиГС. - 2013. - № 2. - С. 112-124. - ISSN 2079-1690.

115. Шохин, А.Н. Факторы взаимного доверия института бизнес и института власти в современной России / А.Н. Шохин, А.В. Проскурин // Бизнес. Общество. Власть. - 2019. - № 2. - С. 64-73. - ISSN 2309-4044.

116. Исследование: доверие бизнеса к действиям властей Российской Федерации за три года выросло до 40% / ТАСС - Информационное агентство : сайт. - Текст : электронный. - URL: <https://tass.ru/ekonomika/13024395?ysclid=loig746470689394448> (дата обращения: 14.08.2023).

117. Студеникин, Н.В. Устойчивое развитие в проектах государственно-частного партнерства: преодолевая конфликт интересов / Н.В. Студеникин // Сравнительная политика. - 2015. - № 1. - С. 78-81. - ISSN 2221-3279.

118. Устойчивое развитие в России: что показал 2022 год // РБК : сайт. - Текст : электронный. - URL: <https://trends.rbc.ru/trends/green/6447df009a7947033652ece8> (дата обращения: 20.09.2023).

119. ESG и новая реальность: что ждет проекты по устойчивому развитию в России // ТАСС - Информационное агентство : сайт. - Текст : электронный. - URL: <https://tass.ru/ekonomika/14374419?ysclid=loigm8d8u85049327> (дата обращения: 20.09.2023).

120. Симонов, К.В. Энергетическое измерение консерватизма / К.В. Симонов // Власть. - 2023. - № 1. - С. 17-23. - ISSN 2071-5358.

121. Юшков, И.В. Причины и механизмы внедрения «зеленой повестки» в систему госуправления России / И.В. Юшков // Власть. - 2023. - № 5. - С. 232-237. - ISSN 2071-5358.

122. Sachs, J. The Age of Sustainable Development / J. Sachs. - Columbia : University Press, 2015. - 544 p. - ISBN 978-0-231-17315-5.

123. Williams, C. The Diverse and Contested Meaning of Sustainable Development / C. Williams, A. Millington // The Geographical Journal. - 2004. - № 2. - P. 99-104. - ISSN 0016-7398.

124. Hopwood, B. Sustainable Development: mapping different approaches / B. Hopwood, M. Mellor, G. O'Brien // Sustainable Development. - 2005. - № 13. - P. 38-52. - ISSN 0968-0802.

125. Visser, W. The A to Z of Corporate Social Responsibility / W. Visser, D. Matten, M. Pohl, N. Tolhurst. - London : A John Wiley & Sons, Ltd., Publication, 2010. - 470 p. - ISBN 0-470-68650-2.

126. ЕС определил товары для взимания трансграничного углеродного налога / Ведомости : сайт. - Текст : электронный. - URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2021/07/15/878247-es-opredelil-tovari-dlya-transgranichnogo-naloga> (дата обращения: 29.07.2024).

127. Statistical Review of World Energy 2021. 70th edition / Statistical Review of World Energy 2021 : site. - Текст : электронный. - URL: <https://energy-analytics-institute.org/wp-content/uploads/2021/07/bp-stats-review-2021-full-report.pdf> (дата обращения : 21.07.2024).

128. Рейтинг ответственности бизнеса / ЭКГ. Рейтинг ответственности бизнеса : сайт. - Текст : электронный. - URL: <https://xn----etbbhpfд3ахw8i.xn--p1ai/> (дата обращения: 05.08.2024).

129. Парижское соглашение / ООН : сайт. - Текст : электронный. - URL: https://unfccc.int/files/essential_background/convention/application/pdf/english_paris_agreement.pdf (дата обращения: 05.08.2024).

130. Меркель заявила, что ФРГ в 2020 году произвела 46% энергии из возобновляемых источников / ТАСС - Информационное агентство : сайт. - Текст : электронный. - URL: <https://tass.ru/obschestvo/11219985> (дата обращения: 25.07.2024).

131. Макрон призвал ежегодно направлять \$100 млрд на борьбу с изменением климата / ТАСС - Информационное агентство : сайт. - Текст : электронный. - URL: <https://tass.ru/ekonomika/12821093> (дата обращения: 29.07.2024).

132. Climate Action Plan 2050 / United Nations. Climate Change : site. - Текст : электронный. - URL: https://www.bmuv.de/fileadmin/Daten_BMU/Pool/Broschueren/klimaschutzplan_2050_en_bf.pdf (дата обращения: 10.07.2024).

133. Пыжев, А. Национальная зеленая повестка: экономика, экология или климат? / А. Пыжев // Ведомости : сайт. - Текст : электронный. - URL: <https://www.vedomosti.ru/esg/ecology/columns/2023/08/02/988129-natsionalnaya-zelenaya-povestka-ekonomika-ekologiya-ili-klimat> (дата обращения: 30.07.2024).

134. Байден увидел «начало большого пути» после выступления Путина на саммите / РБК : сайт. - Текст : электронный. - URL: <https://www.rbc.ru/politics/23/04/2021/6082d6459a7947207e11985c> (дата обращения: 19.07.2024).

135. Байден заявил, что бояться надо не ядерной войны, а изменений климата / РИА Новости : сайт. - Текст : электронный. - URL: <https://ria.ru/20230131/bayden-1848825499.html?ysclid=lzzthyn2ry868057872> (дата обращения: 28.07.2024).

136. Россия присоединилась к Парижскому соглашению по климату // РБК : сайт. - Текст : электронный. - URL: <https://www.rbc.ru/politics/23/09/2019/5d88a9089a79475f76930863> (дата обращения: 06.08.2024).

137. Определяемый на национальном уровне вклад Российской Федерации / United Nations. Climate Change : site. - Текст : электронный. - URL: https://unfccc.int/sites/default/files/NDC/2022-06/NDC_RF_ru.pdf (дата обращения: 12.08.2024).

138. Трамп подписал указ о повторном выходе США из Парижского соглашения по климату / ТАСС - Информационное агентство : сайт. - Текст : электронный. - URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22928205> (дата обращения: 17.02.2025).

139. Трамп подписал указ о выходе США из ВОЗ / Интерфакс : сайт. - Текст : электронный. - URL: <https://www.interfax.ru/world/1003853> (дата обращения: 20.02.2025).

140. Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации [Указ Президента Российской Федерации от 28 ноября 2024 г. № 1014] / Kremlin.ru : портал правовой информации. - Текст : электронный. - URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51378> (дата обращения: 11.02.2025).

141. Фирсов, А. Битва лоббистов: как российская энергетика делит триллионы рублей / А. Фирсов // Форбс : сайт. - Текст : электронный. - URL: <https://www.forbes.ru/biznes/357907-bitva-lobbistov-kak-rossiyskaya-energetika-delit-trilliony-rublej> (дата обращения: 19.02.2025).

142. Политология. Новый лексикон / Под редакцией А.И. Соловьева. - Москва : Аспект-Пресс, 2024. - 528 с. - ISBN 978-5-7567-1322-0.

143. Талеб, Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса / Н. Талеб. - Москва : Колибри, 2021. - 769 с. - ISBN978-5-389-25932-4.

144. Who Cares Wins. Connecting Financial Markets to a Changing World / Всемирный банк : сайт. - Текст : электронный. - URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/280911488968799581/pdf/113237-WP-WhoCaresWins-2004.pdf> (дата обращения: 8.06.2025).

145. Боброва, О.С. От устойчивого развития к ESG: опыт европейских компаний и правительств / О.С. Боброва // Государственное управление: Электронный вестник. - 2022. - Выпуск 91. - С. 94-104. - ISSN 2070-1381.

146. Налоговые стимулы низкоуглеродного развития / Фонд «Центр стратегических разработок» : сайт. - Текст : электронный. - URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/7c4/1cp63dlf79zz6zk5hvkkg3ex3pt3nnyt.pdf> (дата обращения: 12.06.2025).

147. Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года / Правительство Российской Федерации : сайт. - Текст : электронный. - URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/http://static.government.ru/media/files/ZsnFICpxWknEXeTfQdmcFHNei2FhcR0A.pdf (дата обращения: 10.06.2025).

148. Carroll, A. Three-dimensional conceptual model of corporate performance / A. Caroll // Academy of Management Review, 1979. - № 4. - P. 497-505. - DOI AMR.1979.4498296.

149. Абулханова, Г.А. Корпоративная социальная ответственность: современный способ ведения бизнеса / Г.А. Абулханова // Наука Красноярья. - 2021. - № 4. Том 10. - С. 81-91. - ISSN 070-7568.

150. Бикеева, М.В. Социальная ответственность бизнеса. Поиск методов оценки / М.В. Бикеева // Статистика и Экономика. - 2020. - № 4. Том 17. - С. 33-43. - ISSN 2500-3925.

151. Игнатова, Л.Н. Корпоративная социальная ответственность как стратегический ориентир бизнеса / Л.Н. Игнатова, П.П. Сергеев, Е.А. Соболев // Экономика и управление: проблемы, решения. - 2021. - № 1 (109). Том 2. - С. 42-49. - ISSN 2227-3891.

152. Пустынникова, Е.В. Корпоративная социальная ответственность бизнеса / Е.В. Пустынникова, А.В. Тимохина // Экономика и бизнес: теория и практика. - 2023. - № 11 (105). - С. 12-16. - ISSN 2411-0450.

153. Ключевые события 2025. Геоэкономика. Прогнозы. Основные риски / Росконгресс. Пространство доверия : сайт. - Текст : электронный. - URL: https://roscongress.org/materials/klyuchevye-sobytiya-2025-geoekonomika-prgnozy-osnovnye-riski/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 22.09.2025).

154. Российская Федерация и устойчивое развитие: обзор достижений, инициатив регионов, бизнеса и гражданского сектора (2020 - 2025): отчет // Москва, 2025. - Текст : электронный. - URL: https://esg-library.mgimo.ru/publications/rossiyskaya-federatsiya-i-ustoychivoe-razvitie-obzor-dostizheniy-initsiativ-regionov-biznesa-i-grazh/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 24.09.2025).

155. Зомонова, Э.М. Стратегия перехода к «зеленой» экономике: опыт и методы измерения : аналитический обзор / Э.М. Зомонова. - Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2015. - 283 с. - ISBN 978-5-94560-254-0.

156. Моисеев, Н.Н. Природный фактор и кризисы цивилизации / Н.Н. Моисеев // Общественные науки и современность. - 1992. - № 5. - С. 84-95. - ISSN 0869-0499.

157. Попова, Г.В. Развитие: понятие и сущность (теоретический аспект) / Г.В. Попова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2009. - № 4. - С. 139-148. - ISSN 2071-8284.

158. Ловингер, Дж. Развитие эго / Дж. Ловингер // Психологическая энциклопедия / Под редакцией Р. Корсини, А. Ауэрбаха. - Санкт-Петербург : Питер, 2003. - С. 731-733. - ISBN 9781315806006.

159. Шабров, О.Ф. Политическое управление: проблема стабильности и развития / О.Ф. Шабров. - Москва : Интеллект, 1997. - 200 с. - ISBN 5-87047-039-0.

160. Шабров, О.Ф. Политика и политическое управление в условиях глобальных изменений / О.Ф. Шабров // Политология и политическое

управление: традиции и новации в науке. - Москва : Проспект, 2024. - С. 75-91. - ISBN 978-5-98597-557-4.

161. Кузич, А.Е. Политическое управление и развитие российского федерализма / А.Е. Кузич // Россия. Политические вызовы XXI века. - Москва : РОССПЭН, 2002. - С. 76-81. - ISBN 5-8243-0308-5.

162. World Scientists' Warning to Humanity / W. Ripple, C. Wolf, T. Newsome // BioScience. - 2017. - № 12. Volume 67. - P. 1026-1028. - ISSN 0006-3568.

163. World Development Report 2024: The Middle-Income Trap // World Bank Group : site. - Текст : электронный. - URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/wdr2024> (дата обращения: 20.10.2025).

164. World Development Report 2023: Migrants, Refugees and Societies // World Bank Group : site. - Текст : электронный. - URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/wdr2023> (дата обращения: 17.10.2025).

165. World Development Report 2022: Finance for an Equitable Recovery // World Bank Group : site. - Текст : электронный. - URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/wdr2022> (дата обращения: 26.09.2025).

166. World Development Report 2021: Data for Better Lives // World Bank Group : site. - Текст : электронный. - URL: <https://wdr2021.worldbank.org/> (дата обращения: 21.10.2025).

167. World Development Report 2020: Trading for Development in the Age of Global Value Chains / World Bank Group : site. - Текст : электронный. - URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/wdr2020> (дата обращения: 29.09.2025).

168. Conflict, peace and security // Stockholm International Peace Research Institute / SIPRI: site. - Текст : электронный. -

URL: <https://www.sipri.org/research/conflict-peace-and-security> (дата обращения: 14.10.2025).

169. Peace and development // Stockholm International Peace Research Institute / SIPRI : site. - Текст : электронный. - URL: <https://www.sipri.org/research/peace-and-development> (дата обращения: 20.10.2025).

Публикации автора диссертации

170. Подобреевская, Е.С. Экологический фактор в современной российской политике: специфика репрезентации и социальные риски / Е.С. Подобреевская, П.С. Селезнев // Вестник Российской нации. – 2022. – № 1-2. – С. 92-99. – ISSN 2073-7459.

171. Подобреевская, Е.С. Использование принципов устойчивого развития в практике политического управления в России: перспективные тренды / Е.С. Подобреевская // Вопросы политологии. – 2023. – № 1 (89). – С. 173-179. – ISSN 2225-8922.

172. Подобреевская, Е.С. «Зеленая повестка» в политическом процессе современной России: особенности формирования / Е.С. Подобреевская // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2023. – № 1. Том 13. – С. 30-34. – ISSN 2226-7867.

173. Подобреевская, Е.С. Качество жизни как фактор кадрового обеспечения экономики региона / П.С. Селезнев, Д.В. Петросянц, В.Н. Белик, Е.С. Подобреевская // Самоуправление. – 2023. – № 6 (139). – С. 300-302. – ISSN 2221-8173.

174. Подобреевская, Е.С. Политика устойчивого развития: проблемы реализации в условиях новых глобальных вызовов / Е.С. Подобреевская // Вопросы политологии. – 2025. – № 1 (113). Том 15. – С. 333-341. – ISSN 2225-8922.

Приложение А
(информационное)

**Экспертный опрос «Политика устойчивого развития в Российской Федерации:
приоритеты и механизмы»**

1. Как бы Вы охарактеризовали понятие «устойчивое развитие»? Что оно в себя включает? Из каких компонентов состоит? Как «устойчивое развитие» понимается в современной России? Изменилось ли это понимание в последние годы?

2. Как бы вы оценили роль государства в сфере обеспечения перехода Российской Федерации к устойчивому развитию? Как бы вы определили понятие «политика устойчивого развития»? Какие механизмы государство использует для реализации собственных инициатив в сфере устойчивого развития?

3. Какие проблемы государственной политики Российской Федерации в области устойчивого развития являются наиболее острыми? Каковы возможные пути их решения?

4. Как бы Вы оценили состояние нормативно-правовой базы Российской Федерации в сфере устойчивого развития? Какие лакуны в ней существуют?

5. Какова роль регионов в реализации политики устойчивого развития в Российской Федерации? Опыт каких субъектов Российской Федерации в данной сфере является, на Ваш взгляд, наиболее успешным и может быть распространен на другие регионы нашей страны?

6. Какова роль местного самоуправления в реализации политики устойчивого развития в Российской Федерации? Опыт каких российских муниципалитетов в данной сфере является, на Ваш взгляд, наиболее успешным и может быть распространен на другие территории?

7. Как бы Вы охарактеризовали уровень государственно-частного партнерства в сфере устойчивого развития? Какова роль корпоративной социальной ответственности в выработке общенациональной стратегии устойчивого развития? Какие направления сотрудничества российского государства и отечественного бизнеса в области устойчивого развития представляются Вам наиболее перспективными?

8. Какие проблемы и ограничения препятствуют расширению государственно-частного партнерства в области устойчивого развития? Какие из указанных проблем носят долгосрочный и системный характер?

9. Какие направления государственной политики России в области устойчивого развития Вам представляются приоритетными, наиболее важными в долгосрочной перспективе?

10. Как бы вы оценили влияние внешних факторов (пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19, внешнеполитической напряженности и т.д.) на перспективы реализации политики устойчивого развития в России начала 2020-х годов.

Приложение Б
(информационное)

Результаты структурно-логического анализа экспертных интервью

Таблица Б.1 – Результаты структурно-логического анализа текстов экспертных интервью

Структурный компонент	Структурный субкомпонент	Характеристика
1	2	3
Понятие «устойчивое развитие»	Редуцированное ориентация на устойчивость	Развитие, обеспечивающее устойчивость социально-экономической и политической сфер, предсказуемость изменений в обществе
	Развернутое: ориентация на комплексное развитие	Тип долгосрочного развития, охватывающий все сферы жизни общества, направленный на их комплексную и последовательную модернизацию в целях роста уровня и качества жизни граждан
Понятие «государственная политика устойчивого развития»	Ориентация на политический курс	Курс государства, направленный на сохранение стабильности и развитие экономики, политики, технологической сферы»
	Ориентация на политические институты	Долгосрочная государственная политика, направленная на организацию эффективной работы институтов развития и реализацию соответствующих государственных стратегий в различных сферах жизни общества – социальной, экономической, политической, правовой, культурной. Ключевыми целями такой политики выступают прогнозируемость общественной динамики и поэтапный рост общественного благосостояния

Продолжение таблицы Б.1

1	2	3
Основные компоненты политики устойчивого развития: акторы развития		
Роль государства в политике устойчивого развития	Политическая власть	Позитивная: системно ориентирована на политику развития, предлагает четкие и реалистичные концепции развития (37 экспертов)
		Двойственная: предлагает качественные стратегии развития, но не всегда последовательно их реализует, недостаточный диалог с обществом (14 экспертов)
		Негативная: ориентирована на непоследовательные действия и решения текущих вопросов, недостаточно компетентна для реализации стратегий устойчивого развития, не заинтересована в диалоге с обществом и бизнесом (13 экспертов)
	Государственный административно-управленческий аппарат	Умеренно-негативная: стараются реализовывать распоряжения свыше, но часто не обладают необходимыми ресурсами, инструментами, полномочиями (20 экспертов)
Негативная: скрыто противодействуют политике власти в области устойчивого развития, «саботируют и выхолащивают» соответствующие политические решения (22 эксперта)		
Роль бизнеса в реализации государственной политики устойчивого развития	-	Лидирующая: выступает инициатором и локомотивом повестки устойчивого развития (16 экспертов)
		Поддерживающая: откликается на инициативы государства и следует в фарватере государственной политики (38 экспертов)
		Деструктивная: противодействует государству и препятствует инициативам власти в сфере устойчивого развития (10 экспертов)

Продолжение таблицы Б.1

1	2	3
Гражданское общество	Общественное восприятие государственных инициатив в сфере устойчивого развития	Позитивное: активная поддержка со стороны общества (7 экспертов)
	–	Нейтральное: общественное безразличие (26 экспертов)
	–	Негативное: общество не готово понять значимость политики устойчивого развития и не разделяет ее задач (13 экспертов)
	Роль общественных организаций	Позитивная: активно включаются в проекты развития, инициированные властью и бизнесом (11 экспертов)
	–	Пассивно-нейтральная: не вовлечены в политику устойчивого развития или играют в ней периферийную роль (28 экспертов)
Основные компоненты политики устойчивого развития: механизмы развития		
Нормотворческая деятельность государства	–	Эффективная: в России создана необходимая правовая база для разработки и успешной реализации стратегий и программ развития (39 экспертов)
		Недостаточно эффективная: правовая база устойчивого развития «не вполне отвечает реалиям сегодняшнего дня» и «холодится все еще в затянувшейся стадии формирования» (13 экспертов)
Государственные стратегии и программы	–	Позитивная оценка: детально проработаны, носят долгосрочный и всеохватывающий характер, отвечают вызовам современности (15 экспертов)
		Умеренно-позитивная оценка: профессионально проработаны, имеют долгосрочный характер, но не всегда обеспечены ресурсами и адекватны внешним вызовам (36 экспертов)
		Негативная оценка: слабо проработаны, бессистемны, не учитывают реальные проблемы социально-экономического развития России (8 экспертов)

Продолжение таблицы Б.1

1	2	3
Государственно-частное партнерство	-	Существенная роль: активно способствует реализации политик развития (12 экспертов)
		Значительная роль: механизмы государственно-частного партнерства не функционируют в полной мере (32 эксперта)
		Незначительная роль: механизмы государственно-частного партнерства фактически не функционируют (11 экспертов)
Нормотворческая деятельность государства	-	Эффективная: в России создана необходимая правовая база для разработки и успешной реализации стратегий и программ развития (39 экспертов)
		Недостаточно эффективная: правовая база устойчивого развития «не вполне отвечает реалиям сегодняшнего дня» и «холодится все еще в затянувшейся стадии формирования» (13 экспертов)
Государственные стратегии и программы	-	Позитивная оценка: детально проработаны, носят долгосрочный и всеохватывающий характер, отвечают вызовам современности (15 экспертов)
		Умеренно-позитивная оценка: профессионально проработаны, имеют долгосрочный характер, но не всегда обеспечены ресурсами и адекватны внешним вызовам (36 экспертов)
		Негативная оценка: слабо проработаны, бессистемны, не учитывают реальные проблемы социально-экономического развития России (8 экспертов)
Государственно-частное партнерство	-	Существенная роль: активно способствует реализации политик развития (12 экспертов)
		Значительная роль: механизмы государственно-частного партнерства не функционируют в полной мере (32 эксперта)
		Незначительная роль: механизмы государственно-частного партнерства фактически не функционируют (11 экспертов)

Продолжение таблицы Б.1

1	2	3
Основные элементы политики устойчивого развития: достигнутые результаты, стимулирующие факторы, проблемы		
Результаты	-	Преимущественно позитивные: повышение продолжительности и качества жизни россиян, сокращение бедности, предсказуемость и прогнозируемость финансовой ситуации в стране, развитие цифровой инфраструктуры и цифровых сервисов, развитие и реализация экологических проектов, экономический рост и рост доходов населения в условиях неблагоприятных внешних факторов (50 экспертов)
		Преимущественно негативные: экономическая нестабильность и негативная инфляционная динамика, высокий уровень смертности, сырьевой характер и экспортная углеводородная ориентация российской экономики, большие разрывы в социально-экономическом благосостоянии регионов, высокая доля малоимущих граждан, изношенность и невысокое качество транспортной инфраструктуры, снижение доступности и качества образования и здравоохранения, «информационный хаос», несогласованность действий федерального центра и регионов в области развития, «кризис традиционных ценностей и самосознания» (56 экспертов)
Стимулирующие факторы	Внешние	Санкционное давление, конфликт с западными государствами, борьба за лидерство в новой конфигурации «глобального мира» (43 эксперта)
	Внутренние	Низкая эффективность сырьевой экономики, необходимость модернизации социальной инфраструктуры, высокий уровень цифровизации (38 экспертов)

Продолжение таблицы Б.1

1	2	3
Проблемы	Высокий уровень коррупции	Сохраняющиеся коррупционные практики, высокая доля теневого сектора, программы развития рассматриваются чиновниками как способ обогащения
	Недостаток финансирования	Государство и российский бизнес сегодня не в состоянии в должной мере финансировать реализацию политики устойчивого развития
	Институциональные и нормативные ограничения	Не развития законодательная база, отсутствие институтов, призванных консолидировать политику устойчивого развития в общенациональном масштабе
Направления оптимизации	Цифровая оптимизация государственного управления	Способствует оперативному принятию решений, мониторингу проблем и координации деятельности на различных уровнях реализации политики устойчивого развития
	Внедрение новых стандартов и технологий охраны окружающей среды	Усиление природоохранной составляющей как одному из приоритетных направлений обеспечения качества жизни
	Комплексная технологическая модернизация российской экономики	Внедрение принципиально новых технологий, способных обеспечить устойчивый экономический рост при снижении ресурсных затрат. Рост уровня жизни и социального благополучия как следствие позитивной экономической динамики

Источник: составлено автором.